Я ♥ читать

Борис Бедный

ДЕВЧАТА

Современные и классические бестселлеры

Девчата

Борис Васильевич Бедный

Аннотация
Борис Васильевич Бедный. Девчата
ДЕВЧАТА ЗНАКОМЯТСЯ С ТОСЕЙ
ИЛЬЯ ВСТУПАЕТ В ТОСИН КРУГ
ПЕРЕД НАЧАЛОМ — ТАНЦЫ
ЖИЛИ-БЫЛИ...
ПЕРВЫЙ СНЕГ
ПЫЖИК ПРОТИВ КУБАНКИ
ИЛЬЯ
НАЧИНАЕТ ШТУРМ. ТОСЮ ПРЕДУПРЕЖДАЮТ
ТЕНИ НА ПОЛУ
КОНТРОЛЬНАЯ ПРОВЕРКА
ТОСИНО СЕРДЦЕ
ДЕНЬ ПОЛУЧКИ
ПРОЩАЙ, КУЛИНАРИЯ!
ТРУДНЫЕ ЕЛКИ. КАПУСТА НА СНЕГУ
АНФИСА ВСТРЕЧАЕТ ДЕМЕНТЬЕВА
НЕЗАМЕНИМАЯ ТОСЯ
ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДЕЛА
НОВАЯ МЕТЛА
АНФИСА ЗАНИМАЕТСЯ САМОКРИТИКОЙ
ИЛЬЯ НАДУМАЛ УЧИТЬСЯ

НАДЯ С КСАН КСАНЫЧЕМ ОБЗАВОДЯТСЯ МЕБЕЛЬЮ
ДЕМЕНТЬЕВ ВОПРОШАЕТ ЭХО
НА ТОРМОЗНОЙ ПЛОЩАДКЕ
ТОСЕ ОТКРЫВАЮТ ГЛАЗА
ПЫЖИК МЕНЯЕТ ХОЗЯИНА
БУМАЖНЫЕ ЗАНАВЕСКИ
ИЛЬЯ ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ
КОЛЕНЧАТЫЙ ВАЛ
ВЕРА С ТОСЕЙ ЗАКЛЮЧАЮТ СОЮЗ
НА СТАРОЙ ЛЫЖНЕ
НАДЯ С КСАН КСАНЫЧЕМ РАССТАВЛЯЮТ МЕБЕЛЬ
АНФИСА ПЛАТИТ СПОЛНА
ТОСЕ ДАРЯТ ЧАСЫ
КСАН КСАНЫЧ ПОЛУЧАЕТ КВАРТИРУ. ТОСЯ НА КАМЧАТКЕ

Аннотация

Молоденькая ершистая Тося приезжает в лесной поселок на заработки. И кто бы мог подумать, что появление этой смешной детдомовской девчонки круто изменит жизнь многих людей: бесшабашного Ильи, холодной Анфисы, отчаявшейся Нади…

Повесть «Девчата» легла в основу одноименного кинофильма, одной из лучших комедий отечественного кино.

Борис Васильевич Бедный
Девчата

ДЕВЧАТА ЗНАКОМЯТСЯ С ТОСЕЙ

Ох и долго же добиралась Тося к месту новой своей работы!

Сначала ее мчал поезд. За окном вагона веером разворачивались пустые осенние поля, мелькали сквозные рыжие перелески, подолгу маячили незнакомые города с дымными трубами заводов. А деревни и поселки все выбегали и выбегали к железной дороге — для того лишь, чтобы на миг покрасоваться перед Тосей, с лету прочертить оконное стекло и свалиться под откос. Впервые в жизни Тося заехала в такую даль, и с непривычки ей порой казалось, что вся родная страна выстроилась перед ней, а она в своем цельнометаллическом пружинистом вагоне несется вдоль строя и принимает парад.

Потом Тося зябла в легоньком пальтеце на палубе речного парохода. Старательно шлепали плицы[1], перелопачивая тяжелую сентябрьскую воду. Встречный буксир тянул длиннющий плот: бревен в нем хватило бы, чтобы воздвигнуть на голом месте целый город с сотнями жилых домов,

---

[1] Примечания: 1

Плица — лопасть пароходного колеса.

школами, больницами, клубом и кинотеатром. «Даже с двумя кинотеатрами!» — решила Тося, заботясь о жителях нового города, в котором, возможно, когда-нибудь придется жить и ей самой. Дикий лес, подступающий вплотную к реке, перемежался заливными лугами. Пестрые крутобокие холмогорки, словно сошедшие с плаката об успехах животноводства, лениво цедили воду из реки. Сплавщики зачищали берега от обсохших за лето бревен, убирали в запанях[2] неведомые Тосе сплоточные станки и боны, готовились к близкой зиме.

Напоследок Тося сменила пароход на грузовик и тряслась в кузове орсовской[3] полуторки по ухабистой дороге. Дремучий лес заманивал Тосю все глубже и глубже в заповедную свою чащобу. Взобравшись на ящик с макаронами, Тося с молодым охотничьим азартом озиралась по сторонам, выслеживая притаившихся медведей. Юркая бочка с постным маслом неприкаянно каталась по днищу кузова и все норовила грязным боком исподтишка припечатать Тосины чулки. Тося

---

[2] Примечания: 2

Запань — заграждение на реке для хранения и сортировки сплавляемого леса.

[3] Примечания: 3

Орсовский — от орс (отдел рабочего снабжения).

зорко охраняла единственные приличные свои чулки и еще на дальних подступах к ним пинала бочку ногой. Один лишь разик за всю дорогу она зазевалась на толстенные сосны, с корнем вывороченные буреломом, — и ехидная бочка тотчас же подкатилась к беззащитным чулкам и сделала-таки свое подлое дело…

И вот уже Тося в лесном поселке, где ей предстояло жить и работать. Она еле поспевала за длинноногим комендантом, торжественно шествующим по улице с одеялом и простынями под мышкой. В военизированной одежде молодцеватого коменданта объединились несколько родов войск: на нем были кавалерийские бриджи, морской китель и фуражка с голубым летным околышем.

Стараясь не отстать от коменданта, Тося на ходу разглядывала поселок. Когда-то здесь шумел вековой лес, но, воздвигая дома, все деревья, как водится, опрометчиво вырубили. И теперь лишь кое-где, рядом с неохватными полусгнившими пнями, торчали, огражденные штакетником, хлипкие и почти безнадежные прутики, посаженные местными школьниками в последнюю кампанию по озеленению и благоустройству поселка.

И строгий начальник лесопункта, с которым только что беседовала Тося, и комендант, по-журавлиному вышагивающий впереди нее, и редкие лесорубы, попадающиеся Тосе на улице, — все они, точно заранее сговорившись между собой, довольно удачно делали вид, будто и не подозревают даже, что живут у черта на куличках. Они вели себя так, словно поселок их находился где-нибудь в центральной, легко доступной для новых рабочих области, а не затерялся в северной лесной глухомани, под самым пунктиром Полярного круга.

«Вот артисты!» — удивилась Тося и потерла бок, где ныла какая-то молодая косточка, ушибленная в трясучем грузовике.

Забивая все звуки вокруг, пронзительно визжала циркульная пила на шпалорезке. Тосе казалось, что пиле больно, она кричит-надрывается, жалуясь на свою судьбу, а люди впрягли нестерпимую ее боль в приводной ремень, назвали самоуправство свое работой, дали пиле план и заставляют ее освобождать шпалы, притаившиеся в бревнах, от горбылей и лишних досок. Тося пожалела несчастную пилу и припустила за комендантом.

На складе у излучины реки разгружали состав

бревен, привезенных из лесу бойким паровозиком «кукушкой». Никогда еще в своей жизни Тося не видела такой уймы бревен. Высокие штабеля выстроились на берегу многоэтажными домами без окон и дверей. Бревна тихо лежали в штабелях, отдыхая в ожидании будущей весны, когда их сбросят в воду и они начнут свой долгий и нелегкий путь к сплоточным запаням и перевалочным базам, к лесопильным заводам в устье реки, к далеким стройкам и ненасытным бумажным фабрикам.

— А много у вас лесу рубят! — почтительно сказала Тося, догоняя коменданта.

— Трудимся… — скромно отозвался комендант и, снисходя к Тосиной неопытности, пояснил: — На нижний склад весь лесопункт работает.

— Значит, и верхний есть? — предположила Тося, и ей самой понравилось, что она такая догадливая.

— Есть и верхние… Сама откуда будешь?

— Воронежская я.

— Залетела! — подивился комендант.

Они подошли к женскому общежитию. Комендант враждебно ткнул кулаком в сторону укромной завалинки, выходящей на пустырь:

— А это место Камчаткой у нас называется. Си-

дят тут некоторые по вечерам. Посидят-посидят, а потом и комнату отдельную требуют. А комнат свободных у нас нету, ты это учти!

Тося боязливо покосилась на Камчатку, сухо ответила:

— Мне это без надобности.

— Все вы поначалу так говорите! — умудренно сказал комендант и вспрыгнул на крыльцо.

Они вошли в темный мрачноватый коридор. Комендант распахнул перед Тосей дальнюю дверь.

— Вот здесь и жить будешь.

Тося пошаркала ногами из уважения к новому своему жилью и шагнула через невысокий порожек. Комната была не так чтоб уж слишком тесная, но и просторной ее назвать язык тоже не поворачивался. Вдоль бревенчатых стен стояло пять коек: четыре из них были застланы, а на пятой лежал голый тощий матрас. Комендант издали хорошо натренированной рукой бросил на него принесенные с собой одеяло и простыни.

— А подушки своей у тебя нету? — с надеждой в голосе обратился он к Тосе. — Тумбочек у нас хоть завались, могу даже две дать, а по части подушек бедствуем…

— Что же мне теперь, спать на тумбочке? —

воинственно спросила Тося, уверенная в своем кровном праве на подушку и полная непоколебимой решимости выцарапать у коменданта все, что ей причитается.

Комендант внимательно оглядел Тосю — от стоптанных туфлишек подросткового размера до реденького платка на голове.

— Это что, все твои вещи? — полюбопытствовал он, кивнув на куцый Тосин баул.

— Все… — виновато ответила Тося.

— Тоже мне, приезжают!

Тося самолюбиво закусила губу и вскинула острый девчоночий подбородок.

— Не в вещах счастье!

— Знаешь, девушка, — примирительно сказал комендант, — без них тоже полного счастья нету… Располагайся, подушку я тебе раздобуду.

Комендант вышел. Тося села на свою койку и, по давней привычке, попробовала было покачаться на пружинах, но у нее ничего не получилось. Она заинтересованно приподняла матрас и увидела под ним доски, лежащие на ржавых железных прутьях.

— Вот тебе и счастье!.. — пробормотала Тося.

Она застелила койку быстро и умело, с явным удовольствием человека, уставшего от бездомья

в долгих дорожных мытарствах и радующегося, что наконец-то обретен свой угол.

Несмотря на зеленую ее молодость, заметно, что Тося давно уже привыкла к самостоятельности и всюду, куда бы ни забросила ее судьба, чувствует себя как дома.

Потом Тося не спеша обошла комнату, знакомясь с новым своим местожительством. Она переходила от койки к койке с видом отважного путешественника, углубляющегося в дебри неисследованного края, пытаясь по вещам догадаться, с кем придется ей жить под одной крышей.

Неказист уют девичьего общежития в глухом лесном поселке. Кроме коек и тумбочек, были еще в комнате стол, разнокалиберные стулья и табуретки, старый бельевой шкаф со скрипучей дверцей, жестяной умывальник. Осталось еще упомянуть про громкоговоритель и часы-ходики с крупной гайкой неизвестного происхождения, привязанной для тяжести к гирьке, — вот и все, чем комендант снабдил своих подопечных.

Все койки по воле коменданта были застланы одинаковыми бурыми одеялами, а тумбочки выкрашены в тот же невеселый практичный цвет. Но, несмотря на все это унылое однообразие, каждая койка имела все же свое лицо. Привычки

и склонности девчат, живущих в этой комнате, боролись с казарменной обезличкой, которую пытался установить комендант, и одни девчата добились в этой борьбе явной победы, а другие подчинились армейскому вкусу коменданта.

По-солдатски суров и непритязателен был весь угол комнаты возле первой койки. Не было здесь ничего от себя, своей добавки к казенному уюту. Лишь на тумбочке стояла бутылка с постным маслом и банка с солью, возвещая, что хозяйка готовит обеды дома.

Равнодушием к уюту вторая койка могла бы поспорить с первой. В этом углу сразу же бросалась в глаза тумбочка, погребенная под ворохом книг. Технические справочники и лесные журналы лежали вперемешку с пухлыми романами. Попадались и новые книги с крепкими корешками, но больше было старых, пожелтевших и зачитанных, порой даже без начала и конца. Судя по некоторым признакам, можно было определить, что хозяйка второй койки любила читать лежа: койка ее прогнулась желобом и видом своим сильно смахивала на гамак.

Третья койка наглядно свидетельствовала о домовитости ее хозяйки и склонности к рукоделию. Казенное одеяло было спрятано под кружевным

покрывалом, а в изголовье высилась целая горка подушек, увенчанная маленькой думкой. На спинке койки висело богато вышитое полотенце, а на стене — дорожка с аппликациями. Перед койкой на полу распластался единственный в комнате самодельный коврик, связанный из разноцветных тряпичных полос. И даже унылая тумбочка, покрытая салфеткой с мережкой, выглядела именинницей.

И четвертая койка тоже носила некоторые следы домовитости, но только хозяйке ее, кажется, не хватало терпения и усидчивости своей соседки: покрывалом были накрыты лишь подушки, и вышивка на полотенце была победнее. Зато на тумбочке стояло самое большое в комнате зеркало и вокруг него дружно грудились флаконы с одеколоном, баночки с кремом, пудреница, расчески, щеточки и прочий инвентарь, состоящий на вооружении человека, озабоченного поддержанием своей красоты.

Книги и журналы Тося оставила без внимания, а в большое зеркало заглянула и перенюхала все флаконы, стоящие на тумбочке. За этим занятием и застал ее комендант, неслышно выросший на пороге.

— Держи! — крикнул он, бросая Тосе подушку.

— Выход на работу в семь ноль-ноль, столовая — с шести. Привет.

Комендант помахал рукой перед своим носом и захлопнул дверь.

В простенке за печкой Тося нашла сухие дрова и, недолго думая, затопила печь и поставила на плиту чайник. Она наливала в чайник воду из ведра, когда дверь самую малость приоткрылась и в комнату бочком проскользнул пожилой дяденька с добрым морщинистым лицом. В руке он держал авоську, из которой воинственно торчали длинные макаронины.

— Здрасьте… — неуверенно сказала Тося, не понимая, что надо этому человеку в женском общежитии.

Дяденька молча, как старой знакомой, кивнул Тосе, прошел в «солдатский» угол комнаты и стал перекладывать содержимое авоськи в тумбочку. Тося долила чайник и набила топку дровами, искоса поглядывая на непонятного человека.

А тот вынул из широкого кармана таинственный пакет, бережно освободил его от множества оберток — и на свет божий глянули знаменитые сусальные лебеди. Из другого кармана незнакомец достал гвоздик, вколотил его гаечным ключом в стену над суровой койкой и повесил

картинку с лебедями.

— Не криво? — спросил он у Тоси.

— В самый раз.

Дяденька извлек из неистощимых своих карманов письмо и положил его на койку-гамак. На прощанье он полюбовался лебедями, объявил Тосе:

— Сюрприз! — и бочком выскользнул из комнаты. Готовясь к чаепитию, Тося вынула из баула помятую жестяную кружку, полумесяц зачерствевшего в дороге бублика и надкусанную конфету «Мишка на севере». Конфету Тося сразу же сунула в рот и с новой энергией стала рыться в утробе своего баула, но больше ничего съестного там не нашла. Она оставила баул в покое и с решительным видом принялась обследовать чужие тумбочки. Многое приглянулось Тосе — и вскоре весь угол стола был завален вкусной снедью.

Закипел чайник. Тося щедрой щепотью кинула в него чужую заварку, горделиво оглядела стол и села чаевничать. Она сунула в кружку с чаем большущий кусок сахара, отхватила от булки румяную горбушку, намазала ее толстым слоем масла, густо нашлепала сверху варенья — и только поднесла было заманчивый бутерброд ко рту, как в коридоре послышался топот ног и

в комнату вошли живущие здесь девчата: Вера с Катей, Анфиса и немного позже Надя с охапкой дров. Они сгрудились у порога, во все глаза рассматривая незнакомую девчонку, восседающую за столом и уничтожающую их припасы.

— Ты что тут делаешь? — спросила Катя, сильная, ловкая девушка, красивая не так лицом, как всей своей рабочей статью, которую не скрадывал даже мешковатый ватник.

— Чай пью… — отозвалась Тося и отхлебнула из кружки, показывая непонятливым девчатам, как люди пьют чай.

— Да откуда ты взялась?

Тося поперхнулась чаем, закашлялась и неопределенно махнула рукой за спину — туда, где, по ее мнению, находилась Воронежская область. Катя не поняла Тосиной сигнализации и переспросила:

— Откуда, говоришь?

Тося неохотно отвела целехонький бутерброд от губ и сердито ткнула им в сторону своей койки.

— Всю жизнь о такой соседке мечтала! — насмешливо сказала Анфиса.

Она работала телефонисткой на коммутаторе, одевалась лучше всех в комнате и была кра-

сива той броской красотой, которая сразу же приковывала внимание: мужчин заставляла оборачиваться на улице, а женщин провожать ее завистливыми глазами. Но было в Анфисе и что-то хищное, кошачье. Слишком рано в жизни Анфиса узнала, что она красива, и это знание обернулось для нее чувством своего извечного превосходства над другими девчатами. Ни с кем в комнате Анфиса не дружила и по-своему уважала одну лишь Надю — за то, что часто не понимала ее.

Анфиса шагнула к столу и отодвинула от Тоси свою банку с вареньем.

— Это кто же научил тебя по чужим тумбочкам лазить?

— Так вас же никого не было, — оправдывалась Тося, не чувствуя себя ни капли виноватой. — А у меня сахар кончился! Мы в детдоме так жили: все — общее…

— Детдомовская! — презрительно выпалила Анфиса. — Оно и видно!

Тося приподнялась было, чтобы защитить честь родного детдома, но Вера — самая взрослая из девчат — удержала Тосю на табуретке и придвинула к ней свою пачку печенья:

— Пей чай, а то остынет.

Тося послушно отхлебнула из кружки, наконец-то добралась до вкусного бутерброда и с набитым ртом снизу вверх признательно глянула на добрую Веру.

Вера училась заочно в лесном техникуме, работала разметчицей на верхнем складе и была старостой комнаты. Она успела уже побывать замужем, и все девчата, кроме Анфисы, привыкли советоваться с ней. Для всех в комнате Вера была непререкаемым авторитетом, и даже бойкая Анфиса остерегалась с ней спорить.

— Прямо из детдома к нам? — поинтересовалась Вера, и в голосе ее прозвучала жалостливая нота.

Тося терпеть не могла, когда ее жалели, как разнесчастную сиротинку, и насупилась.

— Нет, я уже сезон в совхозе проработала. Покритиковала агронома — меня и… того, по собственному желанию… Девчонки, это правда, у вас тут медведей в лесу тьма-тьмущая?

— Ты нам медведями зубы не заговаривай! — оборвала ее Анфиса.

— И чего ты на меня взъелась?.. — Тося оглядела девчат. — У вас каждая сама за себя живет? — догадалась вдруг она и сокрушенно покачала головой, жалея, что заехала в такие дикие частнособственнические края. — Давайте так: все мое

— ваше, и наоборот…

— Видно, больше наоборот! — съязвила Анфиса.

Она спрятала в свою тумбочку банку варенья, а заодно уж вытащила из-под койки чемодан и проверила, цел ли замок. Завидев такое, Тося вскочила с табуретки и стукнула кружкой по столу, расплескивая чай.

— Девчата, да вы что?!

Тося схватила свой баул и перевернула его над столом. На клеенку посыпались свернутое жгутом полотенце, новенькая пластмассовая мыльница, зубная щетка, немудрящее Тосино бельишко, одна-разъединственная варежка с левой руки, осколок хорошего толстого зеркала, крупная дешевая брошка, разномастные пуговицы и перевязанная ленточкой пачка фотографий самых любимых Тосиных киноактрис.

— Вот, пользуйтесь!

— Богато живешь! — фыркнула Анфиса.

— «Пользуйтесь»! — взвизгнула смешливая Катя, хватаясь за живот. — Ну и комик!

— Хватит вам, — остановила подруг Вера, снимая с плеча полевую кирзовую сумку.

Одна лишь рослая хмурая Надя не принимала участия в общем разговоре, будто и не видела

Тоси. Заприметив лебедей над своей койкой, она тихо спросила:

— Ксан Ксаныч приходил?

— Был тут один старичок… — отозвалась Тося. Катя шикнула на нее и толкнула в бок. Удар пришелся в ту самую невезучую косточку, которую растрясла Тося в грузовике. Она поморщилась, потерла пострадавший за здорово живешь бок и спросила густым шепотом:

— А кто ей этот дядька?

— Же-них! — еле слышно ответила Катя.

— Да разве такие женихи быва…

Надя покосилась в их сторону — и Катя поспешно запечатала рукой Тосин рот. И Вера строго глянула на Тосю, нарушившую по неведенью какой-то неписаный закон комнаты.

— Поменьше болтай, — сказала она и пошла в свой угол.

Подкладывая в печку дрова, Надя пристыдила Тосю:

— Ты что же, кума, всю сухую растопку спалила? Дрова у нас за домом в крайней поленнице.

— А я ж не знала… — промямлила Тося, не решаясь почему-то дерзить суровой Наде, которой так не повезло с женихом.

Надя мельком глянула на съежившуюся Тосю и

отвернулась, признавая причину уважительной. Она хлопотала у плиты, готовя ужин для себя и Ксан Ксаныча. Руки ее — большие и сильные — умело делали свое привычное дело, а лицо было какое-то безучастное, словно ничего вокруг Надя не видела и все время думала одну невеселую думу.

Таких рослых и крепких девчат, как Надя, беспрекословно берут на работу самые привередливые начальники и охотно принимают в свою бригаду рабочие. По общему мнению всех ее подруг и знакомых парней, Надя была некрасива. Те ребята, которые нравились Наде, всегда хорошо о ней отзывались, стреляли у нее пятерки перед получкой, уважали ее, случалось, даже дружили с ней, — а влюблялись в других девчат и женились на них.

В свои двадцать семь лет Надя уже свыклась с выпавшей на ее долю участью, стала молчаливой и замкнутой. Кажется, она примирилась с судьбой и даже выбрала жениха под стать себе. А впрочем, в Наде чувствовалась упрямая, до времени дремлющая сила, будто сжатая пружина сидела в ней и с каждым днем сжималась все крепче и тесней, чтобы когда-нибудь распрямиться и сработать — неожиданно для всех, да и

для самой Нади…

Вера повесила полевую сумку над тумбочкой с книгами и заметила на подушке письмо, принесенное Надиным женихом. Тень скользнула по лицу Веры, и вся она как-то посуровела и подобралась, будто встретилась с давним своим врагом. Мельком глянув на конверт, Вера брезгливо взяла письмо двумя пальцами, шагнула к печке и кинула его в топку. Удивленная Тося поперхнулась чаем и обежала глазами девчат, но ни одна из них даже и бровью не повела, будто так и надо — жечь письма, не читая их.

— Опять от мужа? — спросила Надя. Вера коротко кивнула головой.

— Красивый у него почерк! — похвалила Катя, разглядывая в топке конверт.

— Да, почерк у него красивый… — нехотя согласилась Вера и отошла от печки.

Тося испуганно смотрела на письмо, корчившееся в огне, будто ему больно было, что его не прочитали.

— А я еще ни одного письма в жизни не получила! — призналась она. — Даже открыточки…

— Ладно, — оборвала ее Вера. — На работу уже устроилась?

— Определилась! — с гордостью ответила Тося.

— На участок мастера Чуркина. Поваром…

Катя снова взвизгнула:

— Повар! Гляньте, люди добрые!

— Эта наготовит! — подхватила Анфиса. — Подтянет у ребят животики… Да ты знаешь, как трудно лесорубам угодить?

— Будет вам, совсем девчонку затуркали, — приструнила не на шутку расходившихся девчат Вера и посочувствовала Тосе: — Что делают, а? Никто из местных в повара не идет — так тебя поставили!

Тося оробела.

— Много едят? Привередливые?

— Поработаешь в лесу, так узнаешь… Ты хоть стряпала когда-нибудь? — полюбопытствовала Катя.

— Приходилось… Я вообще способная, — доверчиво сказала Тося. — Научные работники не жаловались.

— Научные работники? — опешила Катя.

— Ты ври, да знай меру! — посоветовала Анфиса. Новенькая чем-то раздражала Анфису, ей все время хотелось разоблачить дерзкую девчонку и вывести ее на чистую воду:

— А чего мне врать? — изумилась Тося. — Когда из совхоза меня вытурили, я настрочила письмо

в газету. А пока там проверяли, чтобы факты подтвердились, я и подалась к одним преподавателям в домработницы. Он — доцент, а она… это самое, аспирантка, вот и получаются самые настоящие научные работники! Если хочешь знать, к нам и профессор один приходил чай пить. Большой, говорят, учености человек, а только мне он не показался…

Анфиса досадливо отвернулась, злясь, что Тося выкрутилась и на этот раз. А Катя с жгучим любопытством уставилась вдруг на новую свою соседку и придвинулась к ней со стулом, чтобы получше рассмотреть бывшую домработницу.

Катя была родом из ближней деревни и никуда дальше райцентра не ездила, но за два десятка прожитых ею лет, помимо лесорубов, колхозников и трактористов, с которыми она встречалась каждый день, как только начала себя помнить, перевидала немало и других людей. В разное время и при разных обстоятельствах Катя видела: электриков, пилоправов, плотников, слесарей, зоотехников и агрономов, кочегаров и бухгалтеров, машинистов и машинисток, механиков, инженеров, лесников и лесничих, топографов,

таксаторов[4], геологов, радистов, сплавщиков и речников, секретаря райкома партии и председателя райисполкома, руководящих комсомольских и профсоюзных работников, корреспондентов, фотографов, операторов кинохроники, нагрянувших в прошлом году снимать передовую бригаду, учителей, фельдшериц, докторов и зубного техника, бурового мастера, специалистов по борьбе с лесными вредителями, одного водолаза, киномехаников, артистов, чтеца-декламатора, двух лилипутов, заезжего факира и шпагоглотателя, заготовителей грибов и ягод, инспектора по клеймению гирь и весов, многочисленных и сердитых уполномоченных, приезжающих в лесопункт «снимать стружку» с местного начальства, судью и прокурора, управляющего лесозаготовительным трестом, маникюршу, настоящего дамского парикмахера, берущего за модную завивку пятьдесят рублей, летчиков лесной авиации, лекторов и даже самого председателя совнархоза, — а вот с живой домработницей Катя повстречалась впервые в жизни.

— Ну и как? — спросила Катя, с почтительным любопытством взирая на человека такой ред-

---

[4] Примечания: 4

Таксатор — оценщик, ведущий учет и материальную оценку леса.

костной и неуловимой профессии.

— Что как? — не поняла Тося.

— Работалось как и… вообще?

Катя неопределенно покрутила рукой в воздухе.

— Три недели выдержала, а потом сюда завербовалась.

— Ты смотри, что делают! — ахнула Катя, уперлась своим стулом в Тосину табуретку и спросила сердобольным шепотом: — Эксплуатировали?

— Вот еще! Так бы я и позволила…

Катя растерянно поморгала.

— Куском попрекали? — догадалась вдруг она.

— Да нет! Очкарики мои сознательные были. Я у них… прямо как при коммунизме жила: утром девочку в садик отведу, на рынок сгоняю и сижу себе на балконе. Пока обед варится, я квартиру убирала — отдельная, две комнаты с кухней… Жаль, пылесос у них сломался, не пришлось попробовать! — пожалела Тося. — А каждый вечер телевизор смотрела. Это — вроде кино, только в ящике…

Катя опять заморгала. Она вдруг почувствовала самолюбие свое задетым и надулась. Куда было ей тягаться с Тосей! Инспектор по клеймению гирь и весов, водолаз и даже два лилипута померкли

вдруг в ее глазах. Телевизор Катя видела только на картинке, а о пылесосе и слыхом не слыхала. Она вдруг остро позавидовала Тосе — малолетке, которой довелось так много перепробовать на своем веку и чуть было даже не посчастливилось подметать пол неведомым пылесосом.

— Так чего ж ты сбежала? — не на шутку рассердилась Катя и отодвинула свой стул от Тосиной табуретки.

Тося серьезно призадумалась, не зная, как ей растолковать любопытной Кате, почему ушла она от добрых научных работников. Очкарики положили ей приличную зарплату, доверяли ей и никогда не пересчитывали сдачу, усаживали ее обедать за один стол с собой и, как гостье, первой наливали в тарелку, а к Октябрьским праздникам аспирантка обещала подарить Тосе свою почти новую юбку чуть-чуть устаревшего фасона «солнце-клеш».

— Гляньте, она язык проглотила!.. Ну, чего ты? — поторопила Катя замешкавшуюся Тосю. — До того насолили, даже говорить неохота?

— Почему же, охота… — заупрямилась было Тося и снова примолкла, вспоминая недавнее свое житье-бытье.

Доцент с женой так старались, чтобы она не

чувствовала никакого различия между ними и собой, что Тося вскоре догадалась: сами они в глубине души признают это различие, хотя из вежливости и делают вид, что она такая же, как и они. Сначала Тося просто не поняла, в чем тут закавыка, а потом пораскинула умом и пришла к выводу: все упирается в новую ее работу. Было в этой работе что-то такое, что принижало Тосю в чужих глазах и давало повод смотреть на нее сверху вниз.

И тогда, так и не дождавшись, пока осторожная газета соберет все факты в кучу и призовет зловредного агронома к ответу, удивив доцента с аспиранткой черной своей неблагодарностью, Тося завербовалась вдруг помогать лесной промышленности и укатила на Север от приглянувшегося ей уютного балкончика и волшебного полированного ящика, битком набитого концертами, постановками и старыми фильмами, от неисправного загадочного пылесоса и обещанной ей почти новой юбки заманчивого фасона «солнце-клеш»...

— Ну?! — теряя последнее терпенье, выпалила Катя. Она решила, что новенькая просто морочит ей голову, и поднесла литой свой кулак к многострадальному Тосиному боку. Тося живо

отшатнулась от драчливой соседки и пустилась в непривычные рассуждения:

— Понимаешь, вот в совхозе хлебнула я всякого, а все ж при настоящем деле была. А у этих… Подай, прими… И не тяжело вроде, а тянет… Кусается, понимаешь?..

Тося виновато примолкла, чувствуя, что взялась за непосильное для себя дело.

— Только и всего? — разочарованно спросила Катя, ожидавшая, что Тося сверху донизу разоблачит научных работников и камня на камне не оставит от всей их шикарной жизни. — У нас здесь тоже не мед. Еще пожалеешь, что ушла с теплого местечка! Ведь на всем готовом…

Тося презрительно отмахнулась:

— Здоровая выросла, а ничего не понимаешь! На производстве я любую работу делать согласная, потому — для всех. А там… Ну их! Пусть сами за собой…

— Правильно, — поддержала ее Вера. — Частный сектор!

— Чего-чего? — не поняла Тося.

— Человеческое достоинство твое там унижалось, — наставительно сказала Вера, разъясняя малоначитанной Тосе, что испытала та в домработницах.

Тося покрутила головой: ей и противоречить Вере, оградившей ее от наскоков ехидной Анфисы, не хотелось, и по молодости лет лестно было, что такие умные вещи, оказывается, происходили с ней в домработницах, — и в то же время совесть не позволяла Тосе обозначить простые свои переживания теми солидными книжными словами, которые по доброте душевной подсовывала ей Вера.

— В общем, не с руки мне было… — подытожила Тося недолгую свою жизнь в домработницах. — Девчонки, а северное сияние у вас бывает?

— Увидишь, — пообещала Вера.

— Будет тебе тут сиянье… — проворчала Анфиса, не решаясь больше в открытую нападать на Тосю, которую взяла под свою защиту староста комнаты.

Тося допила чай, на закуску выскребла из кружки нерастаявший сахар и зажмурилась от удовольствия.

— Ладно, — сказала Вера, — живи у нас. А насчет повара мы еще посмотрим, — может, и другую работенку тебе подберем. Давай знакомиться.

Она протянула Тосе руку. Тося назвала свое имя, подумала и добавила для солидности:

— Кислицына.

— Кислица, значит? — подхватила смешливая Катя и вытерла руку о платье.

А Надя шагнула к Тосе, по-мужски сильно тряхнула ее руку, глянула на стоптанные Тосины туфленки:

— Это вся твоя обувка? По утрам уже студено у нас.

Надя вытащила из-под своей койки большие разношенные сапоги, кинула их к ногам Тоси:

— Примерь.

С готовностью, в которой проглядывала не изжитая еще детская любовь к переодеваниям, Тося нырнула в зияющие голенища и, высоко поднимая ноги, прошествовала по комнате.

Катя взвизгнула:

— Кот в сапогах!

— На первое время сойдет, — решила Вера, гася улыбку.

Тося с вытянутой заранее рукой двинулась было к Анфисе, обосновавшейся перед зеркалом, но та издали представилась ей:

— Анфисой меня величают. Приветик!

— А ты красивая! — простодушно удивилась Тося, рассматривая Анфису и позабыв уже о недавней их стычке. — Повезло тебе… Даже на какую-то актрису смахиваешь! — Она порылась

в пачке заветных фотографий. — Запропала куда-то…

— Ты этими актерками голову себе не забивай! — оборвала ее Вера, недовольная, кажется, тем, что Тося похвалила Анфисину красоту. — Будешь в вечерней школе учиться.

— Учиться? — ужаснулась Тося. — Да я… А разве у вас есть вечерняя школа? Надо же! Столько ехала-ехала и приехала в вечернюю школу!

ИЛЬЯ ВСТУПАЕТ В ТОСИН КРУГ

Чтобы долгой северной зимой лесорубам было что вспомнить, уходящий сентябрь понатужился, собрал все свои силенки и сотворил золотой денек — теплый, тихий, полный прощальной осенней грусти.

На делянке мастера Чуркина, на краю вырубки, под неказистым кухонным навесом хозяйничала Тося-повариха. Ей все казалось, что ближний лес, стеной стоящий шагах в десяти от навеса, неотрывно следит за ней и от нечего делать прикидывает: справится она с обедом или нет. Тося терпеть не могла, когда к ней вот так приглядываются, и злилась сейчас на непутевых лесорубов. Пилят лес черт те где, а ближнюю к кухне рощу проворонили. Слепые они, что ли?

Стыдясь заношенных скучно-зеленых спецовок, сбились в кучу сосны и ели, а редкие лиственные деревья красовались среди них недолгими именинниками. В ярких дорогих нарядах щеголяли сквозные березы. Зазывно алели разбогатевшие к зиме печальницы осинки. Будто опаленный пламенем, горел на солнце богато

разукрашенный одинокий клен — любимчик осени.

На вырубке, где кулинарила Тося, было светло, как в далекой воронежской степи, а в лесу стояла дикая, пугающая Тосю темень. Солнце не в силах было пробиться сквозь густое сплетенье ветвей. Лишь в одном месте, нащупав узкую прогалину, луч солнца врывался в чащобу, дробился на частоколе стволов, прожекторным лучом выхватывал из небытия сухой костлявый сучок, подсвечивал косо зависшую сосенку и бессильно сникал у подножья мрачной обомшелой ели, под которой Тосе чудилась медвежья берлога. По крайней мере, на месте здешнего медведя Тося именно под этой елкой обосновалась бы на житье со всеми своими мохнатыми медвежатами, — а там, конечно, дело хозяйское…

Тося вдохновенно солила варево — под вкрадчивое стрекотание и пришепетыванье бензомоторных пил, грохот сваленных деревьев, рокот трелевочных тракторов и веселую дробь топоров. Она совала дрова под котел, большущим, прямо-таки пиратским ножом кромсала капусту и украдкой поглядывала в ту сторону, где работали незнакомые и страшноватые, как ей казалось, лесорубы.

Все на кухне было крупное, громоздкое — и котлы, и черпаки, и ножи, — словно до Тоси здесь стряпала какая-то великанша. Но маленькая Тося ничуть не робела среди этого великаньего инвентаря и храбро орудовала им. Чего никак нельзя было ожидать вчера, — Тося сейчас, под кухонным навесом, была удивительно на своем месте, будто и родилась для того, чтобы готовить обеды лесорубам.

Неподалеку от навеса обосновался со своим пилоправочным станочком Надин жених Ксан Ксаныч, забракованный вчера Тосей. Он точил зубья пильной цепи и время от времени ободряюще покашливал, чтобы Тося не чувствовала своего одиночества.

За кустом орешника, на полпути между Тосей и Ксан Ксанычем, кто-то вдруг заворочался и страшно всхрапнул.

— Ой, кто это? — испугалась Тося и схватила черпак. — Не медведь?

— Медведи сапог не носят, — спокойно объяснил Ксан Ксаныч и кивнул на рыжие, давно не чищенные сапоги, высунувшиеся из куста. — Это мастер наш храпака дает.

— Любит поспать? — спросила Тося.

— А чего ему не спать? Зарплата идет…

Мимо навеса прогрохотал широколобый трелевочный трактор, таща за собой большой воз очищенных от сучьев стволов, которые здесь все называли хлыстами. Длинные хлысты прогибались, как прутики; толстые комли[5] глубоко бороздили землю. Из кабины высунулся чумазый тракторист, помахал Тосе рукой и крикнул:

— Жарь-вари!

Тося проводила трактор почтительными глазами и по давней своей привычке топнула вдруг ногой, настраиваясь на поэтический лад. Еще учась в пятом классе, Тося сделала открытие: если как следует топнуть ногой, то потом уж никакого труда не составит сочинить строчку-другую стихов. Стихи эти, может быть, и не блистали особыми поэтическими совершенствами, но в оправдание Тоси надо сказать, что печатать их она не собиралась и даже на бумагу никогда не записывала. Тося пнула матушку-землю и пропела себе самовосхвалительную песенку, тут же сочиняя слова:

Она варила-жарила,
Всех… позади оставила!

---

[5] Примечания: 5
Комель — нижняя, прилегающая к корню часть дерева.

— Пшенная каша сама себя хвалит! — сказал Ксан Ксаныч и покачал головой, удивляясь молодой Тосиной нескромности. Он тут же испугался, не обидел ли Тосю, и спросил доброжелательно: — Ну как, получается обед?

— Да вроде получается… — не очень-то уверенно отозвалась Тося.

Она попробовала свое варево, покрутила головой, поморгала и с видом «пропадай все пропадом» кинула в котел махонькую щепотку соли.

— Вкусно? — полюбопытствовал Ксан Ксаныч.

— А кто ж его знает? На вкус и цвет…

С делянки донесся крик Кати:

— Кислица, воды давай!

Тося вопросительно посмотрела на Ксан Ксаныча.

— У вас повара воду носят? Входит… это самое, в круг обязанностей?

— Входит… Ты только смотри, поосторожней там, а то ненароком зашибут лесиной.

— Не для того я сюда приехала! — убежденно сказала Тося, схватила ведро, сполоснула кружку кипятком, заботясь о гигиене, и пошла поить лесорубов.

Она обходила делянку и с любопытством присматривалась к лесорубам и их работе. Больше

всего ей приглянулась непыльная работенка вальщика Ильи — видного рослого парня, который шел впереди всей бригады и вгрызался бензомоторной пилой в чащобу леса.

Стоило только Илье приложить свою жужжащую, диковинного вида пилу к дереву, как оно тут же падало на землю. В глазах Тоси работа Ильи даже и на работу не была похожа: он, как бы прогуливаясь, переходил от дерева к дереву и играючи, с неправдоподобной на глаз новичка легкостью валил их одно за другим. «Умеют некоторые устраиваться!» — подумала Тося.

На поваленные деревья сразу же накидывались обрубщицы сучьев во главе с Катей и вразнобой стучали топорами. Девчата готовили хлысты к вывозке из лесу, а ветки и тонкие вершины стаскивали в кучу и сжигали — без всякой пользы для человека, лишь бы не захламлять делянку, не разводить гниль и лесных вредителей.

Вслед за обрубщицами сучьев двигался неуклюжий здоровяк Сашка. Он крепил к хлыстам петли из троса — чокеры — и все поглядывал на Катю, которая делала вид, что совсем не замечает красноречивых Сашкиных взглядов, и лишь чаще, чем надо, поправляла косынку.

— Твой, что ли? — спросила догадливая Тося.

— Приписывают… — уклончиво ответила Катя и по-новому перевязала косынку.

Лебедка, установленная на трелевочном тракторе, подтаскивала хлысты, формировала из них воз, и трактор отвозил его к узкоколейке, на верхний склад.

«В общем, — решила Тося, — ничего особенного. Работа как работа, зря эти лесорубы так много о себе воображают…»

Тося не прочь была вблизи посмотреть на чудо-пилу и даже по русской привычке пощупать ее. Но идти на поклон к незнакомому парню ей не очень-то хотелось, да и лезть к нему надо было через бурелом. Она издали окликнула:

— Эй, как тебя, пить будешь?

— Это кто там пищит? — удивился Илья.

Он приглашающе помахал рукой, и Тося, помня о нелегком круге своих обязанностей, полезла в бурелом.

Илья осушил полную кружку воды и зачерпнул еще полкружки. Пил он со вкусом, и Тося, глядя на него, сама почувствовала вдруг жажду и облизнула пересохшие губы. Она тут же рассердилась на себя за свою несамостоятельность и спросила придирчиво:

— И чего ты пьешь? Рыба только на обед будет!

— А я авансом! — ответил Илья, сверху вниз посмотрел на Тосю и протянул загадочно: — Да-а…

Тосе почудился обидный намек на ее малый рост, и она сразу настроилась против Ильи. К тому же вблизи он показался ей красивым, даже слишком красивым для парня, а Тося давно уже терпеть не могла красивых парней: все они без исключения были пижонами и задаваками, убежденными в том, что стоит только им взглянуть на какую-нибудь простую девчонку вроде Тоси, как та сразу же влюбится наповал. И хотя Тося совсем не собиралась влюбляться в Илью, но уже одно подозрение, что он так подумал, ожесточало ее и выводило из себя.

Она выхватила из рук Ильи пустую кружку и хотела уже бежать от него, но тут увидела на пеньке непонятную пилу. Девчоночье любопытство пересилило неприязнь к Илье, и Тося спросила:

— Этой штукой лес пилят?

Илья снисходительно объяснил:

— Не пилят, а валят, и не штука это, а бензопила «Дружба», понятно? — Он взглянул на Тосю и зачастил: — Двигатель одноцилиндровый, двухтактный, воздушного охлажде…

— Так и называется: «Дружба»? — изумилась

Тося.

— Я же сказал. Ты что, глухая?

— Сам ты глухой! — выпалила Тося: ее все больше раздражало, что он разговаривает с ней как с маленькой и, по всему видать, не принимает ее всерьез.

Илья покосился на Тосю, не понимая, какая муха ее укусила. А Тося дотронулась пальцем до пильной цепи.

— Даже не верится, что этой штукой можно дерево спи… свалить. На велосипедную передачу здорово похоже!

— А ведь верно! — согласился Илья. — И как это я не замечал? Зоркие у тебя глаза!

— Да уж вижу! — похвасталась Тося, благосклонно взглянула на Илью и подумала, что, несмотря на всю свою пижонскую красоту, человек он, кажется, еще не совсем пропащий…

Илья показал на громадную сосну — самую высокую в этой части леса:

— Смотри, я сейчас вон то чудо природы опрокину.

— Кишка тонка! — подзадорила его Тося, боясь преждевременной добротой испортить человека, стоящего на верном пути к исправлению своих недостатков.

— А ну, гляди!

Илья подошел к большой, в два обхвата, сосне, обрубил подрост вокруг и вскинул голову кверху, примеряясь, с какого боку удобнее подступиться к этакой махине. Толстый ребристый у комля ствол мощным тугим фонтаном взметнулся в поднебесье. Высоко в синеве беззаботно и вольно купалась крона, знать ничего не желая об Илье и его опрометчивом обещании. Илья показался вдруг Тосе маленькой букашкой, копошащейся у подножья несокрушимой громадины. Не верилось, что он сможет свалить эту сосну, дошедшую до нас из глубины веков, пережившую с добрый десяток человеческих поколений.

Даже легкомысленную Тосю величественная сосна настроила на непривычные для нее торжественные мысли, и она подумала, что дерево это, может быть, стояло здесь еще во время Ивана Грозного или Петра Первого… Впрочем, она тут же поймала себя на том, что не помнит в точности, кто из этих царей был древний, а кто царствовал поближе к нам, и виновато шмыгнула носом. Тося вообще плохо разбиралась в истории и даже не могла никогда толком понять, почему век, в котором она живет, считается двадцатым: ведь у каждого года в этом веке первая цифра

— девятнадцать.

Поплевав на руки, Илья включил свою чудо-пилу. Застоявшаяся без работы пильная цепь с голодным свистом рассекла воздух, легко и жадно вошла в ребристый комель. В сапог Ильи крутой цевкой ударили опилки. Тося одобрительно смотрела на чужую спорую работу. У нее даже руки зачесались от проснувшегося вдруг желания самой подержать чудо-пилу и свалить хотя бы махонькое деревце.

Пропилив ствол на одну треть, Илья вынул пилу, зашел с противоположной стороны и стал делать второй подпил — чуть повыше первого. Натужно выла пила, войдя в ствол на всю длину цепи. Илья уперся в дерево шестом и попробовал качнуть его, но подпиленная сосна стояла все так же прочно и незыблемо, совсем не собираясь падать.

— Мало каши ел… — сказала Тося, начиная уже жалеть, что даже не имеет права подбодрить Илью, а обязана в воспитательных целях, для его же пользы, насмехаться над ним. А чтобы Илья не думал, что она торчит тут ради него, Тося стала сдирать с ближней березы кору, запасая впрок растопку для своей кухни.

— Врешь! Вре-ешь!.. — твердил Илья, войдя в

азарт.

Покачивая пилой, он все глубже вгрызался в сердцевину дерева. Опилки теперь веером летели из надреза, вихрились злой поземкой. Они запорошили землю далеко вокруг сосны и так густо облепили ноги Ильи, что издали казалось, будто он напялил поверх сапог длинные белые чулки. Капли пота бисерными цепочками повисли над бровями Ильи, жгли глаза, мешая работать.

— Вверх смотри! — приказал он Тосе.

Тося послушно запрокинула голову. В далекой вышине дрогнула крона, качнулась, на секунду замерла, все еще не веря, что отжила свое, и с нарастающей скоростью ринулась к земле. С железным скрежетом переломилась недопиленная сердцевина. Илья проворно выхватил из надреза чудо-пилу и отскочил от пня, увлекая за собой Тосю. Круша на своем пути подлесок, сосна с тяжким обвальным грохотом рухнула на землю, высоко подпрыгнув комлем. Дождь сухих веток и сбитой хвои осыпал Илью с Тосей. Уголком глаза покосившись на Тосю, Илья смахнул со лба пот, взобрался на поверженное дерево и огласил лес победным криком:

— Хэ-гэ-эй!

«Э!.. Э-эй!.. Э-а-о...» — подхватило крик лесное

эхо и понесло над делянкой.

Тося поспешно отвернулась, боясь, что слишком уж восторженно для первого знакомства глазеет на лесоруба. Она собиралась сказать Илье что-нибудь вроде: «Молодец, и дальше так старайся!» — но вдруг заметила строгого начальника лесопункта Игната Васильевича, вылезающего из кабины трактора. Все воспитательные мысли мигом вылетели из Тосиной головы, она схватила ведро, выплеснула воду и с нашкодившим видом помчалась к кухонному навесу.

Тося не видела, как Игнат Васильевич спрыгнул на землю и хозяйским, все замечающим взглядом окинул делянку. Пожилой, неторопливый, он больше походил на принарядившегося по случаю воскресного дня лесоруба, чем на начальника лесопункта. Здесь, в лесу, Игнат Васильевич казался на своем месте, а вот представить его в кабинете, за письменным столом, было трудновато.

И только Игнат Васильевич ступил на землю, как храп в кустах позади Тосиного навеса разом оборвался, будто замкнулась какая-то невидимая электрическая цепь и тряхнула мастера Чуркина, предупреждая его о приезде начальства. Чуркин проворно выскочил из куста, крикнул осипшим со сна голосом:

— Поднажмем, ребятушки! — и, на бегу очищая бок от приставшей рыжей хвои, затрусил к трактору.

Игнат Васильевич хмуро посмотрел на подбежавшего мастера, сердитым щелчком сбил с его плеча желтый листок и тайком от лесорубов показал Чуркину кулак.

Их связывала давняя дружба, и только благодаря этой дружбе Чуркин до сих пор оставался мастером. Он был из тех мастеров-практиков, которые неплохо справлялись со своим делом еще лет десять назад, когда лес валили лучковой пилой, а трелевали[6] лошадьми. А сейчас — с бензомоторными пилами и мощными дизельными тракторами, сменившими лучок и конягу, — Чуркину приходилось туго.

В простой одежде Игната Васильевича и Чуркина, в их кирпичных от долгой работы на морозе лицах проглядывало то сразу бросающееся в глаза внешнее сходство, какое накладывается на людей одинаковой профессией. Они проработали бок о бок целую треть века. Было даже такое время, когда более молодой Игнат Васильевич подчинялся Чуркину — бригадиру и позже мастеру. Потом,

---

[6] Примечания: 6

Трелевать — подтаскивать, доставлять спиленный лес с места заготовки к дороге.

уже оба мастерами, они с переменным успехом соревновались друг с другом и на торжественных собраниях перед Октябрьскими праздниками и Первомаем сидели рядком в президиуме. Как лучших производственников, их вместе послали на курсы повышения квалификации. Игнат Васильевич, хоть и нелегко ему было, осилил науку и вернулся в поселок начальником лесопункта. А Чуркин заскучал от учебы, «споткнулся», как он сам говорил, о геометрию, сбежал с курсов — и так и остался мастером.

Они мечтали породниться: лет пять назад старший сын Чуркина и дочка Игната Васильевича полюбили друг друга и даже сиживали уже на Камчатке. Но вскоре сын Чуркина ушел в армию, и осенью пятьдесят шестого ему выпала черная доля сложить свою голову в Венгрии. Дочка Игната Васильевича погоревала-погоревала да и вышла замуж за пришлого рабочего-сезонника. Она уехала с мужем на Украину, и довелось Игнату Васильевичу не думая не гадая породниться на старости лет с полтавским колхозником, которого он и в глаза никогда не видел.

Многие из комсомольцев не знали ничего этого, а те, кто знал, за давностью времени не придавали этому большого значения и на каж-

дом собрании ругали Чуркина за безделье, а раза два в год единогласно просили снять мастера с работы, «как не обеспечивающего должного руководства». Игнат Васильевич признавал их критику справедливой, не скупился на выговоры Чуркину — простые, строгие и даже с самым последним предупреждением, — но с работы его все-таки не снимал.

Игнат Васильевич давно уже видел, что Чуркин стал помехой в жизни лесопункта, но в память о старинной их дружбе и несостоявшемся родстве он хитрил перед самим собой и выискивал всяческие уловки, чтобы не увольнять Чуркина, хотя и предчувствовал, что рано или поздно, а придется ему подписать роковой приказ. «Пусть лучше попозже», — думал Игнат Васильевич…

И сейчас он отвел Чуркина за густую стенку молодого ельника и там целых полчаса «снимал с него стружку» — всячески стыдил и распекал его с глазу на глаз, чтобы не подрывать авторитета мастера, хотя и знал, что никакого авторитета у Чуркина давно уже нет.

Потом они обошли всю делянку. Игнат Васильевич распорядился повернуть фронт лесозаготовок и до морозов не лезть в болото.

— Будет сделано… — сказал Чуркин с тем по-

чтением к начальству, которое всегда овладевало им в первые минуты после очередного нагоняя.

— А сам не мог догадаться?

Чуркин почесал в затылке.

— Так это как посмотреть… — пустился он в рассуждения, выгораживая свою промашку.

Игнат Васильевич только головой покачал.

Чуркин проводил начальника до верхнего склада, где хозяйничала Вера. Под ее доглядом хлысты, поступающие с делянок, разделывали на сортименты и грузили на железнодорожные платформы. Юркий работящий паровозик «кукушка» отвозил бревна по узкоколейке на нижний склад у реки.

Здесь все было в полном порядке, и Игнат Васильевич не в первый раз подумал, что когда он наконец наберется мужества и снимет с работы Чуркина, то на его место надо будет поставить расторопную Веру. На прощанье он спросил у Чуркина:

— Как новенькая? Продукты не портит?

— Удружил ты мне с этой поварихой! — злорадно ответил Чуркин, с радостью чувствуя, что почтение его к начальнику, вызванное недавним нагоняем, уже улетучивается. — Я тебе так, Игнат, скажу: хороший бухгалтер должен быть в очках,

а повар — толстый!

— Тебе бы в отделе кадров работать! — со смехом сказал Игнат Васильевич и полез на парующую, готовую к отправке «кукушку» с таким видом, с каким столичный его собрат садится в персональную «Волгу».

Проводив начальство, Чуркин вытащил из кармана большущие старинные часы размером с доброе блюдце, глянул на циферблат, покосился на солнце, уточняя время, и заспешил к кухонному навесу.

— Готов обед? — накинулся он на Тосю, намереваясь, по своему обыкновению, переложить на чужие плечи часть того нагоняя, каким его попотчевал Игнат Васильевич.

— Да вроде готов… — отозвалась Тося.

— «Вроде»! — передразнил ее Чуркин. — А ну, звони!

Тося огляделась вокруг:

— А где у вас звонок?

— Ты что, ослепла? — Чуркин сердито кивнул в сторону буфера, подвешенного к углу навеса. — Вот работничка бог послал!

Тося злопамятно посмотрела на Чуркина и неуверенно тюкнула топором по буферу. Наклонив ухо, прислушалась к тонкому певучему звуку

и осталась довольна. Она стукнула во второй раз, покрепче, и, войдя во вкус, принялась охаживать безотказную железяку, не жалея казенного обуха. Тягучий призывный звон поплыл над делянкой. Приплясывая на месте от избытка сил, Тося завопила на весь окрестный лес:

— Обе-ед!.. Навались, рабочий класс!.. Кушать подано!..

— Голосистая! — подивился Чуркин и почесал в затылке.

На делянке замолк шум работы. Проголодавшиеся лесорубы со всех сторон устремились к Тосиному навесу. В горделивой позе, уперши руки в бока, Тося стояла возле котла, по-матерински снисходительно смотрела на спешащих к ней лесорубов и чувствовала себя сейчас самым главным в лесу начальником.

— Навались, у кого деньги завелись! — крикнула Тося и вооружилась самым большим черпаком, какой только нашелся на кухне.

С дымящимися мисками в руках лесорубы отходили от котла, устраивались, кто где может. Они облепили короткий, грубо сколоченный стол, рассаживаясь на пеньках и поваленных деревьях.

Как ни тесно было за столом, но Тося заметила, что лесорубы потеснились, освобождая местечко

Илье. «Уважают!» — решила она. Илья порылся в миске с хлебом, выбрал, как это сделала бы и Тося на его месте, вкусную горбушку и впился в нее крепкими зубами. И как недавно на делянке, когда Тося поила Илью и ей ни с того ни с сего передалась его жажда, — так и теперь она почувствовала вдруг во рту кисловатый вкус хорошо выпеченного ржаного хлеба, будто сама только что откусила от заманчивой Илюхиной горбушки изрядный кусмень.

«Чего это я? Прямо гипноз какой-то…» — обескураженно подумала Тося и поспешно отвернулась от Ильи.

Ухаживая за Катей, Сашка придвинул к ней туесок с солью. Но благодарности он не дождался.

— У меня у самой руки есть! — обиделась Катя. Орудуя великаньим черпаком, Тося все поглядывала украдкой на обедающих. Вот и последняя обрубщица сучьев отошла от котла, а Тося все еще не знала, угодила она привередливым лесорубам или нет. Она встретилась глазами с Сашкой и дружески кивнула незадачливому Катиному ухажеру, выпытывая: как ему показался обед? Но Сашка не понял ее, осмотрелся по сторонам и передвинул миску с хлебом на середину стола. Тося досадливо мотнула головой.

— Что я, больше других хлеба ем? — возмутилась Катя и оттолкнула миску от себя.

Сашка смущенно крякнул.

— Ксан Ксаныч, как там на квартирном фронте? — спросил он минуту спустя и украдкой покосился на неприступную Катю, проверяя: поняла ли она, что неспроста он интересуется жилищными делами такого почти семейного человека, как Ксан Ксаныч.

— Обещали нам с Надюшей в четырехквартирном доме, а его и не строят. Всех плотников на лесоповал двинули, — сразу же отозвался Ксан Ксаныч с той охотой, с какой больные говорят о своих застарелых болезнях. — С нашим начальством и не поженишься! А годы у меня, ребятки, не маленькие…

— Да уж, Ксан Ксаныч, годы у тебя того… — деланно посочувствовал нагловатый парень в неожиданной для северных лесов шапке-кубанке, втискиваясь между Ильей и Сашкой.

Это Филя, первый зубоскал и скандалист в поселке.

— Вот то-то и оно… — согласился Ксан Ксаныч, не почуяв насмешки в словах Фили.

Тося потеряла всякое терпенье и окликнула Катю:

— Ну, как там?

— Горячо, Тось, не бойся! — порадовала подругу Катя и стала дуть на ложку.

Тося головой боднула воздух и подивилась, до чего же бестолковые эти лесорубы. «Ну погодите, ироды, я вам завтра наготовлю!» — рассердилась Тося, жалея уже, что так старалась сегодня.

Илья перехватил ее поскучневший взгляд. Он вдруг догадался, чего сейчас ждет от них эта забавная девчушка-повариха, которой, кажется, очень хочется, чтобы все принимали ее за взрослую. Сам не зная, зачем он это делает, Илья поднялся из-за стола и подошел к Тосе.

— Веселые у тебя щи! — похвалил он.

— Веселые? — удивилась Тося.

— Веселые! — подтвердил Илья и с чувством затряс Тосину руку. — От бригады и… от меня лично!

И все лесорубы, будто Илья развязал им языки, наперебой принялись хвалить Тосю и ее вкуснейшие щи.

— А научные работники твои не дураки были! — крикнула Катя и показала Тосе оттопыренный большой палец.

Сашка зачерпнул соли из туеска, посолил Катин палец, возвещая, что Тосины щи — «на большой

с присыпкой». И то ли вкусные Тосины щи были тому виной, или здесь таилось что-то другое, но на этот раз Катя сменила гнев на милость и посмотрела на Сашку гораздо ласковей, чем девушки смотрят на парней, которых приписывает им чужая молва.

И даже хмурый мастер Чуркин, отведав знаменитых Тосиных щей, проговорил подобревшим голосом:

— Наваристые… Ишь ты, из молодых, да ранняя! — И почесал в затылке, дивясь, как это Тосина худоба не мешает ей быть толковой поварихой.

— А я сразу догадался, что она хорошо стряпает, — похвастался Ксан Ксаныч. — По глазам видно!

И Вера, пришедшая с верхнего склада, порадовалась неожиданному Тосиному успеху:

— Вот чертенок! А я, признаться, боялась за нее…

Смущенная всеобщими похвалами, Тося притворно насупилась, но тут же не выдержала и заулыбалась.

— Я что? Я ничего… Вот если бы лаврового листа побольше!

Один лишь Филя неподкупно проворчал:

— И чего раскудахтались? Щи как щи. Бывают и хуже, конечно, но… редко!

Все так рьяно зашикали на Филю, что Тося не успела даже обидеться. А Илья посоветовал дружку…

— Проснись! — и нахлобучил ему на глаза кубанку.

Тося с немой благодарностью глянула на Илью и неожиданно для себя решила: он же не виноват, что таким красивым народился. Что же ему теперь — нарочно оспой заболеть или уши себе отчекрыжить?.. Хорош он будет без ушей!

Она усмехнулась, представив на миг Илью безухим, покрутила черпаком в котле и, стараясь унять горделивую свою радость, деловито объявила;

— Добавки кому? Навались!

ПЕРЕД НАЧАЛОМ — ТАНЦЫ

В просторном неуютном клубе лесопункта гремела радиола. Посреди зала кружилось в танце с десяток пар. На ногах танцующих мелькали ботинки, сапоги, туфли на высоких каблуках, запоздалые босоножки и преждевременные валенки. Озабоченный комендант с молотком в руке и портретом под мышкой пробирался между танцующими. Он охранял портрет от толчков с таким бережным старанием, словно нес полотно знаменитого художника.

В углу зала на сдвинутых скамьях навалом лежали плащи, пальто, ватники. По стародавнему поселковому обычаю, нетанцующие девчата выстроились у одной стены, а ребята — у противоположной. Шумная ватага сгрудилась вокруг подвыпившего Фили. Парни дружно дымили папиросами, не обращая внимания на застенчивые запретительные таблички, и от нечего делать громко обсуждали достоинства танцующих девчат.

Любители «козла» отчаянно стучали костяшками домино, будто собирались проломить крышку

стола. Перекликаясь с их стуком, поминутно хлопала наружная дверь. Все новые и новые лесорубы поодиночке и парами входили в зал. У двери пары расставались: девчата сворачивали к женской стенке, а парни — к мужской.

Вот в зал вошла Катя под руку с неуклюжим Сашкой, а вслед за ними прошмыгнула Тося. Сашка с заметным сожаленьем выпустил Катину руку и, подчиняясь обычаю, шагнул к парням, а Катя — к девчатам. Мешая входящим лесорубам, Тося растерянно замерла у порога, не зная, куда ей податься. И тут как раз замолкла радиола. Танцующие отхлынули от середины зала, одна лишь Тося осталась стоять на виду у всех, с боязливым любопытством озираясь вокруг.

— Эй, новенькая, шагай сюда! — крикнул Филя. Тося подалась было к нему, но увидела смеющиеся рожи ребят из Филиной ватаги, испуганно отпрянула и побежала к женской стенке. Ватага заулюлюкала ей вслед.

— Зря вы… — пристыдил парней Сашка.

Он терпеть не мог, когда сильные обижали слабых, а тем более измывались над такими вот беззащитными девчонками, как Тося-повариха. Когда Сашке доводилось читать в газете, что бригадмильцы, а то и просто правильные ребята

приструнили где-то распоясавшихся хулиганов, он всегда приветствовал такие добрые дела и радовался, что порок наказан, а справедливость восторжествовала. Сам Сашка никогда ничего постыдного не делал, а всякое хулиганство прямо-таки ненавидел. Если б его воля, он собрал бы хулиганье со всей страны, погрузил бы на какой-нибудь старый, отслуживший свое корабль, вывел бы его в океан и утопил всю эту человеческую шваль в самой глубокой ямине. Вот какой непримиримый человек был Сашка!

Но при всем том, у себя в поселке Сашка както не замечал, что Филя со своими дружками сплошь и рядом творит точно такие же дела, против которых воюют бригадмильцы из газеты. И не надо думать, что Сашка боялся Фили. Никого в поселке он не боялся, и, если б дело дошло до драки, Сашка один раскидал бы добрую половину Филиной ватаги. Просто он никак почему-то не мог догадаться, что Филя со своими дружками хулиганит.

Сашка не хитрил сам с собой, ища спокойной жизни, а в самом деле не догадывался. И вроде неглупый был парень, а вот поди ж ты…

В газете сразу было видно: такой-то — хулиган, пакостник, бить его надо в морду или сажать за

решетку. А Филиных дружков равнять с таким отпетым хулиганьем было никак нельзя. Те, чужие, газетные хулиганы были только хулиганы, и все. А многих ребят из Филиной ватаги Сашка знал с детства: они работали вместе с ним в лесу, и неплохо работали, — «вкалывают будь здоров», как любил говорить Сашка. Все их пакости Сашка, конечно же, не одобрял, но приструнить своих приятелей детства и товарищей по работе у него как-то рука не поднималась. Он все надеялся, что они одумаются, но время шло, а Филина ватага что-то не очень спешила одумываться.

В общем, Сашка был убежден, что тем стойким парням из газеты, которые мужественно хватали своих хулиганов за шиворот, было гораздо легче, чем ему. Им все было ясно и сразу было видно, где черное, а где белое. А в родном Сашкином поселке все как-то смешалось и перепуталось. Тот же Филя, только что зря обидевший забавную девчушку Тосю, до этого целый день, не жалея себя, вкалывал вместе с Сашкой на делянке; он дал Сашке закурить, когда у того кончились папиросы, а завтра они сядут за одну парту в вечерней школе…

Комендант с портретом под мышкой подошел к Тосе. Выбирая место для портрета, он бесцере-

монно передвинул Тосю сначала в одну сторону, потом в другую и стал заколачивать в стену большущий гвоздь. Комендант повесил портрет, отступил на шаг, любуясь делом своих рук, и, просвещая Тосю, важно сказал:

— Передовик!

Тося почтительными глазами глянула на портрет, на котором был изображен парень в пыжиковой шапке, с бензомоторной пилой в руках. Он показался вдруг Тосе знакомым, хотя она могла бы поклясться, что никогда в жизни не видела этого носа-сливы. Всю силу своего таланта местный художник вложил в то, чтобы поточней выписать бензопилу. Шапка тоже удалась ему, а вот лицо парня вышло неживое и постное. С бензопилой в руках и благочестивым лицом праведника лесоруб смахивал на новейшего лесозаготовительного святого механизированной формации.

Стайка любопытных девчат подбежала к портрету:

— Ой, кто это?

— Да вроде Илюха…

— Не похож!

— А ты на шапку глянь.

— Шапка его…

Тося попристальней вгляделась в портрет и узнала вальщика леса Илью Ковригина. Не дай бог, если такой вот художник-мазила вздумает и ее нарисовать. Вот чучело получится!

Большая рыхлая девица с крупными серьгами, добровольно обслуживающая радиолу, поставила новую пластинку. Сашка пригласил танцевать Катю. Тося надеялась, что и ее тоже кто-нибудь пригласит, но всех девчат вокруг давно уже расхватали, а она все еще стояла под портретом, словно приставлена была караулить его.

От нечего делать Тося стала следить за танцующими. Скоро она заметила, что лесорубы не очень-то церемонятся с девчатами: танцевали они с таким снисходительным видом, будто делали невесть какое одолжение. Попадались среди них и такие кавалеры, что не вынимали папирос изо рта, а самые отпетые даже бросали девчат в разгар танца.

«Что делают, ироды!» — ужаснулась Тося. Ее удивило, что местные девчата не протестуют и, по всему видать, давно уже свыклись с таким обращением. «Вот телушки!» — негодовала Тося. Ей вдруг захотелось, чтобы какой-нибудь лоботряс с папиросой пригласил ее, а потом бросил бы посреди танца. Она бы ему показала, как вести

себя с девушкой!

Но танец сменялся танцем, а Тосю никто не приглашал, и ей так и не удалось поучить лесорубов уму-разуму. Все нетанцующие девчата сбились вокруг радиолы, а Тося одна-одинешенька стояла под портретом Ильи. Пела-заливалась радиола, насмехаясь над Тосей:

На скамейке, где сидишь ты,

Нет свободных мест...

Танцевать хотелось так, что у Тоси даже похолодели кончики пальцев. «Хоть какой-нибудь завалященький пригласил бы!» — молила Тося, перезабыв все свои мстительно-воспитательные планы. Но молодые лесорубы стойко подпирали плечами стены и совсем не замечали Тосю, будто ее и в зале не было. Катя проплыла мимо в танце с Сашкой и улыбнулась ободряюще Тосе. Хорошо ей было улыбаться, на ее месте Тося и не так бы еще заулыбалась!

А может, и зря позавидовала Тося своей подруге. Неуклюжий Сашка танцевал плохо и поминутно наступал Кате на ноги.

— Ох и пентюх ты! — упрекнула его Катя, морщась от боли.

— Под гармошку у меня получается, — защи-

щался Сашка. — А радиола эта шепелявит, ничего не разберешь… Только ради тебя и танцую!

— Потому и терплю, — призналась Катя.

Сашка счастливо заулыбался и большущим сапожищем припечатал Катину туфлю.

— Может, передохнем? — покаянно предложил он.

— Танцуй, чего уж там! — сквозь слезы сказала Катя.

К Тосе подошла Вера. Ее тоже никто не приглашал танцевать, но у Веры был такой вид, будто она этого даже и не замечает. Тося пристально посмотрела на нее, но так и не поняла, на самом деле старшей подруге не хочется танцевать или она только притворяется. Кто их, тридцатилетних заочниц, разберет…

— Ну, как тебе наш клуб? — спросила Вера.

— Клуб ничего себе, — честно признала Тося, окидывая взглядом просторный зал. — А вот культурной работенки у вас кот наплакал!

Вера кивнула головой, соглашаясь с Тосей, и тут же, не сходя с места, разъяснила ей все по-научному:

— Такое несоответствие часто бывает. Надстройка всегда отстает от материальной базы… Ведь так?

Тося сразу заскучала. Ей почудилось, что высокообразованная Вера как-то нескладно распорядилась своей наукой и вроде бы даже оправдывает ею все поселковые безобразия. Но спорить с ученой подругой Тося не отважилась и сказала уклончиво:

— Мы этого в вечерней школе еще не проходили…

Раскатисто хлопнула наружная дверь, и в зал вошел Илья. В живом Илье не было ничего иконописного, только по шапке и можно было признать в нем парня, увековеченного на портрете. Попыхивая папиросой, Илья прошествовал через весь зал, на ходу пожимая руки, танцующим парням и небрежно кивая девчатам. Он остановился в трех шагах от Тоси. При мысли, что ее сейчас наконец-то пригласят танцевать, у Тоси перехватило дыхание, и она, потеряв всякий стыд, чуть было не шагнула первая навстречу Илье.

— А это что за птица? — спросил Илья, скользнув глазами по своему портрету.

Нетанцующие девчата сбежались со всего зала, подобострастно захихикали:

— Себя не узнал!

Илья придвинулся к портрету и искренне удивился:

— Да разве это я?

— А шапка?

— Шапка моя… — признался он и покрутил головой. — Искусство!

Не отрывая глаз от портрета, Илья с ленивой уверенностью первого в поселке парня протянул руку в сторону девчат. Рука его повисла в воздухе между Тосей и девицей с серьгами. Тося невольно подалась вперед. Она тут же сама ужаснулась тому, что натворила, но было уже поздно. Слепая рука Ильи нашла ее и увлекла в танце. Чтобы не опозориться перед знатным лесорубом, Тося старательно семенила ногами, а лицо у нее стало таким напряженным, будто она решала трудную алгебраическую задачу с буквенными коэффициентами. И только Тося приноровилась к широкому свободному шагу Ильи, как радиола замолкла.

— Не везет тебе, Дуся! — посочувствовал Илья. Тося растерялась, не зная, обижаться ей или можно стерпеть такое.

— Меня Тосей зовут… — тихо сказала она.

— Это все равно! — уверил Илья и отошел к парням. Тося немножко надеялась, что и на следующий танец Илья пригласит ее, но он куда-то запропал, а потом вынырнул из толпы уже вместе

с Анфисой. Они промчались в танце мимо Тоси, обдав ее теплым ветром, — высокие, красивые, под стать друг другу. Рядом с ними Тося самой себе показалась вдруг невзрачным заморышем. Даже не верилось, что минуту назад Илья танцевал с ней. И чего она, такая замухрышка, ерепенится? Только чужие портреты ей и сторожить! Красотой обделили — так хотя бы росту набавили, все, глядишь, на человека была бы похожа, — так нет, и тут Тосе не повезло. Видно, в первый год ее жизни мать недодала ей каких-то витаминов, решила Тося, припомнив брошюру, которую читала она у доцента с аспиранткой, чтобы подковаться теоретически и по-научному воспитывать их девочку. Оно и понятно: война тогда кругом бушевала, не до витаминов тут было…

Мальчишки-безбилетники под руководством коменданта устанавливали скамейки перед экраном. Хоть бы поскорей начинали картину крутить, и чего расплясались!

— Станцуем? — вкрадчиво спросил чей-то голос над ухом Тоси.

Она живо обернулась и увидела перед собой Филю, одергивающего пиджак. Что ж, на безрыбье и рак — рыба… Тося придвинулась к Филе, доверчиво положила руку ему на плечо — и тут

же отпрянула, брезгливо скривив лицо.

— Чего ты? — не понял Филя.

— Постыдился бы приглашать: водкой от тебя несет.

— Да не водка это! — оправдался Филя. — Самогон…

— Какая разница? — удивилась Тося.

— Ну, разница-то есть! — просвещая Тосю, снисходительно сказал Филя и пообещал: — Слышь, я отворачиваться буду…

— Тут уж как ни отворачивайся!

— Да что ты корчишь из себя! Получка у нас была, опять же премия… Я всего вот столько и хватанул.

Филя чуток расклеил пальцы, показывая придирчивой Тосе, как мало он выпил.

— Иди-иди, не буду я с тобой танцевать.

— Пожалеешь, девушка… — ласковым голосом сказал Филя, грозно посмотрел на Тосю, и двинулся к своей ватаге.

— А ты отчаянная! — удивилась девица с серьгами. — Видать, не учили еще тебя.

Тося презрительно махнула рукой:

— Все вы тут какие-то чокнутые!

В перерыве между танцами она видела, как Филя подошел к Илье, шепнул ему что-то на ухо и

повел головой в ее сторону. Илья усмехнулся и с любопытством глянул на Тосю. И хотя до них было шагов двадцать, Тосе показалось, что смеялся Илья не над ней, а над Филей.

Катя пришла проводить свою неудачливую подругу. У нее был такой откровенно счастливый вид, что Тосе даже как-то неловко стало, будто Катя начала вдруг раздеваться на людях. Судя по всему, Сашка не только наступал ей на ноги, но и успел шепнуть какое-то заветное словцо. Дальновидная Тося тут же дала себе клятву: какое бы счастье в грядущие дни ни свалилось ей на голову, у нее никогда не будет такого вот глупого, обидного для подруг, нестерпимо счастливого вида.

— Ты что ж не танцуешь? — спросила Катя.

— Пол у вас… сучковатый, — нашла Тося причину.

— А я что-то не заметила… Хочешь, Сашка с тобой потанцует?

Вот-вот, Тосе только и осталось разбивать чужие пары! И до чего же любят удачливые девчата выручать своих несчастных подруг! Прямо медом их не корми, а дай сотворить без спросу доброе дело! И Тося не удержалась, чтобы не преподнести Кате пилюлю:

— Спасибочко, а только ноги мне еще пригодятся. Не всем же быть инвалидами, хватит и тебя одной!

— Как знаешь… — обиделась Катя за своего косолапого Сашку и отошла прихрамывая.

Одну полечку Тося все-таки оттопала с девчонкой-школьницей из тех бойких девчонок, которые вечно крутятся возле взрослых и больше всего на свете любят смотреть запретные кинокартины. Девчонка и еще набивалась танцевать, но Тосе не понравилось, что та держится с ней, как с равной, и она ее прогнала.

Тося стояла и скучала, дожидаясь начала сеанса. Мимо нее опять промчался в танце Илья — на этот раз уже не с Анфисой, а с другой девушкой, работающей калькулятором в поселковой столовой.

«Когда много — значит, нет ни одной!..» — подумал вдруг в Тосе кто-то незнакомый ей, дремавший до поры до времени, а теперь вдруг проснувшийся. С непривычки к таким мыслям Тося сначала даже не поверила, что она сама, без чужой подсказки все это подумала, — прямо как мудрая заочница Вера! Но как следует порадоваться неожиданному своему таланту она не успела: мимо нее снова промчался Илья с хихи-

кающей калькуляторшей.

На миг Тося встретилась глазами с Ильей, и ей почудилось, что он, как в открытой книге, прочитал все ее тайные мысли — прочитал и понял: не от хорошей жизни занялась она не своим делом и ударилась вдруг в умственность. Кажется, Илья даже пожалел ее — маленькую, некрасивую, никому здесь не нужную. Только жалости его Тосе и не хватало! Она закусила губу и выбежала из клуба.

На крыльце шла совсем другая жизнь: безбилетные мальчишки и девчонки уговаривали старичка контролера пустить их в клуб на свободные места. Парнишка лет четырнадцати курил в рукав, осторожно озираясь по сторонам. Тося сразу будто вывалилась из взрослой жизни, к которой начала было приобщаться, в недалекое, но уже позабытое ею детство.

— Ага, вот ты где! — хищно сказал Филя, выходя из клуба вслед за ней.

Тося шаром скатилась с крыльца и отодрала от земли примерзший горбыль[7].

— Только подойди!

— Кислицына, брось палку! — строго сказал

[7] Примечания: 7

Горбыль — крайняя доска при распилке бревна, с одной стороны выпуклая.

Филя и шагнул с крыльца.

— Милок, да разве так за девкой ухаживают? — прошамкал вдогонку ему контрольный старичок.

Тося занесла горбыль над головой и пригрозила:

— Ка-ак стукну!

— Ты что, шуток не понимаешь? — удивился Филя, плюнул под ноги и вернулся в клуб.

Волоча за собой горбыль-спаситель, Тося прогуливалась по ночному поселку. Первый морозец сковал землю, молоденький ломкий ледок со стеклянным хрустом трещал в лужицах под ногами. Циркульная пила на шпалорезке угомонилась на ночь, и в поселке было непривычно тихо. Лишь на нижнем складе глухо рокотали скатываемые с платформ бревна. Тося взобралась на высокий дощатый тротуар. Настил не хлюпал больше под ногами, как в недавнюю слякоть, а сухо гремел под Тосиными каблуками. Вот бы где танцевать!

В небе один-одинешенек гулял молодой тонкий месяц. Тосе вроде даже легче на душе стало, когда увидела, что не одна она коротает в мире свое одиночество.

Месяц стоял боком к земле, чтобы трудней

было попасть в него космической ракетой. Тосе вдруг сильно захотелось, чтобы именно сейчас, сию вот минуту, когда она смотрит на месяц, в него ударила бы ракета и высекла искру и чтоб на всем белом свете это видела одна лишь она. Ну… пусть еще ученые, которые дежурят у своих зорких труб и получают за это ордена и высокую зарплату. Против ученых Тося ничего не имела.

Она стояла целую минуту, задрав голову к небу и надеясь, что заказанное ею чудо сбудется. Может быть, Тося и дождалась бы своей ракеты, но тут в клубе погас свет.

— Начинают! Начинают! — загалдели безбилетники на крыльце.

Тося отшвырнула горбыль и припустила к клубу.

ЖИЛИ-БЫЛИ…

За окнами общежития завывал студеный ветер, и время от времени с нижнего склада доносились приглушенные стенами гудки паровозика, лязг буферов и дробный стук сгружаемых бревен.

Вера оторвалась от книги и оглядела комнату. Все девчата были в сборе, одна лишь Тося куда-то запропастилась. Надя жарила картошку для Ксан Ксаныча. Анфиса причесывалась перед зеркалом, собираясь на ночное дежурство. Принаряженная Катя, готовясь к решительному свиданию с Сашкой, смотрелась в зеркало из-за плеча Анфисы и, послюнив палец, расправляла белесые брови.

Со дня Тосиного приезда прошло уже две недели. Вера и не заметила, как привязалась к непоседливой, взбалмошной девчонке и стала близко к сердцу принимать все ее радости и беды.

Любимые Тосины киноактрисы, прикатившие в поселок в бауле, успели уже перекочевать на стенку. Вперемежку с ними висели пестрые картинки, которые Тося выдирала из иллюстрированных журналов. Даже и тут она была верна поварской своей профессии и всем самым

красивым пейзажам предпочитала вкусные натюрморты. Любила Тося краски ярчайшие. Стена над ее койкой стала самым экзотическим уголком во всей комнате. У Веры при одном лишь взгляде на пеструю Тосину экзотику сразу же зарябило в глазах…

Дверь со стуком распахнулась, и в комнату ступила радостная Тося с великим множеством разнокалиберных кульков и пакетов в руках. Не оборачиваясь, она закрыла дверь ногой — с ловкостью инвалида, давно уже привыкшего обходиться без помощи рук, и высыпала покупки на стол.

— Налетай!

Тося разворошила кульки, отыскала любимые свои конфеты. С раскрытым кульком обошла девчат.

— Красные берите, вкуснее!

Себе Тося взяла желтую, чтобы подругам досталось побольше красных. И Анфису-злюку не миновала Тося, высыпала на тумбочку перед зеркалом горсть конфет. Анфиса удивленно покосилась на Тосю и машинально сунула конфету в рот.

— Весь аванс угробила? — полюбопытствовала Вера, на правах старшей подруги осуждая юное

Тосино расточительство.

Тося беспечно махнула рукой:

— А чего там! Я так считаю: деньги для того и зарабатывают, чтобы тратить. Ведь правда, мама-Вера?

— Открыла Америку! — фыркнула Анфиса.

Тося обернулась было к ней, чтобы дать отпор, но тут в поле ее зрения попала прихорашивающаяся Катя, и мысли Тоси сразу же настроились на другой лад.

— Это платье тебе не к лицу! — решительно объявила она. — Надень лучше Верину блузку и Анфискину черную юбку. — Недолго думая, Тося вытащила из шкафа чужие одежины и примерила издали к Кате. — Девчонки, правда, лучше?

Анфиса пожала плечами. Надя на миг оторвалась от плиты, безучастно посмотрела на Катю и снова занялась своей картошкой. А Вера даже головы не повернула.

— Единоличники вы несчастные! — пристыдила Тося девчат. — Подруга на первое свидание идет, а вам хоть бы хны!

— Одни женихи у вас на уме, — отозвалась уязвленная Вера. — Занялись бы чем посерьезней.

— Эх, мама-Вера! Как тридцать стукнет, обещаю только про международное положение думать.

С утра до вечера, без перерыва на обед!.. — Тося кинула юбку с блузкой Кате. — Переодевайся!

Катя многозначительно повела глазами в сторону Анфисы.

— Мам-Вера, Анфиска, можно? — запоздало спросила Тося.

Вера разрешающе кивнула головой, а Анфиса снова неопределенно пожала плечами, удивляясь детдомовской Тосиной бесцеремонности.

Катя поспешно стала переодеваться, боясь, что Анфиса передумает и отнимет у нее лучшую свою юбку.

— Глянет Сашка — и наповал! — убежденно говорила Тося, тормоша Катю и изо всех сил стараясь сделать подругу покрасивей.

Болтая ногой в тонком чулке, Анфиса сидела на койке и насмешливо-снисходительно следила за Катей и без толку суетящейся возле нее Тосей: так ветераны смотрят на сборы новобранца. И Надя у плиты украдкой поглядывала на Катю. В коротких Надиных взглядах было жадное любопытство человека, обделенного в жизни многими радостями, выпавшими на долю ее более счастливых подруг, в том числе и этой вот молодой трепетной радостью первого свидания, какой полна была сейчас Катя.

— Он как тебе сказал? Приходи, мол, буду ждать! — выпытывала у Кати малолетка Тося, которой еще никто в жизни не назначал свидания.

— Да что-то вроде этого… — неуверенно ответила Катя, смущенная всеобщим вниманьем.

— Счастливая ты, Катька! — позавидовала Тося. — Слушай, возьми мою брошку.

— Да ее под пальто и не видно будет.

— Все равно возьми. Пусть хоть брошка моя на свидании побывает!

Тося живо нырнула под койку, достала из баула крупную брошку — единственное свое украшение — и нацепила ее на грудь смирно стоящей Кате. Тосина бескорыстная забота о подруге неожиданно заразила и Анфису, она тоже внесла свою посильную лепту в Катины сборы.

— Целоваться без спросу полезет — ты вот так руку держи, — посоветовала опытная Анфиса и выставила руку локтем вперед.

Тося запоминающе повторила полезный Анфисин жест на всякий случай — может, когда и пригодится.

— А совсем обнаглеет — бей прямо по мордасам, это их успокаивает! — Критически осмотрев Катю, Анфиса решила: — Да куда тебе!.. Ты хоть не бросайся ему сразу на шею, поманежь хоро-

шенько, крепче привяжешь.

— А зачем Кате притворяться, раз она и сама Сашку любит? — удивилась Тося.

— Лю-убит? — насмешливо переспросила Анфиса рассматривая флакон с одеколоном на свет. — Никакой любви нету.

— Нету любви? — опешила Тося. — А куда ж она подевалась?

— А ее никогда и не было! — сказала Анфиса, наслаждаясь Тосиным изумлением. — Врут люди, сочинили себе сказочку, чтоб веселей жить было… Поверь мне, всем мужикам лишь одно нужно!

Тося растерянно огляделась вокруг, ища подмоги.

— И… Пушкин, по-твоему, врет?.. «Я вас любил, любовь еще, быть может…»

— «Быть может»! — передразнила Анфиса.

— Хватит тебе девчонку пугать, — остановила ее Вера. — Не слушай ты ее, Тось.

— У меня своя голова на плечах есть, — обиделась вдруг Тося и пристально посмотрела на Анфису. — Жалко мне тебя, Анфиска, если ты всерьез так думаешь… — Она придвинулась к Кате и тихонько, как говорят о тайном и стыдном, спросила: — Ты и на Камчатку с ним пойдешь,

если позовет?

За две недели Тося узнала уже все местные обычаи. У Камчатки были свои неписаные, но всем в поселке известные законы. Для девушки пойти с парнем на Камчатку — значило на весь поселок объявить о своей любви, все равно что обручиться. Вместо старомодных «жених и невеста» здесь говорили: «Они на Камчатке сидят». Почти все молодые семьи в поселке прошли через Камчатку, и многие пожилые ныне дяди и тети частенько поминали ее добром словом.

— Там видно будет... — уклончиво ответила Катя. Тося с молодым ужасом посмотрела на нее и с решительным видом повернулась к Анфисе:

— Дай одеколонцу для Катерины, будь человеком!

Анфиса молча протянула Кате флакон с одеколоном.

Тося бесцеремонно перехватила флакон, понюхала:

— Дай другой, у тебя лучше есть, я знаю.

— Ага! — торжествующе выпалила Анфиса. — Наконец-то я тебя поймала, вечно по чужим тумбочкам лазишь!

Тося воинственно подступила к Анфисе:

— А ты видела?!

Анфиса нырнула рукой в тумбочку, достала из дальнего угла маленький заветный флакончик, глянула на свет.

— Так и есть! Я как знала, царапину вчера сделала, а теперь царапина на весу… Поймаю на месте — руки поотрываю!

— Попробуй… — без прежнего пыла молвила Тося, отодвигаясь от Анфисы.

Хитрая Анфисина царапина, кажется, не на шутку озадачила Тосю. Пряча смущение, она подошла к своей койке и срочно занялась покосившимся натюрмортом.

Катя взглянула на ходики, испуганно ойкнула:

— Ой, опаздываю! — и выбежала из комнаты.

У Нади на плите громко зашипела на сковороде картошка. Анфиса брезгливо поморщилась:

— И охота тебе каждый вечер с ужином возиться? Ведь столовая есть.

— Охота… — хмуро ответила Надя.

— Да не слушай ты ее, Надежда! — вступила в разговор оправившаяся Тося. — Ей только волю дай — на всех станет кидаться. Тигра лютая, а не человек! — Вызывая Анфису на бой, Тося храбро шагнула к ней и сказала с запоздалой яростью: — Если кто и брал твой паршивый одеколон, так почему я? Что я, крайняя?

— Больше некому! — убежденно ответила Анфиса.

— Нужен мне твой одеколон, — не сдавалась Тося. — Захочу — целое ведро куплю!

— Вот и купи, а чужой не бери.

— И куплю!

— Купи, купи… Не забудь и пудру заодно, вечно в мою пудреницу заглядываешь!

— В твою пудреницу? — возмутилась Тося. — Ну, знаешь… Когда у меня пудры нету, я могу и зубным порошком попудриться. Цацу из себя не корчу, как некоторые!

— Кончайте базар, — строго сказала Вера. — Слушать противно. А ты, Тось, просто удивляешь меня…

Тося топнула ногой и пропела…

Она всех вечно удивляла,

Такая… уж она была!

— Поэтесса! — фыркнула Анфиса. — Пушкин в томате!

— Как умею!.. — обиделась Тося и злопамятно посмотрела на ехидную Анфису.

— Тось, ты уроки сделала? — поспешно спросила Вера, чтобы помешать новой стычке.

— А нам, мама-Вера, кажется, не задавали…

— схитрила Тося и стойко выдержала сомневающийся Верин взгляд.

— То-ося!

— Ох и надоели вы мне все! Зря я в вечернюю школу поступила… — не в первый раз пожалела Тося, но послушно достала из тумбочки учебники и тетрадки и села за стол.

Она зло полистала учебник, нашла нужную задачку, по школярской привычке сразу же заглянула в ответ и скорчила кислую мину, не зная, как ей этот ответ заполучить. Тишина — редкая гостья общежития — ненадолго установилась в комнате. Анфиса вернулась к зеркалу, а Вера снова легла на свою койку-гамак и уткнулась в пухлый роман.

— Как там они, еще не поженились? — вкрадчивым голоском спросила Тося.

— Ты решай задачу, решай… — посоветовала Вера.

— Ох и вредные вы все! — возмутилась Тося. — Все воспитывают, воспитывают… И как вам не надоест? — Обхватив голову руками, Тося с лютой ненавистью уставилась в задачник и забормотала: — Поезд отошел от станции…

В дверь тихонько постучали.

— Входи, кто там такой вежливый? — крикнула

Тося, радуясь, что есть предлог оторваться от ненавистной задачки.

Дверь самую малость приоткрылась, и в комнату бочком проскользнул Надин жених Ксан Ксаныч.

В поселке Ксан Ксаныч был незаменимым человеком, и все его уважали. Числился он пилоправом, но знал толк и в плотницкой и в слесарной работе, а при неотложном случае мог и лебедку наладить, и отпереть без ключа замок, и даже дамские часики починить. Работящие руки Ксан Ксаныча постоянно искали какое-нибудь занятие, и, мастеря что-либо, он чувствовал себя увереннее, а в редкие минуты вынужденного безделья ему было как-то не по себе, будто он людей обманывал.

В комнате своей невесты Ксан Ксаныч всегда смущался и неуклюже пробовал скрыть это смущение за несвойственной ему шутливой развязностью. Вот и сейчас он обошел комнату по кругу, осторожно пожимая руки девчатам и приговаривая:

— Вере Ивановне почтение… Учись, Тося, профессором станешь!.. А Анфиса наша все хорошеет…

Выполнив этот обязательный, как он считал,

обряд, Ксан Ксаныч подошел к Наде, заглянул ей в глаза, спрашивая, не оплошал ли он сегодня, и на правах жениха нежно пожал ей руку выше локтя. Надя ободряюще кивнула ему и водрузила на угол стола сковородку с дымящейся жареной картошкой.

— Хорошо ты, Надюша, картошку жаришь! — с чувством сказал Ксан Ксаныч.

Они сидели рядышком и ужинали по-семейному.

— Насчет квартиры, Ксан Ксаныч, ничего нового? — поинтересовалась Вера.

Ксан Ксаныч безнадежно махнул рукой:

— Что-то не пойму я нашего Игнат Васильича: сам же первый нам с Надюшей сочувствует, а стройку опять заморозил.

— План его поджимает, — сказала Вера. — Не научились мы еще сочетать производство с бытом…

— Так-то оно так, да только нам с Надюшей от этого не легче. Как подумаешь, что счастье двух человек зависит от кусочка жилплощади…

Ксан Ксаныч не договорил и снова махнул рукой.

— Безобразие это! — вспылила Тося, чуткая к чужой беде, и даже кулаком по столу стукнула.

— Комната пустая стоит, а вам не дают. В газету надо писать!

Тося боязливо скосила глаза на Верин гамак. Но все в общежитии принимали такое горячее участие в устройстве семейного благополучия Нади и Ксан Ксаныча, что даже строгой Вере на этот раз Тосина вспышка показалась уважительной, и она не заикнулась о задачке.

— Вот ты писала про своего агронома, — напомнила Анфиса, — а что вышло?

Тося на секунду смутилась, будто по ее вине Ксан Ксанычу с Надей до сих пор не дают квартиру.

— До агронома еще доберутся! — убежденно сказала она.

— Ту комнату для технорука берегут, — робко объяснил Ксан Ксаныч. — Говорят, инженер к нам скоро приедет…

— Инженер? — переспросила Анфиса. — Расставляйте карман пошире. Так вам настоящий инженер и заявится в наш задрипанный лесопункт! На вашем месте, Ксан Ксаныч, я вселилась бы — и все. Пусть потом попробуют выселить!

— Как же так, самовольно? — удивился Ксан Ксаныч. — Ведь там замок висит…

— Эх, вы! — пристыдила Анфиса. — Любой за-

мок умеете открыть, а тут скромничаете.

— Правильно! — одобрила Тося. — Хоть и Анфиска сказала, а правильно. Я… это самое, присоединяюсь!

— А почему «хоть»? — высокомерно спросила Анфиса.

— Да ну тебя! — отмахнулась от нее Тося, вскочила с табуретки и азартно предложила: — Ксан Ксаныч, миленький, айда замок ломать! Ну что вам стоит? А завтра свадьбу закатим! Я еще ни разу в жизни на настоящей свадьбе не гуляла… Ну, Ксан Ксаныч?

Ксан Ксаныч покосился на Надю, безучастно сидящую рядом с ним, покачал головой и сказал с сожалением:

— Нет, так не пойдет… Мы уж лучше с Надюшей дождемся, пока нам комнату законно дадут.

Тося разочарованно шлепнулась на свою табуретку.

— Я жду, — напомнила Анфиса. — Почему ты сказала про меня…

— Почему, почему! — вспылила Тося. — Жила ты! Из-за капли одеколона удавишься!

— Я же еще и виноватая… — Анфиса понимающе усмехнулась. — Не можешь простить, что ребята не с тобой танцуют, а со мной? Видела я,

как ты в клубе очи пялила!

Вера на койке опустила книгу.

— Постыдилась бы такое говорить! Ребенок она еще…

— Хорош ребеночек! — фыркнула Анфиса. — Ты, Верка, со своими книжками где-то в девятнадцатом веке застряла. Теперь такие вот ребенки спят и во сне видят, как бы скорей замуж выскочить!

— Нужно мне! — презрительно сказала Тося. — Я еще, может, старой девой останусь!

— И останешься! — Анфиса резко сменила фронт атаки и цепкими глазами обежала Тосю с макушки до пяток. — Много о себе воображаешь, а ноги у тебя, между прочим, вульгарные!

— Какие, какие? — не на шутку забеспокоилась Тося и недоуменно покосилась на свои ноги, которые всю жизнь верой и правдой служили ей, не раз выручали Тосю из беды, а теперь вот, выясняется, были не такие, как надо.

— Вуль-гар-ны-е. Загляни в словарь, все польза будет!

По неученности своей Тося не ведала, что означает Анфисино ругательное слово, и от этого ей стало еще обидней.

— А ты… — бессильно начала она. — Ты женское звание позоришь, вот!

— То-ося! — предостерегающе окликнула свою подопечную Вера.

Но Тося уже вышла из повиновения, и на этот раз остановить ее не удалось даже Вере со всем ее солидным авторитетом старосты комнаты, разметчицы верхнего склада и заочной студентки техникума.

— Что Тося? Я уже семнадцать лет и полтора месяца Тося!.. Вы лучше на Анфису гляньте. Все знают, а молчат, даже противно... Ну чего ты, спрашивается, вырядилась? Ведь на дежурство идешь.

— Не твоя забота! — озлилась Анфиса. — В каждую дырку затычка!

Они стояли по обе стороны от Ксан Ксаныча и кричали друг на друга через его лысину. Стеснительный Ксан Ксаныч низко склонился над сковородкой и делал вид, что даже и не подозревает, какая буря грохочет над его головой.

— Нет, моя! — настаивала Тося. — По всему поселку слава идет, как к тебе на коммутатор по ночам кавалеры шастают! И как ты не боишься? Вот останешься матерью-одиночкой, тогда наплачешься!

— Эх, Тосенька! — с чувством превосходства сказала Анфиса. — Такие дела надо умеючи об-

делывать… — Она взяла со стола нож, спрятала в свою тумбочку. — Сколько раз говорила, чтоб не брали без спросу… Поужинаете, Ксан Ксаныч, стул на место поставите.

Смущенный Ксан Ксаныч вскочил со стула. Анфиса надела красивую беличью шубку, на секунду задержалась у двери.

— Счастливых снов, девы. Тоське во сне батальон женихов увидеть! Любовь — ах, ах!

Анфиса с хохотом выбежала из комнаты. Надя пододвинула Ксан Ксанычу другой стул, а Анфисин отнесла к ее койке и со злым стуком поставила возле тумбочки.

— Ничего, — успокоил невесту Ксан Ксаныч. — Я себе как-нибудь табуретку сделаю. Заживем самостоятельно!

Тося подошла к заманчивой Анфисиной тумбочке, будто ее сюда магнитом притянуло. Для начала она пнула ногой стул и передразнила Анфису:

— «Без спросу не трогайте»!.. «Сколько раз говорила»!.. — Потом перебрала флаконы на тумбочке, понюхала один из них. — И где она такой пахучий одеколон достает? — удивилась Тося и украдкой от подруг подушилась запретным одеколоном.

— То-ося! — окликнула ее Вера.

— Чужой всегда лучше пахнет! — убежденно сказала Тося. — Не бойсь, красотка наша ничего не заметит. — Подняв одеколон к свету, Тося осторожно долила его водой из чайной ложечки. — Чихала я на ее царапину, не на таковскую напала!.. — Разглядывая себя в зеркале, размечталась: — Эх, девчонки, если б вы знали, как хочется быть краси-ивой!.. Я бы тогда ни одного парня и на три шага к себе не подпустила, за всех обманутых девчат отомстила бы! Вот иду я, красивая, по улице…

Тося сорвала с Анфисиных подушек покрывало, накинула себе на голову и, неумело поводя плечами, стала гордо расхаживать по комнате, наглядно показывая, как разгуливала бы она по главной улице поселка, если б исполнилась заветная ее мечта и она заделалась бы вдруг красивой.

— Все встречные ребятки столбенеют, а какие послабей в коленках — так и падают, падают, сами собой в штабеля укладываются!

Не жалея материала, Тося вылепила руками из воздуха высоченный штабель.

— Ой, Тоська, и смешная ты! — сказала Надя и улыбнулась впервые за весь вечер.

А Вера поддела Тосю:

— Лежит разнесчастный парнишка в штабеле и ломает себе голову: «И что за кнопка тут ходит?»

Тося обиженно шмыгнула носом.

— Ну, не такая уж я маленькая, а взберусь на высокий каблук — и совсем средний рост будет!.. Заметила, все женщины в модельных туфлях сразу красивей становятся?

Вера отложила книгу.

— Далась тебе эта красота… А ты думала — красивым трудней жить, соблазна больше?

— Мне бы их трудности… — пробормотала Тося и вдруг стукнула кулаком по столу. — А все-таки неправильно это! Несогласная я!

— О чем ты? — не поняла Вера.

— Все о том же! Ну, хоть нашу Анфиску взять: она и пальцем не пошевелила, а ей задарма все досталось: красота, успех и прочее. А чем мы хуже? Скажи, чем? Ага, не можешь ответить! — торжествовала Тося победу над Верой-заочницей. — Или так и должно быть: одним вершки, а другим корешки?.. Если б еще нас перед рожденьем спрашивали: хочешь такой быть? А то ведь не спрашивают. Произведут на свет — и живи как умеешь. Сидел бы бог на небе — так хоть знали бы, кто тебе свинью подложил. А теперь бога

сковырнули — и ругать некого. Природу ругать не будешь: это как головой об стенку!.. И зачем только говорят, что у нас все равны?

— Равны, но не одинаковы, — ответила Вера.

Тося растерянно поморгала, удивляясь по простоте душевной тому, сколько люди навыдумывали сходных и в то же время чем-то отличных друг от друга слов, за которые можно прятаться.

— Конечно, мне с тобой трудно спорить, ты вон сколько книжек проглотила, а только все это… одна умственность! А с этой самой красотой получается вроде денежно-вещевой лотереи: все платят по трояку за билет, один выигрывает золотые часы, а другому достается привет от министерства финансов!.. В общем, наломала тут природа дров.

— Так ее, природу! — вступил в разговор Ксан Ксаныч. — Закати ей, Тося, выговор.

— И закачу! Это ж совсем не по-нашему выходит: прямо сплошной капитализм! Родятся красивыми, а потом всю жизнь… Как это называется? — Тося растопырила пальцы ножницами и задвигала ими. — Купоны стригут, да, мама-Вера?

Вера молча кивнула головой. А Надя сказала сердито:

— Пустая это все болтовня! И чего завели?.. Так было, так и останется. Даже при полном коммунизме одни красивыми будут, а другие… так себе. Ничего тут не исправишь.

Кажется, все эти мысли о несправедливости природы были Наде не в диковинку.

— Нет, исправим! — убежденно заявила Тося. — Наука дойдет!

Она присела к столу и придвинула к себе задачник с таким решительным видом, словно собиралась ускорить победу науки. Но при первом же взгляде на ненавистную задачку с поездом вся похвальная Тосина решимость сразу испарилась, и стало ясно: не такое это легкое дело — торопить победный шаг науки.

— Наука, она, конечно, движется… — пробормотал Ксан Ксаныч, не понимая, почему Надя так близко к сердцу принимает весь этот шутейный разговор. — Может, еще доживем до такого дня, когда откроют мастерские для ремонта человеков. Надоел тебе, скажем, твой родной нос — забежал в такую мастерскую, сменил нос и пошел себе дальше с новым носом: хочешь — прямой, хочешь — с горбинкой!

Ксан Ксаныч сам первый засмеялся и тут же смущено закашлялся, прося извинить его за

такое непростительное для пожилого человека легкомыслие.

— Приходишь с новым носом в общежитие, — радостно подхватила Тося, — а тебя не пускают: «Гражданка, вы тут не прописаны!»

— Хватит вам ерунду молоть! — угрюмо сказала Надя.

И Вера пристыдила Тосю:

— Узко ты на жизнь смотришь, с одной лишь точки. Как будто красота — это все! Можно быть счастливой и без особенной красоты, если семья дружная, любимая работа, все тебя уважают…

Тося пренебрежительно махнула рукой:

— Это все умственность и фантазия! Так только говорят, чтобы нас, горемычных, утешить… Ты покажи мне счастливую-рассчастливую из самой дружной семьи, чтоб она о красоте не мечтала. Что-то таких не видать!.. — Тося зевнула. — И почему, мама-Вера, меня сразу в сон кидает, когда со мной говорят про умные вещи?

— Не доросла ты еще до умных разговоров! — уязвленно сказала Вера и взялась за толстую книгу.

— Вот это точно! — охотно согласилась Тося и вдруг заулыбалась: — Ой, чего придумала-а!.. Если б я была природой, я бы так сделала. Рождается

человек… Никакой. Ни красивый, ни страхолюдный, а совсем-совсем никакой, понимаете? А потом, когда он определится, годам этак к семнадцати, я на месте природы и стала бы выдавать красоту — кто чего заслужил. Все учла бы: и как работает, и как к подругам относится, жадный или нет, мечты разные — все-все… Получай по заслугам — и живи себе на здоровье! Вот тогда было бы по справедливости, а теперь и на росте норовят сэкономить, и личико тебе подсунут какое-нибудь завалящее, носи его до самой смерти!.. Ну как, мама-Вера, ловко я придумала?

— Чем бы дитя ни тешилось… — отозвалась Вера и еще раз попробовала наставить заблуждающуюся Тосю на путь истинный: — И как ты не поймешь: мало одной красоты для настоящего счастья! Ведь и Анфиса наша красивая. Может быть, красивей, нас всех в комнате…

— Не может быть, а так оно и есть! — перебила Тося: любовь к справедливости пересилила в ней неприязнь к ехидной своей соседке. — Вот только злая она, как ведьма! А красивый человек, я так считаю, должен быть добрый-предобрый: чего ему злиться, раз он уже красивый?.. Правда, Надя?

— Откуда мне знать? — удивилась Надя. — Это

не по моей специальности: мне папа с мамой красоты недоложили…

— Надюша! — упрекнул невесту Ксан Ксаныч, зачищая сковородку корочкой хлеба. — Вечно ты на себя наговариваешь!

Надя начала убирать со стола. А Тося вдруг увидела мусор у порога, подошла к расписанию дежурств, приколотому к боковой стенке шкафа, и сказала с великим сожаленьем:

— Эх, не знала я, что сегодня Анфиса дежурная! Я бы ей показала, как на живых людей кидаться. Привыкла на чужих горбах выезжать, а все потому, что красивая… Да пропади она пропадом со своей красотой!

— Поболтала, Тося, и хватит, — решительно остановила ее Вера. — Сегодня я за тебя задачку решать не буду, не надейся. На твоем месте я бы не о красоте думала, а об учебе… Неужели тебе, кроме красоты, ничего на свете не хочется?

— Хочется… — тихо ответила Тося.

Заинтересованная Вера приподнялась на локте:

— Чего, если не секрет?

Тося зажмурилась и заговорила — быстро и горячо, как говорят о давней своей мечте:

— Ты только не смейся. Больше всего в жизни

я хотела бы, чтоб у меня старший брат был… Родной старший брат! — Тося зачастила, опасаясь, что ее перебьют и не дадут досказать: — Чтоб и фамилия у него была, как у меня, и отчество, чтоб совсем-совсем родной, понимаешь? И чтоб старший — ну, хотя бы на два годика, а еще лучше — лет на пять… Чтоб он сильный был, умный и все в жизни знал. Чтоб с ним можно было посоветоваться в случае чего и все ему рассказать. Понимаешь: все-все!.. В общем, настоящий старший брат, как у других девчонок бывает… Ты не думай, он у меня как сыр в масле катался бы! Я бы ему рубашки стирала, галстук самый модный с получки купила, обеды из трех блюд готовила. Мы бы с ним вместе в кино ходили, и рано утром я бы его на работу будила!.. И еще… чтоб он не женился и всегда со мной жил. Ну зачем ему жениться? Попадется какая-нибудь модница или вертихвостка, только со мной рассорит… Чтоб его все хулиганы, вроде Фили, боялись и чтоб он на батю нашего был похож — хоть немножко…

Тося замолчала и боязливо открыла глаза. Ей показалось вдруг, что она слишком уж размахнулась в несбыточных своих мечтах и безудержно много требует от судьбы. И еще она боялась, что девчата поднимут ее на смех, но никто в ком-

нате не усмехнулся даже, и только Ксан Ксаныч закашлялся ни с того ни с сего. Покореженное войной, детдомовское Тосино детство заглянуло в общежитие — и все вокруг притихли.

— Да-а… — с философической ноткой в голосе сказал Ксан Ксаныч: на правах единственного в комнате мужчины он считал себя обязанным как-то утешить Тосю. — Война, будь она трижды неладна…

Надя дернула его за рукав, — и Ксан Ксаныч сразу прикусил язык. А Вера не выдержала выпытывающего Тосиного взгляда и отвела свои глаза, будто была в чем-то виновата перед Тосей. Ей стало вдруг неловко, точно Тося по девчоночьему своему неведенью нарушила какой-то неписаный житейский закон и распахнула перед ними свою душу гораздо шире, чем повелось между людьми, даже если они живут в одной комнате и испытывают друг к другу взаимную симпатию.

Больше всего Веру поразило, что Тося осмелилась мечтать лишь о брате. Видно, еще в самом раннем детстве она уже настолько свыклась с круглым своим сиротством, что сейчас ей даже в голову не пришло попросить у судьбы отца с матерью и пределом ее мечтаний стал всего лишь старший брат, похожий на отца.

Щурясь от яркого света, Тося стояла перед Вериной койкой. Она не догадывалась, почему это все в комнате напустили вдруг на себя постный вид, как на поминках, и воинственно озиралась по сторонам, готовая дать достойный отпор каждому, кто вздумает неуважительно отозваться о ее несуществующем старшем брате.

Вере показалось вдруг, что ершистая девчонка эта и не подозревает даже, чего недодала ей жизнь. Она приподнялась на койке, рывком притянула к себе упирающуюся Тосю и с никогда прежде не испытанной ею сладкой, почти материнской болью в сердце стиснула хрупкие Тосины плечи и зарылась подбородком в мягких ее волосах, от которых шел резкий и чуждый запах Анфисиного одеколона.

— Пусти, вот сумасшедшая! — крикнула Тося, вырываясь из непрошеных объятий. — Я по-хорошему, а ты…

Тигренком отскочила она от Вериной койки, азартно вскинула руку.

— Если бороться хочешь — так и скажи! Я тебе покажу кой-какие приемчики. Ты не думай, от меня все мальчишки в школе ревели! — похвасталась Тося, припомнив былые свои подвиги.

Она перехватила Верин взгляд — какой-то

новый, обнаженно ласковый и чуть-чуть виноватый — и растерянно заморгала.

— Иль ты чего другое удумала? — заподозрила Тося неладное и в упор уставилась на смутившуюся вдруг Веру.

— Глупая ты еще… — тихо сказала Вера, нашарила рукой книгу и отвернулась к стене.

Тося пожаловалась Ксан Ксанычу:

— Вот моду взяли: как что не по-ихнему — так сразу дурочкой обзывают!

И после этого ей уже ничего другого не оставалось, как присесть к столу и начать наобум черкать в тетрадке — в слепой надежде, что ненавистная задачка, может быть, решится как-нибудь сама.

Надя с женихом ушли в свой угол, сели на койку. Не переставая черкать в тетрадке, Тося осторожно огляделась вокруг. Убедившись, что за ней никто не следит, она украдкой высунула ногу из-под стола, придирчиво осмотрела ее со всех сторон и пожала плечами, решительно не понимая, какой недостаток ехидная Анфиса выискала в ее ногах…

— В ответе, должно быть, опечатка! — предположила Тося, сверяя скоропалительное свое решение с ответом.

— У тебя и в прошлый раз была опечатка, — сказала Вера потвердевшим голосом.

А Ксан Ксаныча терзали совсем другие заботы.

— Пора уже нам, Надюша, о мебели подумать, — озабоченно говорил он. — А то, не ровен час, дадут нам комнату, а у нас ничего не готово. Шкаф, стол, табуретки я сам сделаю не хуже фабричных, доски сухие у меня уже есть на примете. А кровать давай лучше купим. Знаешь, есть такие, с шишечками по углам. Соберем деньжат и купим…

— Что ж, — согласилась Надя, — можно и купить. В этом месяце я сотни две сэкономлю…

— Ты только не жмись! — испугался вдруг Ксан Ксаныч. — Если тебе конфеты приглянутся или там какая-нибудь помада, ты смело покупай, у меня не спрашивай.

— Зачем мне помада? — удивилась Надя. — Помада мне без надобности.

— Я к примеру, Надюша. Мало ли чего захочется. Дело молодое, жаться нечего, а то ведь так и молодость пройдет.

— Хорошо, Ксан Ксаныч… — тихо сказала Надя, подавленная добротой своего жениха, и покосилась на девчат — не подслушивают ли они.

Насчет Веры можно было не сомневаться: она

лежала спиной к ним и читала пухлый роман. А вот Тося что-то слишком уж глубокомысленно грызла карандаш — то ли искала в сердцевине его заблудившееся решение неприступной своей задачки, то ли сдерживалась изо всех сил, чтобы не расхохотаться над стариковской любовью Ксан Ксаныча.

Вера дочитала последнюю страницу и положила книгу на тумбочку. Тося тут как тут:

— Поженились?

Вера кивнула головой.

— Так я и знала! — торжествующе сказала Тося. — В романах всегда в конце женятся. Прочитаешь один — и можно больше не читать… Я потому и не читаю!

— Мели, Емеля! Лень-матушка не дает тебе книги читать… Ксан Ксаны-ыч!

Вера покрутила рукой в воздухе. Ксан Ксаныч сразу догадался, чего от него ждут, ответил по-военному:

— Есть! — и привычно повернулся лицом к стене.

Чтобы не сидеть без дела, пока Вера раздевается, работящий Ксан Ксаныч достал из кармана перочинный ножик и принялся загонять высунувшуюся паклю в пазы между бревнами. По

всему видать, Ксан Ксаныч не впервой занимался этим полезным делом: все пазы на высоте рук сидящего человека были уже проконопачены, и теперь ему пришлось нагибаться к самому полу.

— Ксан Ксаныч, можно, — разрешила Вера. Платье ее висело на спинке стула, а сама Вера уже лежала под одеялом. Она взяла с тумбочки новую книгу, посмотрела на Катину койку, потом на ходики.

— Что-то загуляла наша Катерина.

— Спорим, — сразу же отозвалась Тося, — она сейчас со своим Сашкой на Камчатке сидит!

Прежде чем войти в комнату, Катя на минуту остановилась в коридоре перед дверью, провела рукой по лицу, чтобы остудить горящие от Сашкиных поцелуев щеки. Притворно нахмурившись, она толкнула дверь и переступила порог.

Тося все еще корпела над задачкой, а Ксан Ксаныч уже распрощался с Надей и ушел спать.

— Ну?! — нетерпеливо спросила Тося и так поспешно вскочила с табуретки, что та с грохотом упала на пол. — Ну, Катя? — повторила Тося, поднимая табуретку и снизу вверх глядя на подругу заметно покрупневшими от жгучего любопытства глазами.

— О чем ты? — делая вид, что не понимает,

спросила Катя и простерла руки над плитой. — Тепло ка-ак!

— Да брось ты притворяться! — осудила Тося ее лицемерие. — Любит?

Катя подумала-подумала, кивнула головой, сказала:

— Угу… — И еще раз кивнула — для большей надежности…

— Вот это по-нашему! — одобрила Тося, радуясь так, будто полюбили не Катю, а ее. — Поздравляю, Катистая! — Она порывисто обняла Катю и тут же оттолкнула ее. — Катюш, да от тебя табачищем несет! Ты что, курила на радостях?

— Это Саша курил…

Тося возмутилась:

— Все-таки дуры мы, бабы! И курят мужики, и самогон вонючий пьют, а мы их, барбосов, целуем. Попадись мне какой-нибудь, уж я его перевоспитаю!..

Стремясь расширить скудные свои познания в заповедных любовных делах, Тося вплотную придвинулась к Кате и спросила стыдливым шепотом:

— Он прямо так и сказал: «Люблю, жить без тебя не могу»?

Катя замялась:

— Ну да… В общем, признался…

— Признался? — удивилась вдруг Тося. — И до чего же глупое слово! Признаются в чем-нибудь паршивом, а тут…

Вера оторвалась от книги и с любопытством посмотрела на Тосю. С ней тоже иногда так бывало: знакомое, примелькавшееся слово вдруг как бы раскрывалось заново — и становилась видна вся его скрытая до времени нелепица или, наоборот, глубина и тонкость, о которых она и не подозревала раньше.

— Эх, люди-человеки! — накинулась Тося на непутевое человечество. — Тыщи лет на земле прожили, пирамиды строили и разной ерундой занимались, а для любви до сих пор не придумали точной термилоно…

Тося заблудилась в звуках длинного, непривычного для нее слова.

— До сих пор, — повторила она, пытаясь с разбегу преодолеть непослушное словище, — не сочинили для любви путной тер-ми-но-ло-ги-и… Вот!

— Выдумываешь ты все! — недовольно сказала Катя, снимая пальто. — Все так говорят: «признался». А как, по-твоему, про любовь говорить надо?

— А я почем знаю? — улизнула от ответа Тося.

— Вот объяснится мне какой-нибудь бедолага — и тогда в точности тебе растолкую.

Катя стряхнула соринку с пальто, распяла его на палке с крючком и бережно повесила на вешалку. Потом она достала из своей тумбочки большую чайную чашку, мешочек с вышитой птичкой, в котором держала сахар, и другой мешочек, уже без вышивки, предназначенный для сухарей. Тося во все глаза следила за ней, не понимая, как это Катя может так буднично вести себя и даже собирается пить чай в тот самый день, когда узнала, что ее любят.

Налив в чашку кипятку из чайника, Катя подошла к столу и придвинула к себе Анфисин стул.

— Не садись на ее стул! — суеверно сказала Тося.

— Ну ее! Возьми лучше мою табуретку… — Она склонилась над Катей, выпытывающе заглянула ей в глаза. — Ты что сейчас чувствуешь, Катистая? Вроде ты большая-большая, до звезд выросла, да?

— Да отстань ты! Какие там еще звезды? Не умею я про это. Ну, вроде жить интересней стало…

Разочарованная Тося отошла от Кати.

— А мне всегда жить интересно, сколько себя помню. Вот только перед получкой бывает скучновато… — Она вынула из кулька конфету,

поднесла ко рту и задумалась. — Девчонки, и почему я, как сюда приехала, все про любовь думаю? Раньше, бывало, разок в месяц вспомнишь, что есть на свете эта самая любовь, да и то после кино, куда до шестнадцати не пускают, а теперь прямо каждый день и без всякого-якого… Надо же: север тут у вас, медведи, а я — про любовь. С чего бы это, а?

— Возраст такой подошел, — сказала Катя.

— Возраст? — У Тоси был сейчас такой вид, точно она вдруг узнала, что незаметно для себя состарилась. — Значит, это у всех бывает? Как будильник натикает — так звонок?

— А ты думала, ты одна такая? — спросила Вера.

— Одна не одна, а все-таки…

Почему-то Тосе не хотелось, чтобы новое ее состояние — тревожное и заманчивое, — в котором она еще и сама толком не успела разобраться, объяснялось так просто. В будничности такого объяснения было что-то обидное, унижающее Тосю в собственных глазах. Будто она и не человек вовсе, а какая-нибудь бессловесная яблоня: календарь показал весну — и, хочешь не хочешь, расцветай!

Катя вытащила из-под койки чемодан в чехле

и вынула из него завернутый в розовую бумагу тюль — давно уже по случаю купленный для занавесок, без которых Катя и представить себе не могла семейной жизни.

— Продай нам с Ксан Ксанычем хоть на одну занавеску, — попросила Надя. — Хоть на коротенькую…

— Он мне и самой ведь понадобится, — неуступчиво ответила Катя, озабоченно рассматривая тюль на свет.

— Да ну вас! — оскорбленно сказала Тося. — Заладили: «тюль-мюль»… И это любовь называется! — Она подступила к Кате: — Отдай мою брошку… Да я когда полюблю, руками взмахну и полечу по воздуху!

— Полететь ты можешь, — согласилась Вера. — Завтра на уроке математики и полетишь! Неужели тебе перед Марьей Степановной не стыдно? Она старается, учит тебя, а ты все ловчишь, списываешь, на подсказке выезжаешь…

— А чего ж тут стыдиться? — искренне удивилась Тося. — Каждый из нас свое дело делает. И потом — Марь Степанна за это зарплату получает!

Вера бессильно развела руками.

— Ну, а самолюбие у тебя есть? — теряя послед-

нее терпенье, сказала она.

— А как же? — опешила Тося. — Не хуже других…

— Так что ж ты плевую задачку не осилишь? И вроде не глупая девчонка, а тут — на тебе…

— Это я-то не осилю? — уязвленно спросила Тося. — Эх, мама-Вера, как ты меня понимаешь!

Тося присела на кончик табуретки и стала напористо черкать в тетради. Катя аккуратно сложила свой тюль, упаковала его в розовую бумагу и вернулась к столу допивать чай.

— Что и требовалось доказать! — победоносно сказала Тося, захлопывая задачник.

Вера с сомнением посмотрела на нее.

— Решила?

— Решила!

— И с ответом сошлось?

— Сошлось…

— А ну покажи.

— Ты что, не веришь? — поразилась Тося. — А еще подругой называешься! Я вот тебе всегда верю…

— Ты покажи, покажи.

— Надоела ты мне со своими придирками! — зло выпалила Тося. — Все вы мне надоели! Эксплуататорши вы, а не подруги!

— Тоська-а! — предостерегающе сказала Надя.

— И ты туда же! Я и сама знаю, что я Тоська. Семнадцать лет и два месяца Тоська!.. Если старшего брата нету, так вы думаете, меня поедом есть можно? Вышла из детдома — думала, вздохну свободно, нет, опять оседлали! — Тося качнулась к Наде, спросила язвительно: — Ты-то куда лезешь? Ну, Верку я еще понимаю: ей скоро тридцать стукнет, мужик сбежал, не выдержал ее красоты, своей семьи нету, — вот она и приспособила меня вместо дочки, материнские чувства на мне примеряет… А ты чего?

Вера отвернулась к стене. Надя стремительно шагнула к Тосе и ударила ее по щеке.

— Девчонка! Дура! Чего мелешь?

Тося виновато заморгала, и вся бойкость слетела с нее.

— А что я такого сказала? Нельзя уж и рта открыть, совсем замордовали… — Она подошла к Вериной койке, поправила подвернувшийся уголок одеяла. — Ну вот, уже и разобиделась… Забудь, чего я тут ляпнула, это я так, мам-Вера, нечаянно. И задачку эту решу, чтоб ей сдохнуть! — Передразнила: — «Поезд отошел от станции»!.. А я, может, пароходом хочу плыть, зачем мне этот дурацкий поезд подсовывают?

Катя гулко прыснула в кружку.

— А если там речки нету?

— Канал можно прорыть, очень даже просто!.. Ну, Веруся?

— Иди, глупая, я на маленьких не сержусь.

— Спасибо, Верунька, ты самая-самая!..

Тося преданно поцеловала Веру в плечо, села за стол и распахнула злополучный задачник. Стиснув голову руками, ожесточенно забубнила:

— Поезд отошел от станции ровно в двенадцать часов… — Вскинула глаза над книжкой, прошептала с великим сожаленьем: — И не опоздал ни на минуту, дьявол!

ПЕРВЫЙ СНЕГ

За одну ночь неузнаваемо изменился поселок. Свежий снег щедро выстлал все улицы, утеплил крыши, навесил бахрому на телеграфные провода, празднично разукрасил толстую елку у конторы, опушил немощные прутики, огражденные штакетником, и сделал их похожими на деревья. Мягкий серебряный свет разлился вокруг. Старые бревенчатые дома под снежными шапками заметно помолодели и выглядели теперь сказочными теремами.

Солнце еще не выкатилось из-за леса, но уже протянуло в вышине лучи над поселком. Дружно дымили печные трубы. В безветренном воздухе дымы поднимались прямыми столбами. Со стороны смотреть — казалось, будто поселок подвешен к небу на толстых витых канатах, белых, с прожелтью снизу, в тени, и пестро-радужных повыше, в лучах солнца. Налетел ветерок — и враз заколыхались все цветные дымы-канаты. Поселок качнулся и поплыл, как на качелях.

Все живое оставляло на снегу свои следы. Робкая пунктирная тропка пролегла от общежития

к колодцу: это Надя, вставшая раньше всех в комнате, ходила за водой для умывальника. Ворона отпечатала на снегу аккуратные крестики, а собака — пятачки. Крестики и пятачки издали устремились друг к другу, сошлись под углом и разбежались ножницами.

Посреди улицы пролегли следы трактора, спозаранку ушедшего в лес, — две ленты примятого, спрессованного снега, разрезанные траками гусениц на длинные ровные кирпичи.

Заспанная Тося вышла из общежития и, пораженная праздничным видом поселка, замерла на крыльце, захмелевшими от снежного раздолья глазами глянула вокруг. Зачерпнув горсть снега, Тося скомкала скрипучий снежок и стала румянить им щеки. Снег был молодой, ватный и совсем не холодный.

— Эй, барбосик, зима пришла! — крикнула Тося и запустила в собаку снежком.

Собака остановилась, осуждающе посмотрела на Тосю, дивясь ее несолидности, и затрусила дальше по своим неотложным делам.

Тося припомнила, что ей надо получать продукты для кухни, и двинулась вслед за собакой, стараясь не затоптать узорные ее пятачки. Дворняга на бегу оглянулась на Тосю с таким видом,

будто хотела сказать: «И чего привязалась?» Легкой танцующей походкой Тося шествовала по поселку, обновленному зимой, и озиралась по сторонам, боясь пропустить что-нибудь интересное.

Мастер Чуркин широкой деревянной лопатой расчищал дорожку возле своего дома. Чуть в сторонке младший сынишка мастера Петька мыл снегом чернильницу-непроливайку. Яркие фиолетовые пятна расцветили снег далеко вокруг школьника.

У крыльца мужского общежития умывался снегом голый по пояс Сашка. При одном лишь взгляде на него у Тоси холодок пробежал по спине. Она порадовалась, что в одно время с ней на свете живут такие стойкие физкультурные люди, и зябко передернула плечами.

Первый снег выманил на улицу ребятишек. Они барахтались, визжали, падали «солдатиками». Тося с завистью покосилась на них и тут же отвернулась, чтобы не поддаться соблазну. И вот уже вспыхнул первый бой — и зазвенело первое в эту зиму оконное стекло, выбитое неточно пущенным снежком.

— Я вас! — крикнула толстая тетка, выбегая с веником из дому.

Ребятишки порхнули кто куда и сразу словно сквозь землю провалились. Тетка подозрительно уставилась на Тосю — и та на всякий случай напустила на себя деловой взрослый вид, чтобы не пришлось, чего доброго, отвечать за чужую проказу.

Из недр темной кладовой длинноногий комендант охапками выносил деревянные лопаты с присохшей прошлогодней грязью и сокрушенно качал головой, разглядывая расколотые половинки.

До самой столовой сопровождала Тося дворнягу, а тут пути их разошлись. Собака заняла свой пост у кухонной двери, где ей частенько перепадали подачки, и оттуда с видом существа, находящегося при деле, стала следить за Тосей, ожидая, что еще выкинет сегодня этот далеко не самый солидный представитель человеческого рода.

А Тося свернула к главному входу, увидела на крыльце Илью, и руки у нее зачесались. Она живо слепила увесистый снежок, хищно прищурилась и метнула его, целясь в нарядную пыжиковую шапку. Илья вскинул голову, и снежок угодил ему прямо в ухо. И радуясь своей меткости, и ужасаясь тому, что она натворила, Тося кинулась бежать со всех ног. Илья в три прыжка настиг ее и стал

щедрой пригоршней совать снег за шиворот.

— Пусти… Ой, Илюшка, пусти, не буду больше! — взмолилась Тося.

Сначала она честно пыталась вырваться из крепких рук Ильи, но силенки у нее не хватило. Тося притворно захныкала, потом проказливо затихла и украдкой придвинулась к Илье. Не то чтоб Тосю так уж тянуло к нему, что она никак не могла удержаться, — чего не было, того не было. Просто ей давно уже не терпелось узнать, что испытывают девчата, когда их обнимают, и так ли уж им на самом-то деле хорошо, как это показывают в кино. Правда, Илья и не думал обнимать Тосю, а лишь прочно держал ее за шиворот, чтобы она не убежала, но эта мелочь казалась Тосе несущественной. А когда она вдобавок боязливо прислонилась к Илье, то все выглядело так, будто обнимают ее по-настоящему: Тося недаром ходила в вечернюю школу и прочно усвоила, что от перестановки слагаемых сумма не меняется.

Была и другая причина лихого Тосиного эксперимента, совсем уж уважительная. Еще работая в совхозе, Тося открыла, что она никак не подготовлена к некоторым неизбежным событиям в своей жизни, например, к тому неминучему часу, когда ее наконец-то полюбят. И полюбит не какой-ни-

будь забулдыга вроде Фили, а совсем другой, не очень понятный еще Тосе человек, который и ей тоже понравится. И хотя по молодости лет Тосю еще никто и никогда не любил, она была почему-то убеждена, что заманчивое время это не за горами, а уже спустилось с этих самых гор и на всех парах катит к ней. Кое-что любопытная Тося выведала из кинокартин, особенно из тех, на которые не пускают несчастных мальчишек и девчонок моложе шестнадцати лет. Но в кино Тосю поджидало и сильнейшее огорчение. Своими зоркими глазами она заприметила, что все героини, даже самые молодые и неискушенные, всегда откуда-то знают, что и как им делать, когда к ним приходит красивая кинолюбовь.

В заграничных фильмах иноземные девчата храбро кидались на шею своим избранникам, прятали у них на груди свои зарубежные головы с нерусскими прическами и, потеряв всякий стыд, целовались, целовались, целовались… Все это, на зависть Тосе, они проделывали так умело, будто загодя окончили какие-то курсы, где их всему этому обучили. В наших кинокартинах Тосины соотечественницы творили такие дела малость поскромней, но тоже сразу было видно, что они не лыком шиты и распрекрасно знают, почем сотня

гребешков. За их плечами угадывались все те же полезные курсы, хотя и не такие капитальные, как у их товарок за рубежом, — в общем, что-то краткосрочное, без отрыва от производства.

И даже у Кати с Сашкой, судя по всему, дело тоже шло не хуже, чем в кино. Эта всеобщая чужая умелость повергала Тосю прямо-таки в смятение. На себя она не надеялась и боялась, что вот так сразу, с бухты-барахты, без предварительной подготовки, ей ни за что не справиться с нелегкой задачей, которая маячила перед ней. И дальновидная Тося дала себе слово как-нибудь ненароком потренироваться при удобном случае, чтобы во всеоружии встретить грядущую свою любовь и не опозориться, когда придет ее черед прятать голову на чужой груди, обнимать чью-то шею и, может быть, даже целоваться.

Тося знала свое место и на любовь Ильи не питала никаких надежд, ну, а для такой вот тренировки Илья вполне годился — куда уж лучше. Да и случай сейчас представился вполне безопасный, просто грех было его пропустить.

Ну, а кроме всего этого, была и еще одна причина — не причина, а так, не последняя зацепка. Где-то в дальнем закоулке Тосиной души шевельнулось вдруг мстительное чувство к Илье: «Вот

ты на меня вниманья не обращаешь, даже имени моего не можешь запомнить и называешь меня Дусей, а я обведу тебя вокруг пальца и потренируюсь на тебе, непутевом!..»

Делая вид, что борется с Ильей, Тося зажмурилась от страха, приподнялась на цыпочки, ткнулась головой ему под мышку и затихла в предчувствии больших и важных открытий.

От ватника Ильи душно пахло бензином и чуть слышно смолой. Привычные будничные запахи эти мешали Тосе сосредоточиться и понять, испытывает она сейчас что-нибудь новое, женское, или долгожданная взрослая благодать и на этот раз обошла ее стороной.

Илья перестал потчевать Тосю снегом и спросил насмешливо:

— Слышь, повариха, ты там не заснула? Застигнутая врасплох, Тося живо отпрянула от Ильи, так и не разобравшись толком, хорошо ей было у него под мышкой или всего лишь так себе. А вот снег у нее за шиворотом начал таять, и тут уж никак не могло быть двух мнений — хорошо это или плохо.

— Пусти, тебе говорят! — сердито сказала Тося. Илья, конечно же, не догадался о тайных Тосиных планах, но несмелую ее экскурсию к нему под

мышку он заметил и несказанно удивился:

— Тось! Да ты никак втюрилась в меня?

Вот тебе и потренировалась! Кляня себя за дурацкое любопытство, которое завело ее слишком далеко, Тося энергично замотала головой, изо всех сил стремясь разуверить Илью, заставить его в самом зародыше отказаться от всех своих нелепых догадок. Тося видела, что он не очень-то верит ей, и разозлилась на Илью так, как еще ни на кого в жизни не злилась.

— Да пусти ты, чего прицепился! — выпалила она с ненавистью, скинула с плеча тяжелую руку Ильи и пошла прочь — маленькая и прямая, как оловянный солдатик.

Тося шагала по-взрослому неторопливо, с трудом удерживаясь, чтобы не пуститься по-девчоночьи наутек. Мельком она заметила давешнюю дворнягу: та грызла честно заработанную кость и не интересовалась уже больше Тосиными делами. Спиной Тося чувствовала на себе взгляд Ильи и неприступно тянула острый свой подбородок все выше и выше. А что ей еще оставалось делать, когда она так глупо опозорилась? Ведь Илья теперь невесть что будет про нее думать. И черт ее угораздил!..

Смятение чувств сковало левую Тосину руку,

зато правой она размахивала — сильней некуда.

А Илья во все глаза смотрел вслед Тосе, удивленный ее выходкой. Он слишком привык считать Тосю зеленой девчонкой-малолеткой, у которой еще ветер гуляет в голове, чтобы вот так сразу переменить свое мнение о ней. И хотя Илья и теперь, после того как поймал Тосю на месте преступления, не очень-то верил в силу ее любви к нему и склонен был видеть в этой скоропалительной любви минутную девчоночью блажь, да и не нужна была ему вовсе неспелая Тосина любовь, — но все ж таки, что там ни говори, по общей человеческой слабости Илью тешила мысль, что из всех парней поселка смешная девчушка Тося выбрала именно его…

И в конторе по-своему отмечали первый снег. За одну ночь лесопункт перешагнул из осеннего сезона лесозаготовок в зимний, и, как это всегда почему-то бывает, зима застала врасплох, не хватило двух-трех дней, чтобы как следует подготовиться к ней. Для начальника лесопункта Игната Васильевича первый снег был отнюдь не красивым и поэтичным явлением природы, которым приятно любоваться, а стихийным бедствием, сразу отяжелившим и без того нелегкую и хлопотную его работу.

Игнат Васильевич спозаранку «сидел на телефоне», силясь втолковать начальству из леспромхоза, почему ночная смена вывезла мало древесины. Через распахнутую форточку по всей улице транслировались безнадежные переговоры Игната Васильевича с далеким и суровым начальством:

— …Заносы, понятно? Потому и вывозка упала… Всю дорогу завалило, вы в окно гляньте, закопались в своих бумажках!.. Что ж снегоочиститель? Снегоочиститель в ремонте… Русским языком говорено: заносы… Да пошел ты!.. «Первый снег!»

ПЫЖИК ПРОТИВ КУБАНКИ

И снова в клубе гремела радиола, и Тося снова скучала. Посреди зала толклось в танце несколько пар с таким унылым видом, будто они не веселились, а делали постылую, давно уже надоевшую до чертиков работу. Только на Кате с Сашкой и отдыхали глаза. Любовь творила чудеса с косолапым Сашкой: он так сильно пообтесался за это время, что наступал теперь Кате на ноги не чаще трех раз за целый танец.

Культурная надстройка все еще отставала в поселке от материальной базы, и в клубе мало что изменилось с тех пор, как Тося повздорила с подвыпившим Филей. И сегодня так же томились у стенки девчата, которых никто не приглашал танцевать, гоготала Филина ватага, стучали костяшками домино отчаянные любители «козла», все еще не потеряв надежду проломить толстую крышку стола, и рыхлая девица с серьгами дежурила у радиолы и меняла пластинки. Бег времени можно было распознать лишь по тому, что рядом с иконописным портретом Ильи на стене обосновался портрет Веры, более удавшийся местному

художнику, да еще в углу, у входа в зал, раза в два выросла гора верхней одежды, с точностью календаря отмечая приход зимы в поселок.

Филя покинул свою ватагу и, попыхивая папиросой, прошелся по залу.

— Где же твои кавалеры, Кислицына? — с напускным сочувствием спросил он у Тоси, делая вид, что давно уже позабыл об их стычке.

— Ходи мимо! — неподкупно отозвалась Тося.

Филя пыхнул ей в лицо папиросным дымом и демонстративно пригласил танцевать девицу с серьгами, чтобы Тося почувствовала, как много она потеряла, поссорившись с ним.

Где ее кавалеры?.. Тося украдкой глянула в дальний угол зала, где за шахматным столиком сидел Илья, надвинув пыжиковую шапку на левое ухо — то самое, припомнила Тося, в которое она когда-то угодила снежком. Сегодня Илья почему-то не танцевал и даже не снял пальто, будто забежал в клуб всего на одну минуту.

После злополучной своей «тренировки» в день первого снегопада Тося боялась, что теперь ей житья не станет в поселке. Она была уверена, что Илья, по обычаю всех красивых парней, тут же растрезвонит на весь поселок о новой своей победе и Филя-пройдоха, конечно же, сразу

обеими руками вцепится в такой выигрышный случай, чтобы свести с ней наконец-то счеты. Но день шел за днем, Филя на каждом шагу — и в лесу, и в вечерней школе — старался всячески напакостить Тосе, даже раздобыл где-то сонную лягушку и подкинул ее в Тосину парту, а про самую главную ее промашку почему-то не заикался. И Тося поняла, что Илья так ничего и не рассказал закадычному своему дружку.

Признаться, Тося никак не ожидала от Ильи такого благородства. Ей даже стыдно стало, как всегда бывало с ней, когда люди на поверку оказывались лучше, чем она о них сгоряча думала. Тося собиралась как-нибудь при случае отблагодарить Илью, но время двигалось своим чередом: миновали Октябрьские праздники; заматерела зима; тяжелые тракторы без опаски перебирались уже по льду через реку; недостроенный дом, в котором Наде с Ксан Ксанычем обещали дать комнату, завалило снегом и сровняло с соседними сугробами; поговаривали, что однажды ночью, когда Тося безмятежно спала на своей жесткой койке, над поселком играло уже северное сияние; приближался Новый год — а подходящий случай отплатить Илье добром за его добро все как-то не подворачивался Тосе.

Вот если б Илья плюнул сейчас на свои паршивые шахматы, скинул пальто и пригласил ее танцевать, она сумела бы его отблагодарить. На миг Тося представила себя танцующей с Ильей: все смотрят на них, девчата лопаются от зависти, а они несутся по залу, обдавая всех теплым ветром… Ей почему-то казалось, что она с Ильей быстро станцевалась бы и все у них вышло бы расчудесно, — если и не так красиво, как у Ильи с Анфисой, то уж во всяком случае гораздо лучше, чем у Кати с Сашкой.

«Ну что ему стоит пригласить? — думала Тося, поглядывая на Илью. — Я бы на его месте обязательно пригласила! Неужели интересней гонять по клеткам эти глупые деревяшки, чем танцевать со мной?»

Если б Тося твердо была уверена, что Илья правильно ее поймет, она и сама подошла бы к нему и первая пригласила его. Но такой уверенности у Тоси не было, она боялась, что Илья, чего доброго, решит, будто она вешается ему на шею, — и смирно стояла, караулила портреты Ильи и Веры и делала вид, что ей совсем не хочется танцевать.

Филя бросил девицу с серьгами посреди зала и, бесцельно слоняясь, подошел к столику, за которым Илья с комендантом играли в шахматы.

Видно было, что Илья томится от скуки; ему даже лень было прикурить давно погасшую папиросу.

— Богатая у тебя шапка! — не впервой позавидовал Филя. На правах старого друга он снял с Ильи пыжиковую шапку, примерил, нехотя расстался с нею и водрузил Илье на голову, даже на левое ухо надвинул, чтобы не было никакого урона хозяину. — Продай, а то сменяем на мою кубанку? Придачи я не пожалею!

Илья отмахнулся от Фили, рывком схватил своего ферзя и застыл с ним над доской.

— Что ж не танцуешь? — поинтересовался Филя.

— С кем? — Илья зевнул. — Анфиса на дежурстве, а тут…

Он презрительно ткнул ферзем в сторону девчат, Филя глянул на Тосю, и в глазах его зажегся мстительный огонек.

— Не скажи! — неожиданно заступился он за поселковых девчат. — А с Тоськой-поварихой ты пробовал?

Илья поморщился:

— Да это ж детсад!

— Как посмотреть… Она в Воронежской области призы по танцам брала! — вдохновенно соврал Филя, набивая Тосе цену.

— Да ну? — удивился Илья.

— Вот тебе и ну! Сам грамоту видел. — Филя подзадорил приятеля: — Только, сдается мне, не пойдет она с тобой танцевать…

Илья припомнил, как копошилась Тося у него под мышкой в день первого снегопада, и снисходительно усмехнулся, великодушно прощая Филе его неведенье.

— Такая норовистая! — восхищался Филя, чтобы натравить Илью на Тосю. — Заметил, ни с кем в поселке она не танцует: «Нету, говорит, у вас тут настоящих танцоров! Мало, говорит, каши ели!»

Илья недоверчиво покрутил головой, но сонное выражение сбежало уже с его лица.

— Потом доиграем, товарищ начальник! — повеселевшим голосом сказал он коменданту, смешал на доске фигуры и поднялся.

Филя покосился на Тосю, все еще стоящую на прежнем месте и не подозревающую, какие тучи собираются над ее головой.. А Илья прикурил у Фили погасшую папиросу, громко, на весь зал, окликнул Тосю:

— Эй, повариха! — и согнутым в крючок пальцем поманил ее, будто поймал на удочку и подтаскивал к себе.

Тося послушно качнулась к Илье и тут же

отпрянула. Так вот оно что… Липовое у него благородство! Все дело в том, что она со своим неудачным ростом и неказистой внешностью просто не существовала для Ильи, была для него пустым местом. Он потому и Филе ничего не сказал, что сразу же и думать о ней позабыл. А она-то, дуреха, по доброте душевной приписала ему благородство, которого у него и отродясь никогда не было.

Илья недовольно глянул на замешкавшуюся Тосю и требовательно покрутил пальцем в воздухе, показывая недогадливой поварихе, что приглашает ее танцевать. А смотрел он, даже сейчас, приглашая, мимо Тоси, будто и не было ее в клубе. По всему видать, он ничуть не сомневался, что осчастливленная его вниманием Тося сразу же подбежит к нему покорной собачонкой. Тося задохнулась от обиды и почувствовала: если заговорит сейчас с подлым человеком, так непременно станет заикаться.

«Ну погоди, ирод! — мстительно подумала она. — Я тебе покажу, как живых людей не замечать. В рыбку вытянусь, а покажу!»

Девица с серьгами толкнула Тосю в бок:

— Иди, сам Илюха приглашает!

Тося отмахнулась от непрошеной советчицы,

неумело согнула палец крючком, старательно нацелилась на Илью и поманила его к себе. Илья поправил на голове знаменитую свою пыжиковую шапку и не спеша двинулся через весь зал к Тосе.

— А ты смелая! — одобрительно сказал Илья, не принимая Тосино сопротивление всерьез и с благожелательным любопытством разглядывая занятную девчонку, которая не побоялась передразнить его.

Илья остановился шагах в пяти от Тоси и снова, настойчивей прежнего, поманил ее пальцем и покрутил на этот раз уже кулаком. И тогда Тося самолюбиво вскинула голову, с решимостью отчаяния шагнула навстречу Илье и тоже поманила его пальцем и покрутила кулаком. Илья со снисходительным удивлением посмотрел на Тосю, не в силах понять, зачем она противится ему: ведь все равно будет так, как он захочет.

— Да ты в своем уме?! — выпалила девица с серьгами, выслуживаясь перед Ильей. — Иди-иди, чего там! И не таких у нас обламывали…

Заподозрив неладное, отзывчивый Сашка порывался прийти Тосе на помощь, но Катя повисла у него на руке и не пускала. Все танцующие сбились в кучу и замерли на месте, наблюдая

за молчаливым поединком. Как-то сам собой поутих в зале шум, и стала слышна музыка. Лишь оглохшие от стука игроки в домино ничего не замечали вокруг и самозабвенно доламывали в своем углу крышку стола.

Илья вплотную подошел к Тосе и положил руку ей на плечо, собираясь силой заставить упрямую девчонку танцевать. Тося напружинилась, скинула его тяжелую руку и язвительно спросила:

— Т-ты всегда с папиросой т-танцуешь?

Замолкли в углу громобойные игроки в «козла», лишь беспечно гремела-заливалась на весь клуб радиола.

Неожиданно для всех Илья усмехнулся, покладисто притушил папиросу о подошву сапога, отшвырнул окурок и наклонился к Тосе. Она остановила его движеньем руки:

— С-скинь шубу, нечего тут пыль разводить.

Катя прыснула, чувствуя себя рядом с силачом Сашкой в полной безопасности, робко заулыбались и другие девчата. Парни угрюмо молчали — из мужской солидарности.

Теряя последнее свое терпенье, Илья снял пальто и кинул его Филе. И тут же, перевыполняя Тосины требованья, он швырнул вдогонку пыжиковую шапку, до самого верху поднял на лыжной

куртке застежку-«молнию», причесался пятерней и, уверенный, — что теперь уж Тосе придраться не к чему, приглашающе протянул ей руку.

— Так вот! — торжественно объявила Тося, оглядывая сбежавшихся со всего зала лесорубов. — С такими… — она приподнялась на цыпочки и помахала пальцем-крючком перед носом Ильи, — я не танцую, понятно?

Катя снова одобрительно фыркнула, а вслед за ней засмеялись и другие девчата, радуясь, что Тося и за них отомстила. Парни тревожно переглянулись, опасаясь, как бы Илья не нанес урона всему мужскому племени. Филя, не ожидавший такого поворота событий, озадаченно крутил головой и машинально пощипывал заманчивый мех Илюхиной шапки. А тут еще девица с серьгами захохотала вдруг громче всех, наверстывая все упущенное за прошлые годы и сама себе не веря, что она такая смелая.

Не спуская с Тоси взгляда, словно хотел получше ее запомнить, Илья лениво выкинул руку в сторону девицы с серьгами, приглашая ее танцевать. Та разом испуганно притихла, с привычной покорностью шагнула было к Илье, но покосилась на Тосю-победительницу и вдруг неожиданно для всех бочком-бочком придвину-

лась к ней, глыбой нависла над маленькой Тосей, становясь под надежную ее защиту.

И тут же все разом громко захохотали девчата, и парни присоединились к ним, отмежевываясь от незадачливого Ильи. Даже хулиганы из Филиной ватаги, боясь противопоставить себя всем и остаться в жалком одиночестве, криво заулыбались и захихикали, предавая Илью. Из всех закоулков в клубе спешили любопытные, привлеченные всеобщим весельем.

Илья свирепо глянул на Тосю. От недавней его снисходительной доброжелательности и следа не осталось.

— Ладно, сквитаемся! — пригрозил он и ринулся к выходу, раздвигая толпу руками.

Тося на правах кавалера схватила девицу с серьгами и закружилась с ней в танце. Та покорно топталась и все переводила ошарашенные глаза с невзрачной Тоси на широко шагающего Илью, бесславно покидающего поле боя.

— Молодец, Тоська! — похвалила Катя, начисто позабыв уже о том, что всего три минуты назад не пускала Сашку ей на подмогу. — Если б все так, а то больно дешево у нас девчата ценить себя стали… Правда, Сашок?

Сашка переступил с ноги на ногу, подумал-по-

думал и согласился:

— Угу…

Филя догнал Илью у двери, надел ему шапку на голову и накинул на плечи пальто.

— Глянь, и тебя подковала! — посочувствовал он дружку и подивился: — И откуда что берется?

— Да ну ее! — отмахнулся Илья. — Цену себе набивает!

— Может, и цену, а только попадаются такие ершистые девчонки… И красоты особой нету, а не подступишься. Вот у нас в колхозе был случай…

— Ершистые, пушистые! — перебил Илья, напяливая пальто. — Все они на один фасон: свистну — и побегут за мной!

— Что ж ты Тоське не свистел? — резонно спросил Филя.

— Связываться неохота… — буркнул Илья. — Пойдем выпьем, надоели мне эти танцы.

Они вышли из зала. Пропуская Илью в вестибюль, Филя покосился на его пыжиковую шапку, сказал с подначкой:

— А все-таки не обломать тебе воронежскую!

Илья резко повернулся к нему:

— А вот увидишь… Спорим!

Не смея верить своей удаче, Филя нерешительно поднял глаза на заманчивую шапку Ильи.

— Идет! — догадался Илья. — Мой пыжик против твоей кубанки!

— И на Камчатку ее приведешь?

— Сама прибежит! — заверил Илья.

Филя довольно ухмыльнулся и с напускным видом «где наша не пропадала» шлепнул Илью по руке. В клуб вошла Анфиса.

— Разруби, Анфиска, — попросил Филя, — рука у тебя легкая!

Анфиса равнодушно пожала плечами и, ни о чем не спрашивая, разбила сцепленные руки приятелей.

— А срок? — спохватился вдруг Филя.

— Договоримся, — пообещал Илья. — Тянуть я не собираюсь.

Прежде чем уйти из клуба, Илья еще раз заглянул в зал, точно убедиться хотел, что все случившееся не приснилось ему. Тося стояла на обычном своем месте под его портретом, а вокруг толпились самые шикарные поселковые кавалеры, наперебой приглашая ее. И, счастливая и смущенная, Тося озиралась по сторонам, не зная, кого ей выбрать, чтобы никто не обиделся.

Илья презрительно усмехнулся и зашагал к выходу. Филя поспешил за ним. Вслед им весело гремела радиола:

На скамейке, где сидишь ты,
Нет свободных мест...

ИЛЬЯ НАЧИНАЕТ ШТУРМ. ТОСЮ ПРЕДУПРЕЖДАЮТ

Тося кулинарила в лесу под кое-как утепленным на зиму кухонным навесом. По привычке человека, работающего в одиночестве, она напевала тоненьким голоском, совсем не вдумываясь в слова песни:

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село…

Она давно уже освоилась на новом месте, привыкла к тому, что все, кроме Фили, хвалят ее обеды, и даже как бы устала немного от кулинарных своих успехов. Двигалась Тося споро и неторопливо, в ней появилось что-то сродни мастерущему Ксану Ксанычу. И вместе с тем Тося все еще оставалась несерьезной девчонкой-малолеткой, и в работе ее нет-нет да и проскальзывало кое-что от девчоночьей игры в кулинарию, будто обед она готовила не для здоровенных, проголодавшихся на тяжелой работе лесорубов, а для кукол или котят.

Из лесу вышел Илья, положил на пенек свою

чудо-пилу и по узкой тропке, протоптанной в глубоком снегу, не спеша направился к кухне. Тося повернулась к нему спиной, на всякий случай перевесила поближе к себе самый тяжелый черпак и запела громче прежнего:

Горе горькое по свету шлялося

И на нас невзначай набрело!

Чтобы Тося не думала, что он так уж рвется к ней замаливать вчерашние свои грехи, Илья остановился у костра, не спеша прикурил от перламутровой, подернутой пеплом головешки, поглазел на стеклянное зимнее солнце и лишь потом подошел к Тосиной избушке.

— Плесни-ка газировки из ручья, — попросил он обычным своим чуть-чуть небрежным голосом, каким всегда разговаривал с девчатами.

Тося покосилась на ведро, подернутое льдом. Против воли она пожалела вздорного человека и, недовольная собой, буркнула, глядя Илье в плечо:

— У меня отварная есть…

— Не употребляю, — с сожаленьем сказал Илья.

Не упуская из виду спасительного черпака, Тося сняла с гвоздя кружку, ополоснула ее кипятком и

стала вытирать самым чистым на кухне полотенцем, чтобы Илья видел: личные их отношения — это одно, а сейчас она находится на работе и по долгу службы обязана прежде всего заботиться о гигиене. Илья с интересом наблюдал, как Тося готовит для него посудину. А Тося испугалась вдруг, что он может неверно истолковать ее старание, и пояснила:

— Чтоб микроба не заглотил…

Илья презрительно махнул рукой:

— Такой мелочи я не боюсь!

Тося прикинула, нет ли здесь скрытого намека на ее неудачный рост, — но попробуй разберись, когда имеешь дело с таким человеком, как Илья. Дном кружки она проломила ледок в ведре, зачерпнула густой студеной воды. Держа кружку на весу, Илья спросил с неумелой заботой:

— Ну как, не тяжело тебе у нас? — и на полшага придвинулся к Тосе.

Заподозрив неладное, Тося схватилась за черпак и сразу же почувствовала себя в безопасности, как испытанный рубака-кавалерист, дотянувшийся до своей боевой шашки.

Илья заметил Тосину мобилизацию и пошел напролом:

— А здорово мы тебя вчера разыграли!

— Как разыграли?! — опешила Тося, и черпак в ее руке сам собой опустился…

— Ну да! А ты думала, я всерьез приглашал тебя таким макаром? — Илья по-вчерашнему согнул палец крючком.

Тося растерянно заморгала: снова все рушилось, и ничего нельзя было понять. И что он за человек?.. Она с невольным страхом посмотрела на Илью, не вынесла взгляда его правдивых и безмятежных глаз и первая отвернулась, решительно не зная, как же теперь быть. Ей и поверить Илье хотелось, и полной веры все-таки не было. А с другой стороны, зачем ему обманывать и притворяться? Или замазать хочет вчерашнюю свою грубость? И опять же: зачем ему замазывать, если она для него — пустое место?.. Вот человек: сам запутался и других путает!

Тяжелый черпак оттягивал руку и мешал сосредоточиться. Тося повесила на гвоздь бесполезное оружие и мельком увидела, что работяга мороз снова начал плести в ведре паутину.

— Зачем же ты?..

Она согнула палец крючком, напоминая о вчерашнем.

— А у нас такой порядок, — сказал Илья самым честным своим голосом. — Всех новеньких ис-

пытываем: кто чего стоит, понимаешь? Вчера вот твоя очередь подошла… Припозднились мы с тобой, ты уж нас извини…

Она же еще должна и прощать!

— Ну и сколько же я стою? — с проснувшимся вдруг любопытством спросила Тося.

— Подороже других будешь! — заверил Илья и хотел было клятвенно приложить правую руку к сердцу, но кружка с водой помешала ему. — Из девчат мало кто испытание выдерживает, а ты вот выдержала!

Тося против воли польщенно улыбнулась, но тут же посерьезнела, погрозила Илье все еще согнутым пальцем и не в ладу со смыслом своих слов сказала подобревшим голосом:

— Так я тебе и поверила!

— Дело хозяйское… — тоном непонятого и незаслуженно обиженного человека проговорил Илья и поднес кружку ко рту.

— Ты еще скажешь, и Фильке обеды мои нравятся?

— Еще как нравятся: на два кило потолстел!

— А что ж он болтал: «Бывают хуже щи, да редко»?

Илья одобрительно усмехнулся:

— Запомнила?

— Я критику всегда запоминаю, даже глупую, — с достоинством сказала Тося.

— Так все сознательные люди делают… — припомнил Илья. — Слышь, Тось, ты все старое из головы — фью! — Он широко взмахнул свободной рукой, показывая Тосе, как должна она выбросить из головы все прежние свои обиды. — Раз ты такая боевая, значит, теперь у нас все по-новому пойдет. Если кто тебя обидит, ты только шепни мне, я ему сразу мозги вправлю! Договорились?

Тося призадумалась, не пожаловаться ли ей сейчас же на Филю, но природная ее нелюбовь к ябедничеству тяжким грузом повисла на языке и не давала ей слова сказать. Она и не заметила, как машинально кивнула головой в ответ на последний вопрос Ильи.

Тот облегченно вздохнул и, не давая Тосе опомниться, крепко стиснул острый ее локоток, закрепляя первую свою победу. Потом Илья мужественно осушил до дна кружку студеной воды, перевел дух и захрустел на закуску льдинкой. Тося стояла, бессильно уронив руки, и ей самой казалось, что ее здесь нету.

— Хороша газировка! — похвалил Илья напоследок, дружески подмигнул оглушенной Тосе, прося не забывать их уговора, и зашагал на де-

лянку с видом человека, выполнившего свой долг и довольного собой и жизнью.

Тося смотрела ему в спину — пока лес не поглотил его. Только тогда она очнулась и первым делом, по женской своей природе, кинулась к ведру, разогнала морозную паутину, глянула в воду, как в зеркало, и убрала под шапку-ушанку выбившуюся прядь волос.

И тут к навесу подкралась вездесущая Катя.

— Ты не очень-то!.. — предупредила она прихорашивающуюся подружку. — На твоем месте я Илюху за семь верст обходила бы!

— А что? — забеспокоилась Тося.

— В глаза заскочит — не вытащишь. С Анфисой он крутит почем зря и вообще… порхает!

— Чего-чего? — не поняла малолетка Тося и заинтересованно придвинулась к старшей подруге.

— Бабник, вот чего!

— Ба-абник? — удивилась Тося. — А так вроде незаметно…

— Заметно станет — тогда уж поздно будет!.. В кино еще не приглашал?

Тося замотала головой.

— Ну так жди, тактика у него известная… Дура будешь, если поддашься!

— Сама ты дура! — выпалила Тося, злясь на Катю за непрошеное ее вмешательство. У нее еще ныл локоть, сдавленный железными пальцами Ильи, а приходилось снова все переоценивать. Вот чехарда… — Ходят тут всякие!

— Ты слушай, что тебе старшие говорят! — рассердилась Катя.

…Илья уговорил Сашку и еще двух парней помочь Тосе, и к обеду они заявились на кухню с большущими охапками сухих смолистых дров. Девчата за столом осуждающе зашушукались: в поселке не принято было помогать поварам — даже таким мастерущим, как Тося. Парни подошли к печке и по сигналу Ильи свалили дрова, закрыв ими Тосю до самого подбородка.

— Сколько много-о!.. — по-детски восторженно протянула Тося. — Вот спасибо, ребятки!

— Пустяки! — небрежно сказал Илья.

Тося припомнила вдруг, как осенью, когда она только что приехала в поселок и всего тут боялась, Илья первый оценил по достоинству ее кулинарию, а потом уж и другие лесорубы спохватились и стали ее нахваливать. Старая, поразвеянная временем признательность снова ужом вползла в Тосино сердце.

Скорая на расправу, Тося плеснула Кате жид-

ких щей: пусть не наговаривает на достойного человека. А Сашку и других добровольных помощников она не обидела.

Последним к ней подошел Илья. Тося долго и старательно мешала черпаком в котле, боясь взглянуть на Илью, чтобы снова в нем не разочароваться. Илья терпеливо и покорно стоял возле печки с пустой миской в руке. За столом засмеялись девчата. Тося рывком вскинула голову, с опасливым любопытством заглянула в веселые и ясные глаза Ильи.

— Между прочим, кино сегодня в клубе... — вкрадчиво сказал он.

Тося бухнула черпак в его миску и, вся подобравшись, готовая осрамить Илью со всей его испытанной тактикой бабника, настороженно спросила:

— Ну и что?

Илья внимательно посмотрел на Тосю, так крепко вцепившуюся в рукоятку черпака, что даже ногти у нее побелели. Он и сам не мог бы толком объяснить, откуда пришло к нему смутное ощущение опасности, угрожающей ему сейчас. Было такое чувство, будто по хлипкой жердочке он перебирается через поток, бушующий глубоко внизу: один неверный шаг — и поминай как

звали… Илья раздумал вдруг приглашать Тосю в кино.

— А ничего… Говорят, цветная картина будет, — уклончиво ответил он и отошел от котла.

Тося хлопотала на кухне, украдкой наблюдая за непонятным Ильей. Лесорубы привычно потеснились за столом — и он сел. Вид у него, как у всякого обедающего человека, был мирный и вполне благонадежный. Илья придвинул к себе плетенку с хлебом, но горбушки уже не отыскал. «Расхватали, пока он дрова для меня колол…» — покаянно подумала Тося и прислонилась к свежей поленнице. Она как-то разом вдруг устала от всей этой путаницы и неразберихи.

А Илья с аппетитом хлебал хваленые Тосины щи, ничем решительно не выдавая, что он — презренный бабник и опасный для Тоси человек. Вот он доверительно склонился к уху Ксан Ксаныча и сказал — не тихо, не громко, как раз, чтобы Тося услышала:

— Отродясь я таких щей не едал!

— Наша Тося — всем поварам повар, — охотно согласился добрый Ксан Ксаныч.

— Да-а!.. — ехидно протянул Филя, зачем-то снял с головы кубанку и помахал перед лицом.

В его кривлянии Тосе почудился какой-то

обидный намек, но у нее не было уже ни сил, ни желания разбираться во всем этом. Совсем сбитая с толку, она жалобно шмыгнула носом, громыхнула черпаком в котле и промямлила:

— Добавки кому? Навались…

ТЕНИ НА ПОЛУ

Поздним вечером Анфиса дежурила на коммутаторе. Коротая время, она, позевывая, просматривала старую газету — последнюю страницу, где печатают объявления о разводе. По-ночному громко и раскатисто зазвонил телефон. Анфиса нехотя взяла трубку.

— Слушаю, — сказала она сухим, служебным голосом. — Успеется, весь лес все равно не вырубите. — Зажав трубку между щекой и плечом, Анфиса раскрыла тетрадь для телефонограмм, привычно огрызнулась: — От лодыря слышу... Ну что там у вас стряслось?

Она записала телефонограмму, достала из ящика стола продолговатый осколок зеркала, очертанием смахивающий на Африку. Когда Анфиса два года назад пришла работать на коммутатор, осколок этот был уже здесь, и никто не помнил, откуда он взялся. Осколок прижился на коммутаторе чуть ли не с довоенного времени и с тех пор верой и правдой служил всем телефонисткам. Иногда от нечего делать Анфиса гадала: кто принес это зеркальце на коммутатор? Ей

почему-то казалось, что первая хозяйка осколка была чем-то похожа на нее — может быть, нескладной своей судьбой. Интересно, где она сейчас, что поделывает…

Анфиса взбила прическу, потуже натянула свитер на груди. Взялась было снова за газету и тут же ее отшвырнула. Ей давно уже все это надоело: и работа на коммутаторе, и объявления о чужом позоре в газете, и частое разглядыванье себя в зеркале, и даже собственная, всеми признаваемая красота.

Воровато скрипнула дверь, и на пороге показался Илья — в праздничном своем кожаном пальто, пыжиковой шапке, с толстой папиросой в зубах.

— Явился, ненаглядный? — с усмешкой спросила Анфиса. — А я уж думала, совсем ты меня… разлюбил!

С таким видом, будто он пришел на работу, Илья молча снял кожанку, привычно повесил ее на гвоздь у двери, вынул из кармана коробку пастилы и положил на стол перед Анфисой. Она лениво потянулась и задернула на окне куцую занавеску. Не теряя даром времени, Илья шагнул к Анфисе. Одной рукой он обнял ее, а другую, с дымящейся папиросой, держал на отлете.

Свет от яркой, по-конторски неуютной лам-

почки отбросил их тени на пол. Илья не впервой приходил на коммутатор к Анфисе, но только сегодня заметил, какие здесь резкие черные тени.

Дверь распахнулась под сильным ударом, и в комнату вошла Надя. Илья запоздало отшатнулся от Анфисы.

— Закрываться надо, — хмуро сказала Надя.

— А мы не прячемся! — с вызовом отозвалась Анфиса.

— Ты хоть передо мной-то не козыряй!

Надя выдвинула нижний ящик стола, взяла оттуда забытые ею носки, которые вязала она для Ксан Ксаныча на дежурстве, и вышла из комнаты, ни разу не взглянув на Илью, будто его здесь не было.

— Не бойся, — сказала Анфиса. — Она никому не скажет: не человек, а могила!

— Мне-то что? К мужику сплетня не липнет. Это вашей сестре опасаться надо!

— Вообще-то это правда, — согласилась Анфиса. — И тут вы нас обставили… Ну да ничего: на мне столько всего налипло — полтонны больше, полтонны меньше, теперь уж все равно!

Илья отодвинулся от Анфисы, спросил с застарелой досадой:

— И зачем ты на себя напраслину возводишь?

— А это я себе назло, — с вызовом ответила Анфиса. — Чтоб веселей жить было!

— Какое уж тут веселье?.. Вот и целуешь ты меня, а сама вся равнодушная, вроде номер какой отбываешь. Будто опротивело тебе все до чертиков.

— Ах, ах, какие мы стали требовательные! — попробовала отшутиться Анфиса.

— На людях весело с тобой, это точно. Все глазеют, завидуют... А останемся наедине — и все больше в молчанку играем. Почему так?

— Не знаю, — угрюмо ответила Анфиса. — И чего ты на ночь глядя в философию ударился?

Зазвонил телефон, приходя на выручку Анфисе. Она проворно взяла трубку, кивнула Илье на тетрадь для телефонограмм. С привычной сноровкой человека, понаторевшего в этом деле, Илья раскрыл тетрадь в нужном месте, обмакнул ручку в чернильницу и подал Анфисе.

Она застрочила в несвежей своей тетради, а Илья стоял рядом и через ее плечо читал телефонограмму. Со стороны смотреть — он был похож сейчас на придирчивого диспетчера, контролирующего работу подчиненной ему телефонистки. Илья с ненавистью покосился на телефон и отошел от стола.

Он шагал по комнате и от нечего делать следил за своей тенью. То вытягиваясь, то сплющиваясь, черная тень металась по полу, карабкалась на стену, застывала в причудливом изломе в углу печи. Как и полагается всякой тени, тень Ильи старательно повторяла все его движения, но у нее движения эти выглядели уродливыми и нелепыми. Казалось, тень жила своей отдельной, самостоятельной жизнью и лишь из озорства прикидывалась похожей на Илью, чтобы легче было его передразнивать.

Когда Анфиса повесила трубку, Илья признался:

— Знаешь, я сперва, как с тобой познакомился, думал: на такой, в случае чего, и жениться можно. А теперь…

— На таких, как я, Илюша, не женятся, — твердо, как о давно решенном деле, сказала Анфиса. — Время провести — еще куда ни шло, а для женитьбы другие есть, морально устойчивые… Давай, Илюша, кончать этот вечер вопросов и ответов! И чего ты ко мне в душу лезешь? Ведь я же тебя не спрашиваю…

Телефонный звонок не дал ей договорить.

— Вот черт, всегда он не вовремя! — подосадовал Илья и сердито схватил трубку. — Какой

там еще инженер Дементьев? Вас только и не хватало! — Он повернулся к Анфисе: — Слушай, чего ему надо?

— А ты спроси, — посмеиваясь, посоветовала Анфиса.

— Товарищ инженер Дементьев, спали бы и другим не мешали, время позднее... Да не кричи ты, пугливые у нас на лесопункте давно повывелись!.. Шумит чего-то, — сказал он Анфисе, передавая ей трубку.

Анфиса послушала, равнодушно переспросила: — Задерживаетесь в тресте? Ну и задерживайтесь себе на здоровье... От бездельника слышу! — Она повесила трубку, повернулась к Илье. — Ой, знаешь, это кто? Новый наш технорук, скоро заявится.

— Зря мы с ним этак, — пожалел Илья. — Как бы у тебя неприятностей не было.

— Выкручусь как-нибудь... — беззаботно ответила Анфиса и вдруг, припомнив что-то, насмешливо посмотрела на Илью. — Ты что, всерьез под нашу Тоську клинья подбиваешь? Вот уж никак не ожидала: ты — и вдруг Тоська. Ну и парочка!

Илья досадливо отмахнулся. И тень его на стене тоже махнула рукой, передразнивая Илью.

— Поспорили мы с Филей, — неохотно сказал

он. — Сама же разбивала.

— Ах вот оно что! — припомнила Анфиса. — Только, сдается мне, она и без спора льнет к тебе. И на кого нацелилась!

— Что ж, тем лучше, — пробормотал Илья и отвернулся.

Анфиса с любопытством посмотрела на него:

— А она-то, дура, небось надеется!.. Знаешь, раздражает меня Тоська. Как-то наперекор мне она живет: я — так, а она — этак…

Анфиса показала на противоборствующих руках, как по-разному живут они с Тосей.

— И чего вы с Филькой на нее ополчились? — осудил Илья. — Больно всерьез вы ее принимаете: девчонка как девчонка, вот только язык у ней неплохо подвешен, в самый раз поболтать от скуки. А насчет такого-сякого — зеленая она еще… как елка!

— Добрый ты к ней, — подивилась Анфиса. — Зачем тогда спорить было?

— Так получилось, я и сам не рад…

— Да тебе вроде стыдно? — спросила Анфиса таким тоном, будто поймала Илью на чем-то нехорошем.

— Была бы она хоть немного повзрослей…

Анфиса посочувствовала:

— На молодую напоролся!

— Года у нее кой-какие есть, — встал Илья на Тосину защиту. — Она даже и не глупая, а только разум у нее какой-то пионерский, в пятом классе застрял…

— Какие тонкости! — фыркнула Анфиса.

— Да ты, никак, ревнуешь?

— И рада бы, да не умею… Просто не ожидала, что ты меня на такую променяешь.

— Да не менял я! Это ж слепым надо быть, чтобы променять тебя на такого недомерка.

— Вот это точно, — согласилась Анфиса. — А уж воображает о себе! Проучи ты ее хорошенько.

Илья пересел к ней поближе, похвастался:

— Ключик я к ней подобрал безотказный: хвалю ее стряпню — она и лапки кверху. Даже смешно, до чего же ей мало надо! Завтра сделаю контрольную проверку — да и кончать пора… Ох и взовьется она, когда про спор узнает! — Илья покачал головой и утешил себя: — Ну да ничего, сама виновата: не надо было в клубе фигурять. Вперед умней будет!

— Все-таки сволочи мы… — подумала вслух Анфиса.

— Скучно живем, — оправдался Илья. — Раньше я думал: главное — хорошо работать, а все

остальное приложится. Черта лысого! Вот и портреты с меня малюют, а что толку?.. Вроде не весь я занятой, понимаешь?

— Каково мне это слышать? — деланно закручинилась Анфиса и посоветовала Илье: — А ты запишись в струнный оркестр, чем не занятие? Помирать — так с музыкой!

— Я с тобой серьезно…

— Позже десяти вечера, Илюша, я серьезно не разговариваю, — наставительно сказала Анфиса. — Валяй лучше с Тоськой в клуб на лекцию про любовь и дружбу!

— Вижу, ревнуешь?

Анфиса пожала плечами:

— Думай так, если тебе нравится.

Зазвонил телефон.

— Даю шпалорезку, — сказала Анфиса в трубку и кивнула Илье на доску коммутатора.

Илья быстро и умело переставил на доске шнуры.

— Освоил! — похвалила Анфиса.

Они взглянули друг на друга и расхохотались.

— Вот такая ты мне больше по душе! — одобрил Илья, радуясь, что перепалка их кончилась.

Он придвинулся к Анфисе — и вдруг замялся, не зная, можно ли вот так сразу обнимать ее после

всех своих признаний. На миг возникло и тут же сгинуло нелепое чувство, будто Тося-малолетка видит их сейчас. Илья подивился игре своей фантазии и привлек Анфису к себе.

— Да ну тебя!

Анфиса притворно нахмурилась.

— Красивей тебя у меня еще не было, — признался Илья.

— Ох и комплиментщик ты! И ко мне ключик подобрал? — насмешливо спросила Анфиса, но глаза у нее подобрели.

Илья распечатал коробку пастилы.

— Угощайся, твоя любимая — бело-розовая.

И снова затрезвонил телефон. Анфиса держала трубку близко от уха Ильи, и тот услышал, как простуженный бас в трубке спросил:

— Как у вас с планом?

— Перевыполняем! — игриво ответила Анфиса, запуская руку в коробку с пастилой и прижимаясь к Илье плечом.

— Ну его к лешему! — разозлился Илья. — Нашел время о плане спрашивать.

Он водворил трубку на место, отшвырнул окурок к печке и решительно обнял Анфису. Илья позабыл уже о тенях, а они продолжали жить своей отраженной, передразнивающей людей

жизнью. Тень Ильи обняла на полу тень Анфисы. Головы теней сблизились в поцелуе, и губы их встретились там, где на жестяном листе у печки валялся скрюченный окурок.

КОНТРОЛЬНАЯ ПРОВЕРКА

Тося бойко орудовала черпаком, наполняя миски лесорубов. Украдкой она поглядывала по сторонам, удивляясь, куда это запропастился Илья. Его не было видно ни в очереди, ни за столом среди обедающих. Вот и последний лесоруб отошел от котла. Тося с беспокойством осмотрелась вокруг.

— А где же… это самое, наш передовик? — спросила она у мастера Чуркина.

Чуркин махнул рукой в сторону делянки:

— Звали — не пошел. Деньгу твой передовик зашибает. Они, передовики, насчет денег лютые!

Тося прислушалась и за ближним звяканьем ложек различила далекий грохот сваленного дерева. Она живо налила щей в армейский котелок, прижившийся на кухне, в крышку от котелка горкой наложила каши, завернула самую поджаристую горбушку хлеба в чистое полотенце и, придав лицу строгое и независимое выражение человека, выполняющего свой долг, храбро двинулась в лесную чащобу. Головы всех обедающих девчат враз будто ветром повернуло вслед Тосе.

Осуждающий шепоток прошелестел над столом. Вот люди, делать им нечего.

На трелевочном волоке Тосю переняла быстроногая Катя.

— Ты куда это правишься? — прокурорским голосом вопросила она, глядя на котелок, из которого валил пар.

— Да так… Не все пообедали… — Тося качнула котелком в сторону делянки. — Срочная работа…

— Срочная! — передразнила Катя и погрозила Тосе кулаком. — Чует мое сердце, ты и на Камчатку срочно побежишь!

— Ну и что? — захорохорилась Тося, перекладывая котелок из одной руки в другую. — Кажется, совершеннолетняя…

Катя осуждающе покачала головой и сказала убежденно — на правах человека, который никогда не делал ошибок в своей жизни:

— На Камчатке можно только с одним человеком сидеть. С одним, понятно? — Для наглядности Катя показала Тосе оттопыренный палец. — Семь раз отмерь, а потом иди. Вот как я с Сашей, бери с нас пример!

Катя нежно посмотрела на палец, олицетворяющий сейчас разлюбезного ее Сашку, заметила пятнышко, звучно плюнула и старательно вы-

терла о ватник.

— А будешь… — Катя презирающе оттопырила второй палец, обвязанный тряпочкой, а вслед за ним веером распустила всю пятерню. — Получится, как у Анфисы. Ты этого добиваешься?

Тося испуганно замотала головой. Кате понравилось, как покорно слушает Тося ее наставления, она смилостивилась над ней и подтолкнула к делянке:

— Одна нога там — другая здесь. Держись за меня, не пропадешь!

Тося благодарно закивала головой и припустила по волоку, развороченному тяжелыми тракторными возами.

На опустевшей делянке одинокий Илья переходил от дерева к дереву и валил их чудо-пилой.

— Чего ж ты обедать не идешь? — строго спросила Тося, держа котелок за спиной.

— Некогда! — буркнул Илья, уголком глаза наблюдая за Тосей. «Прибежала!» — Конец года, а план тютю!

— Вот оно что-о!.. — почтительно протянула Тося. — Ну, знаешь, хоть ты и передовик и портрет твой в клубе висит, а так тоже нельзя: план планом, а поесть надо.

Тося засуетилась, раскинула на пенечке свою

скатерть-самобранку и расставила принесенную снедь.

— Иди сюда! — позвала она Илью тоном радушной хозяйки, осмотрелась вокруг и пожалела: — Вот только сесть негде.

С недовольным видом человека, которого оторвали от работы, Илья взглянул на пенек, сервированный Тосей. Глаза его прикованно застыли на парующем котелке.

— Что там у тебя? — придирчиво спросил он.

— Щи.

— Все щи да щи… — проворчал Илья, не желая так быстро сдаваться. Он с усилием оторвал глаза от вкусного котелка, сглотнул набежавшую слюну и неожиданно для себя самого поинтересовался: — С мясом?

— Угу… Иди поешь горяченького, не убежит твой план! — настойчиво звала Тося. — И ребята тоже хороши: сами обедают, а тебя в лесу бросили!

И такая взрослая, чуть ли не материнская забота о знатном передовике прозвучала в Тосином голосе, что Илья, позабыв о пиле, во все глаза уставился на Тосю. Пильная цепь вхолостую рассекала воздух.

Илья смущенно крякнул, отгоняя неведомые

ему чары, примерился, свалил тоненькую березку впритирку к Тосиному пеньку и уселся на пружинящий ствол, как на скамейку.

— Ловко ты! — похвалила Тося.

— Долго ли умеючи, — небрежно отозвался Илья, запуская ложку в котелок.

— Ну, я пошла… — сказала Тося, не двигаясь с места. Она боязливо дотронулась пальцем до чудо-пилы и взмолилась: — Дай я попробую? Всего одно деревце? Не будь жадиной-говядиной!

Илья включил для Тоси пилу. С напряженным лицом охотника-новичка, выслеживающего дичь, Тося направилась было к ближней березке, но в последний миг пожалела ее и свернула к сосенке. Она прислонила пилу к коре — ж-жик, и деревце полетело в снег. Тося счастливо засмеялась и посмотрела на Илью, приглашая разделить ее радость.

— Ну как? — лениво спросил Илья, снисходя к зеленому Тосиному малолетству.

— Щекотно! — призналась Тося, держа гудящую пилу на вытянутых руках и дрожа вместе с ней всем телом.

Она свалила еще два тонких деревца и, войдя в лесопильный азарт, стала уже подкрадываться к вековой сосне, но тут Илья подошел к ней и

выключил пилу.

— Еще покалечишься, отвечай потом за тебя…

— Веселая пилка! — похвалила Тося, бережно пристраивая пилу на пеньке и не замечая, что начинает уже говорить Илюхиными словами.

Тосе до слез вдруг понравилось, что Илья так заботится о ней. Прямо как старший брат, о котором мечтала она… Тося припомнила вдруг название пилы.

— «Дружба»! — уважительным голосом сказала она, взглянула на Илью и погладила крышку редуктора. — Ну, я побежала.

Тося качнулась всем телом, но с места не сдвинулась, будто ноги ее приросли к земле. Она забыто стояла возле пилы «Дружба» и смотрела на обедающего Илью. Вот он поднес ложку ко рту и покосился в ее сторону. На миг глаза их встретились. Тося сорвалась с места и припустила во всю прыть, боясь, что Илья разгадает все ее тайны и станет над ней смеяться.

— Долго ли умеючи… — пробормотал Илья, провожая глазами юркую фигурку Тоси, мелькающую между деревьями.

Ему вдруг скучно стало, как прозорливому игроку, убедившемуся, что противник его много слабей, чем он спервоначала думал. Илья знал,

что доведет свою игру до конца, но интерес его к Тосе уже улетучился. И она оказалась на поверку такой же, как все другие девчата, которые встречались ему в жизни, разве что гонору чуть-чуть побольше.

«Все они на один фасон, — привычно обобщил Илья. — Только имена да волосы разные!»

Из-за бурелома вынырнул Филя, ковыряя щепочкой в зубах.

— Балует тебя ухажерка! — позавидовал он, кивая на котелок. — С доставкой на дом!

— Маленькая, а понимает… — согласился Илья, уплетая кашу.

Филя выпытывающе посмотрел на Илью:

— Ну как, поддается?

— Клюет помаленьку. Мне бы ее только поцеловать. Есть такие девчата: до первого поцелуя очень уж ерепенятся!

— Давай, давай… — уныло сказал Филя. — Учти только… — Он заголил левый рукав ватника и ткнул зубочисткой в часы. — Стрелки двигаются!

Илья бросил ложку в пустой котелок, небрежно предложил дружку:

— Загляни сегодня на Камчатку.

От неожиданности Филя даже к земле пригнулся, будто на плечо ему кинули мешок-пятерик.

— Неужто придет? — встревожился он. — На Камчатку?!

— Попробую привести, — скромно сказал Илья. — Из моих рук редко кто вырывался…

— Ну и женщины теперь пошли! — искренне возмутился Филя.

Он отбросил зубочистку и нахлобучил кубанку на уши. Илья усмехнулся:

— Что, закачалась кубаночка?

ТОСИНО СЕРДЦЕ

Поздним вечером Тося возвращалась с занятий в школе, беспечно размахивая куцым портфеликом. В недвижном воздухе крупными мохнатыми хлопьями падал снег.

Нынешняя зима была богата снегом. Сугробы уже достигли окон, и все дома в поселке выглядели так, будто присели. А люди рядом с этими укороченными, вросшими в сугробы домами вроде подросли, и даже Тося-невеличка запросто теперь дотягивалась рукой до любой застрехи.

Из темного переулка навстречу Тосе шагнул поджидающий ее Илья.

— Можно с тобой пройтись?

Тося отодвинулась, освобождая рядом с собой место.

— Улица не купленная…

Вдогонку им пронзительно свистнул Филя, бредущий по улице в окружении непутевой своей ватаги.

— Так мы ждем! — напомнил Филя и махнул рукой в сторону Камчатки.

Илья покосился на ничего не подозревающую

Тосю.

— Неприятный тип, — сказала она.

— Да, конечно! — поспешно согласился Илья, для пользы дела покривив душой. — А с другой стороны, не всем же быть хорошими. Тогда совсем уж скучно стало бы на свете жить…

Тося хмыкнула, удивляясь такой постановке вопроса, но тут же великодушно решила, что кое-какой резон в словах Ильи есть, и милостиво наклонила голову, соглашаясь с ним.

Они молча шли по тихой пустынной улице, то появляясь в конусах света у редких фонарей, куда охотно слетались снежинки, то пропадая во тьме, где, казалось, и снег не падал. В промежутке между ними мог бы поместиться еще один человек — и даже довольно солидной комплекции. Когда Илья пытался приблизиться к Тосе, чтобы ликвидировать этот позорный для его мужского самолюбия зазор, она сразу же шарахалась от него, восстанавливая спасительную дистанцию. Тайком от Ильи она изо всех сил тянулась кверху и даже на цыпочки приподнималась, чтобы казаться выше ростом. А смотрела Тося прямо перед собой, точно и не подозревала, что рядом с ней шагает Илья.

Это была ее первая взрослая прогулка в жизни,

и сейчас Тосей на равных правах владели и радость и страх. В последнее время она заметила, что Илья переменился к ней, но все еще терялась в догадках, не зная, как это понять. Вступая в новую, неизведанную и заманчивую полосу жизни, Тося больше всего боялась натворить по неопытности непоправимых ошибок и уронить девичье свое достоинство.

На перекрестке Илья свернул было влево, а Тося махнула портфелем вправо и сказала:

— Так короче.

— А так длинней! — отозвался Илья, отобрал у Тоси портфель и махнул им влево.

Тося подумала-подумала и, решив, что длинный путь иногда бывает лучше короткого, пошла за Ильей. Без портфеля она совсем не знала, что ей теперь делать со своими руками, и скованно размахивала обеими сразу то вперед, то назад, будто они были скреплены между собой и порознь не работали. Изо всех сил Тося старалась сдерживать шаг и идти медленно и степенно, как полагается ходить солидным девчатам, которых провожают кавалеры. Но Тося все время забывала, что она уже взрослая, и по-девчоночьи вырывалась вперед, опережая Илью. Никогда прежде она не думала, что вышагивать по-взрос-

лому так трудно. А как же еще под ручку ходят? Вот где мука!

Илья попридержал ее за локоток:

— Да не беги ты как на пожар! Ты что, никогда в жизни не гуляла?

— Не умею я медленно ходить, — призналась Тося. — Ноги у меня, что ли, такие…

Они вышли на главную улицу поселка и столкнулись с Катей и Сашкой. Судя по толстым подушкам снега на их плечах, те гуляли уже давно. Тося смутилась и промямлила:

— Погодка такая — грех дома сидеть…

— Грех! — подтвердил Илья.

— Эх, голуби! — молвил Сашка.

Он достал из кармана папиросы, а Илья спички. Пока кавалеры закуривали, Катя преданно смотрела на Сашку, а Тося, подражая ей, на Илью. Потом девчата глянули друг на дружку, и Катя ехидно кашлянула, радуясь, что поймала Тосю на месте преступления. Тося виновато опустила глаза. Она тут же с вызовом вскинула голову, но было уже поздно: Катя опять любовалась своим кавалером, будто на всем белом свете не было парня краше неуклюжего Сашки. Тосе даже смешно стало: до чего же влюбленные девчата слепые!

И тут она заприметила своими зоркими гла-

зами, что на правом Катином плече снега — кот наплакал. «Левой рукой Сашка обнимает, чтоб ненароком не придушить Катерину!» — догадалась вдруг Тося с тем проникновением в запретные взрослые тайны, которое неизвестно откуда привалило к ней в последние дни. И Тосе захотелось, чтоб ее полюбил такой же чуткий, как Сашка, человек, но, если можно, не такой косолапый.

Пары разошлись. Сашка с Катей нырнули в благодатную темень переулка, а Тося с Ильей не спеша двинулись по главной улице к общежитию.

Илья откашлялся, сказал проникновенно:

— Когда я тебя впервые увидел… — и как бы невзначай положил руку на Тосино плечо.

Тося отпрыгнула от него как ужаленная.

— Здравствуйте! Ты чего это? — ужаснулась она.

— Привычка у меня такая… — пробормотал Илья, осуждающе глянул на свою провинившуюся руку, будто она одна была во всем виновата, и сунул ее в карман, чтобы ей больше не вздумалось самовольничать.

— Надо отвыкать, — посоветовала Тося.

— Постараюсь! — пообещал Илья, снова откаш-

лялся и вернулся к прерванной лжеисповеди:
— Так вот, когда я тебя впервые увидел…

…А на Камчатке в это время Филя проводил последнюю репетицию со своей ватагой. Он решил досыта поиздеваться над Тосей, раз уж из-за нее приходилось терять кубанку.

— Ты будешь Ильей, а я Тоськой, — сказал Филя высоченному парню, своему любимцу, прозванному в поселке «Длинномером». — А вы все — кыш.

Ватага сгинула за сугробами и поленницами дров. Филя усадил Длинномера на завалинку, вспрыгнул к нему на колени и, кривляясь, стал изображать влюбленную Тосю. Потом он вскочил, по-разбойничьи свистнул — и вся ватага разом поднялась из-за укрытий и захохотала дикими голосами, заулюлюкала. Каждый шумел за двоих, но всех перекрыл Длинномер, бухающий кулаком в какую-то звонкую железяку. Филя по-командирски вздел руку — и все затихли.

— Так держать, — удовлетворенно сказал Филя. — Только жизни побольше!

Длинномер, согнувшись в три погибели, выглянул на улицу и объявил густым шепотом:

— Идут!

Филя взмахнул рукой, и ватага попряталась.

Прихватив свою железяку, Длинномер тоже нырнул за дальний сугроб. Филя на цыпочках подкрался к углу общежития и выглянул.

— До свиданьица, Илюшка, — сказала Тося, останавливаясь у крыльца.

— А может, еще погуляем?

— Хорошего понемножку, — ответила Тося непреклонным тоном человека, знающего себе цену, и протянула руку за портфелем.

Илья отступил на шаг и даже руку с портфелем за спину спрятал, словно боялся, что Тося силой отнимет у него свой портфель. Тося торжествующе усмехнулась и ловко пристукнула носками валенок, стряхивая налипший снег. Взгляд Ильи прикованно застыл на ее валенках-невеличках.

— Какие же ты тогда туфли носишь?

— Тридцать третий размер… — виновато ответила Тося.

— Вот детсад! — удивился Илья. — Не хочешь гулять, давай посидим на завалинке.

Он небрежно кивнул в сторону глухой стены общежития, выходящей на пустырь. Филя, подсматривающий за ними, резко отдернул голову.

— На Камчатку?! — ахнула Тося. — Ох и жук ты, Илюшка!

— Никакой я не жук! Ты когда храбрая, а тут

боишься.

— Я, Илюшка, только медведей боюсь, — призналась Тося, — да и то жареных! Будешь сидеть со мной, а думать про… другую, нужно мне! Ведь ты со мной только прикидываешься… Скажешь, нет?

На миг Илья смутился, решив, что Тося откуда-то разузнала о его споре с Филей. Но тут же каким-то охотничьим чутьем, которое всегда выручало его, когда он обхаживал девчат, Илья понял, что бояться ему нечего. Просто на эту ершистую и не очень-то красивую девчонку еще никто из мужского племени не обращал внимания, и теперь с непривычки Тося никак не может поверить, что такой видный парень, как он, всерьез заинтересовался ею, недомерком. Илья представил вдруг сумятицу, которая царит сейчас в неопытном Тосином сердчишке, и снисходительно усмехнулся:

— А чего мне прикидываться? Нравишься ты мне… Понимаешь? — проговорил он фальшивым голосом сильного и в общем-то справедливого человека, которого обстоятельства вынуждают обманывать ребенка.

Илья и сам расслышал фальшь в своем голосе и рассердился на себя, на заупрямившуюся Тосю,

на Филю, который втянул его в этот дурацкий спор. Честней всего сейчас было бы бросить Тосю со всеми ее младенческими страхами и отправиться к Анфисе на коммутатор. Но дело зашло уже слишком далеко, и отказаться теперь от спора — значило на весь поселок объявить о своем поражении. Да и пыжиковую шапку терять за здорово живешь Илье тоже не хотелось. «Сама виновата!» — не впервой оправдался перед самим собой Илья, припомнив все обидные Тосины выкрутасы на танцах в клубе.

— Очень уж ты мне нравишься… — терпеливо повторил он, из прежнего своего опыта зная, что девчата никогда не обижаются, когда такие вот вещи говоришь им по нескольку раз. — Крепко нравишься, понимаешь?

— Не верю! — сказала Тося, но голос у нее предательски дрогнул, и она с благосклонным любопытством взглянула на человека, который первым во всем мире по достоинству оценил ее.

— Я и дома о тебе думаю, и на работе в лесу! — без стыда и совести врал Илья, входя во вкус и чувствуя, что Тося начинает поддаваться.

— И ничуть я тебе не верю! — счастливо сказала Тося и стала валенком утаптывать свежий снег, заваливший дорожку: очень трудно стоять

истуканом и ничего не делать, когда тебе впервые в жизни говорят, что ты нравишься и о тебе думают и дома и на работе.

— Как увижу тебя — так праздник на душе! — вдохновенно врал Илья, не очень-то утруждая себя ради такой мелкой сошки, как Тося.

— Все равно ни капли не верю! — ликующим голосом пропела Тося и поправила мальчишескую свою шапку-ушанку каким-то новым, только сейчас народившимся движением руки — округлым и уже почти женским.

— Закрою глаза, и образ твой стоит передо мной! — выпалил Илья, чтобы окончательно доконать Тосю, и сам же первый прикусил язык, усомнившись вдруг, не хватил ли он через край.

Тося восхищенно шмыгнула носом и переспросила шепотом:

— Образ?

— Ага! Вот смотри.

Илья стал боком к Тосе, зажмурил глаза и затих, вглядываясь во что-то, доступное только ему.

— Ну как? — ошеломленно спросила Тося. — Видишь меня?

— Вижу!

— А… где?

Илья махнул рукой в сторону Камчатки. Лю-

бопытный Филя, высунувшийся из-за угла общежития, чтобы не прозевать, как Илья «охмуряет» повариху, поспешно отшатнулся. Тося добросовестно вглядывалась во тьму, но заметила лишь какую-то тень, метнувшуюся за угол дома. Может, образы такие и бывают? Она покосилась на Илью и увидела, что ресницы у него дрожат.

— Ты не подглядывай! — приказала Тося, закрыла лицо Ильи портфеликом и спросила требовательно: — А в каком платье мой… это самое, образ?

Илья переступил с ноги на ногу, припоминая небогатый Тосин гардеробишко.

— В… синем, — неуверенно сказал он.

— С белым воротничком? — доверчиво спросила Тося.

— С белым! — торжествующе выпалил Илья и поспешил открыть глаза, пока Тося не подловила его на какой-нибудь манжетке. — Ну, убедилась? Пойдем теперь посидим.

Он взял Тосю за руку и слегка потянул к себе, проверяя, готова ли она уже идти на Камчатку, или придется с ней еще повозиться. Тося сделала один-единственный шаг и тут же уперлась детским своим валенком в ступеньку крыльца — и осторожный Илья сразу же выпустил ее руку, бо-

ясь раньше времени спугнуть дикую девчонку.

— Беда мне с тобой, — пожаловался он.

Тося виновато опустила голову и как заведенная принялась утаптывать снег вокруг себя. Она так старалась, будто работала сдельно. Ей и первого в жизни человека, которому она наконец-то понравилась, не хотелось огорчать, и в то же время очень уж боязно было идти на страшную Камчатку. Пойманным в капкан мышонком Тося снизу вверх глянула на Илью.

— Пошли, Тось, — настойчиво позвал Илья. — Посидим, поговорим… Не мы первые!

И вдруг Тося перестала трамбовать свой снег и, найдя выход, обрадованно вскинула голову:

— Давай лучше дружить, Илюшка, а?

Илья досадливо поморщился, будто вместо вина хлебнул сгоряча пресной воды.

— А мы на Камчатке и начнем дружить, — небрежно, как о само собой разумеющемся деле, сказал он. — Если хочешь знать, так там даже удобней, чем здесь на сквозняке… Пошли, Тось, чего уж!

— А Анфиса?! — ужаснулась вдруг Тося, не понимая, как могла она раньше позабыть про счастливую свою соперницу. — И что ты за человек? С ней… дружишь, а меня на Камчатку

зовешь? Не пойду я, подруга она мне все-таки: в одной комнате живем и… койки рядом.

Илья с веселым изумлением посмотрел на Тосю и отвернулся, не выдержав гневного ее взгляда.

— Что ж Анфиса? — пробормотал он. — Было время, встречались мы с ней, а теперь я и думать про нее забыл… Ничего в ней особенного нету, вот разве прическа красивая.

— Прическа? — переспросила Тося.

— Да брось ты сознательность разводить! — разозлился Илья на неожиданную задержку. — Она бы на твоем месте не поглядела, что койки рядом!.. И чего тебе еще надо? Да я, если хочешь знать, уже… почти полюбил тебя!

Илья, сам не ведая почему, избегал говорить девчатам, что любит их. Не то чтобы он берег эти слова для кого-то, с кем надеялся встретиться в будущем. Просто Илья считал, что нечего девчат баловать, обойдутся и без любовных слов. И теперь он еще больше разозлился на Тосю, которая своим упрямством заставила его нарушить это правило.

— Почти полюбил! Можешь ты это понять или не доросла ты еще до этого? — с вызовом спросил он, начиная терять терпенье.

Сам того не подозревая, Илья затронул чув-

ствительную Тосину струну. Больше всего на свете она боялась сейчас, что Илья увидит в ней девчонку-малолетку, не способную понимать чувства взрослых людей, прогонит ее спать и потом уж никогда больше к ней не подойдет.

— Я все понимаю, Илюшка, не маленькая… — тихо ответила Тося, не решаясь поднять голову.

Она утоптала уже весь рыхлый снег вокруг и замерла на месте, не зная, чем бы теперь заняться. Илья заметил Тосину безработицу и большущим своим валенком пододвинул к крыльцу целый сугроб свежего снега. Кивком головы Тося поблагодарила его и старательней прежнего принялась трамбовать снег.

— Так что ж ты? — пристыдил ее Илья. — Может, Вера Ивановна запрещает тебе на Камчатку ходить?

Тося рывком вскинула голову.

— А при чем тут мама-Вера? — уязвленно спросила она. — Кажется, совершеннолетняя, паспорт имею!

И чтобы доказать Илье полную свою независимость и взрослую самостоятельность, Тося демонстративно шагнула в сторону Камчатки. Она тут же испугалась своей храбрости и споткнулась на ровном месте, но было уже поздно.

Не теряя даром времени, Илья живо взял Тосю под руку и не спеша, размеренным шагом честного человека, которому нечего стыдиться, повел ее на Камчатку. А Тосе, после того как она ни к селу ни к городу похвасталась недавно полученным паспортом, ничего другого уже не оставалось, как покорно плестись рядом с Ильей с видом пойманного правонарушителя.

Она трусливо съежилась и вобрала голову в плечи, дивясь, как нескладно все у нее получается: вот и не хочет идти на Камчатку, а идет… И ничего тут нельзя поделать: надо платить за свое приобщение к заманчивой взрослой жизни. Илья покосился на Тосю, старательно семенящую рядом с ним, увидел ее зажмуренные от страха глаза, и на миг ему даже жалко стало эту несуразную девчонку, которая хорохорилась-хорохорилась, а потом так глупо попалась.

— Вообще-то поздно уже, спать пора… — стала канючить Тося, ни на что уже не надеясь. — А то завтра с работой не справлюсь…

Илья пренебрежительно махнул рукой:

— Какая там у тебя работа?

— Как это какая?! — опешила Тося и остановилась как вкопанная. — Сам ведь щи хвалил, за язык не тянула… Если повар, так уж и не че-

ловек?

Она в сердцах выдернула руку и бегом вернулась на исходную позицию — к надежному пятачку, вытоптанному ею возле крыльца.

— Да не в том смысле, — покаянно сказал Илья, жалея, что так не вовремя зацепил профессиональную Тосину гордость.

Он осторожно подступил к крыльцу, боясь снова спугнуть Тосю, и заранее согнул руку в локте, приглашая дикую девчонку довериться ему.

Тося неподкупно замотала головой.

Теряя последнее свое терпенье, Илья взял Тосю под руку и вполсилы попытался увлечь ее за собой на Камчатку. Тося напряглась, как стальная пружинка, вырвалась и вспрыгнула на крыльцо.

— Ты не очень-то! — возбужденно сказала она и поправила сбившуюся набок шапку прежним своим по-мальчишески резким и угловатым движением руки.

— А гордая ты, козявка! — восхитился вдруг Илья, невольно любуясь неприступной для него Тосей и сам толком не зная сейчас, все еще притворяется он, чтобы выиграть злополучный спор, или на этот раз говорит правду. — Не думал, что ты такая! Значит, хочешь со мной… дружить?

— Ты этим словом не кидайся, — строго пре-

дупредила Тося. — Знаешь, теперь я тебе и настолечко не верю!

Она высунула из дырявой варежки кончик мизинца.

— Не веришь? Совсем не веришь?! — пригорюнился Илья, пытаясь слезой в голосе разжалобить Тосю, и неожиданно для себя самого признался. — А вот такая ты мне еще больше нравишься.

— Н-не верю… — запнулась Тося. — Правильно мне про тебя говорили. Ох и личность ты!.. До свиданьица!

Тося выхватила у него из рук портфельчик, юркнула в общежитие и захлопнула за собой дверь. В коридоре она затопала ногами — сначала громко, а потом тише и тише, делая вид, что убежала к себе в комнату. А сама припала ухом к двери, чутко прислушиваясь к тому, что творится на крыльце. Кажется, Тося жалела уже, что так беспощадно расправилась с Ильей, и позови он сейчас ее, начни настаивать на своем, она, может быть, и вышла бы к нему.

Но Илья смирился с ее отказом. Тося слышала, как на крыльце под ногами Ильи мягко хрупнул свежий снег, потом под тяжестью его тела жалобно пискнула вторая сверху скрипучая ступенька — и все затихло. Она обиженно выпрямилась,

недовольная, что Илья так легко поверил ей. Но выйти на улицу и первой позвать его Тося никак не могла — это было просто выше ее сил. Кто-то чужой и непонятный сидел сейчас в ней и распоряжался всеми ее поступками.

Так вот какая она, долгожданная взрослая жизнь!

Напуганная всеми этими неразрешимыми сложностями, Тося закусила губу и ожесточенно замолотила веником, обметая с себя снег. Но вот веник замер в ее руках, и она прижалась щекой к бревенчатой стене, нахолодавшей за зиму, и заплакала, жалея и себя, и разнесчастного Илюшку-бабника, смертельно обиженного ею, и всю ту недавнюю девчоночью ясность жизни, с которой пришла ей пора навеки расстаться.

В коридор выглянула Вера с чертежной линейкой в руке.

— Ты чего ревешь? Обидел кто?

Тося замотала головой:

— Я сама че-человека одного обидела…

— Ну и пусть твой человек плачет, ты-то чего заливаешься?

— Не заплачет, он крепкий… А мне все равно жалко!

— Совсем запуталась ты!

— Подзапуталась, мам-Вера, — охотно согласилась Тося.

— Ну, идем-идем, нечего тут сырость разводить.

Вера обхватила Тосю за плечи и увела ее в комнату.

А на улице Филя окликнул Илью, поравнявшегося с Камчаткой:

— Чего ж ты? Сорвалось?

Илья замысловато покрутил рукой в воздухе:

— Осечка… Цену себе набивает!

Филя разочарованно свистнул, ватага поднялась из-за укрытий и зашумела, заулюлюкала. Но, не видя перед собой Тоси, парни быстро затихли и окружили своих главарей. Самый маленький и плюгавый подошел к Илье и, клацая зубами от холода, взмолился:

— Со-совсем з-зазяб… Ил-люха, с-ставь п-поллитра!

— Завтра, завтра! — досадливо сказал Илья и пошел прочь от ватаги.

Филя оглядел закоченевших дружков, хлопающих себя по бокам, чтобы согреться.

— Где Длинномер? — строго вопросил Филя тоном полководца, недосчитавшегося в своих рядах гвардейской части.

Парни переглянулись. Филя пронзительно свистнул. Из-за дальнего сугроба вскочил задремавший было Длинномер и, ничего не соображая спросонок, забухал кулачищем в гулкую железяку.

Филя сокрушенно покачал головой:

— Ну и кадры!..

Едва переступив порог комнаты, Тося тут же ринулась к Анфисиной тумбочке и впилась глазами в зеркало, беспощадно-придирчиво оценивая свою красу.

— Мам-Вера, как ты думаешь, могу я кому-нибудь… это самое, понравиться?

— Можешь… — равнодушно отозвалась Вера и склонилась над длинным листом миллиметровки, свисающим со стола.

Повеселевшая Тося швырнула портфель под койку, скинула жиденькое свое пальтецо.

— Задание из техникума? — почтительно спросила она, разглядывая непонятный Верин чертеж и гордясь тем, что живет в одной комнате с человеком, который разбирается в таких мудреных вещах.

Вера молча кивнула.

— А я бы заочно учиться ни в жизнь не смогла! — честно призналась Тося. — Это ж какую созна-

тельность надо иметь: никто над тобой не стоит, а ты занимаешься!..

Она смерила пальцами толстый корешок справочника, взяла линейку со стола, почесала у себя за ухом и торжественно объявила:

— Мам-Вера, а ведь ты героиня!

— Будет тебе ерунду-то молоть!..

— А я говорю: героиня! — заупрямилась Тося. — Если б я была правительством, я бы всех, кто заочно учится, награждала: институт окончил — получай орден, техникум осилил — вот тебе медаль!

— Смотри, прокидаешься, — предостерегла Вера. — Металла не хватит: нашего брата много…

— Эх, ты! — пристыдила Тося. — Сама ты себя не понимаешь!

Балансируя руками, как канатоходец, Тося прошлась по узкой половице, снова заглянула в зеркало, осталась довольна собой, закружилась и опрокинула табуретку.

Вера с любопытством наблюдала за Тосей. А та вдруг помрачнела, подошла к окну и прижалась лбом к слепому зимнему стеклу.

— Чего ты мечешься? — спросила Вера, — Двойку схватила?

Тося презрительно отмахнулась:

— Если бы!.. Понимаешь, один человек душу мне открыл, а я нечутко к нему подошла… Знаешь, как мы, женщины, иногда умеем! Как-то не по-женски даже…

— Ну ничего, — утешила Вера. — Завтра улыбнешься своему человеку — и помиритесь.

— Завтра?

Тося глянула на ходики и вдруг, как была в одном платье, выбежала из комнаты, в два прыжка одолела коридор и выскочила на улицу в самую гущу снегопада.

Илью она догнала уже возле мужского общежития.

— Ты чего? — удивился Илья. — Простудишься, дуреха!

— Илюшка, тебе плохо сейчас? — спросила Тося, снизу вверх виновато заглядывая ему в лицо.

— Ничего, терпеть можно… — Илья скинул с себя тяжелое пальто и накрыл Тосю. — Да ты, никак, пожалела меня?

— Немножко…

Всякое бывало у Ильи с девчатами: его и любили, и ненавидели, и убивались по нем, и гнали прочь, и серной кислотой в глаза грозились плеснуть, — а вот пожалеть его еще ни одна девчонка не догадалась. И сейчас с непривычки Илья рас-

терялся. Стыда за свой спор он не почувствовал: чего не было — того не было. Он даже и не подумал о споре — нужно было ему забивать свою голову разной ерундой. Ему просто смешно стало, что эта нецелованная зелень пожалела его, и в сердце без спросу шевельнулась признательная благодарность к Тосе. Что там ни говори, а все-таки приятно, когда тебя, здоровенного, жалеют, — по крайней мере, вот так неумело и необидно, как Тося пожалела его.

А Тося напялила чужую просторную одежину себе на голову капюшоном, дотянулась подбородком до ближней пуговицы, пахнущей табаком, и спросила чуть-чуть лукаво, бессознательно требуя награды за свой самоотверженный поступок:

— А теперь лучше?

— Эх, повариха ты, повариха! Сама маленькая, а сердце…

— Сердце как сердце… Тридцать третий размер!

Рука Ильи привычно взлетела, чтобы обнять Тосю.

Всем своим существом сердцееда он понимал, что главная преграда в Тосе рухнула и сейчас она не только позволит поцеловать себя, но и на Камчатку с ним пойдет. Но Илья вдруг усомнил-

ся, можно ли ему вести себя с Тосей так, как он обычно поступал с другими девчатами. Рука его замерла на полпути за спиной Тоси, повисела там, повисела, впервые в жизни устыдившись дешевой своей прыти, — и тяжело упала.

— Беги домой, а то застудишься… — хмуро сказал Илья, не понимая себя сейчас и сильно подозревая, что валяет дурака.

Тося побежала, обернулась, чтобы узнать, что там Илья поделывает без нее, оступилась на косогоре и шлепнулась. Она тут же вскочила и, припадая на одну ногу, держась за коленку, заковыляла к своему общежитию.

Илья неподвижно стоял посреди улицы и смотрел ей вслед.

ДЕНЬ ПОЛУЧКИ

В конторе лесопункта перед окошком кассы выстроилась очередь — нельзя сказать, чтоб длинная, но и не такая уж короткая, — в общем, как раз такая, когда наиболее нетерпеливые норовят получить зарплату без очереди. Лесорубы один за другим подходили к окошку и расписывались в ведомости сочащейся чернилами ручкой. Два раза в месяц неисправный канцелярский инструмент этот метил в поселке поголовно всех лесорубов. Валяйся ручка на земле — никто и не нагнулся бы поднять ее, а вот недоверчивый кассир приковал это подотчетное имущество к косяку своего окошка толстым электрошнуром, способным удержать на привязи и слона.

В трех шагах от окошка за маленьким колченогим столиком по-семейному обосновались Катя с Сашкой. Катя продавала билеты денежно-вещевой лотереи, а верный Сашка помогал ей и время от времени покрикивал угрожающим голосом:

— Кому «Волгу»?.. Мотоцикл кому?.. А вот «Волга»!..

Чуть ли не впервые в жизни Илья честно стоял

в очереди и все поглядывал на входную дверь, поджидая Тосю, которая вот-вот должна была прийти получать невеликий свой заработок. Если б его воля, Илья поднял бы Тосину зарплату до тысячи рублей… Даже до десяти тысяч — пускай тратит себе на здоровье.

Со знакомым скрипом приоткрылась дверь коммутатора, и в коридор выглянула Анфиса. Илья встретился с ней глазами и поспешно отвернулся. Посмеиваясь, Анфиса подошла к Илье и стала впереди него.

— Вечно без очереди норовят! — возмутилась пожилая Гавриловна, работающая судомойкой в столовой. — Тут с ревматизмом и то стоишь!

— Занимала она… — не очень уверенно сказал Илья. В контору бочком вошел Ксан Ксаныч и направился было к Наде, стоящей невдалеке от окошка, но когда на Анфису ополчилась языкастая Гавриловна, он поспешно юркнул в хвост очереди, убоявшись скандала. Надя приглашающе замахала ему, но Ксан Ксаныч только руками развел, показывая, что уж лучше он честно выстоит свою очередь, а то крику не оберешься.

Анфиса с Ильей шаг за шагом продвигались к кассе. Они не разговаривали и даже не смотрели друг на друга, как совсем чужие, случайно

встретившиеся в очереди люди. Вот они достигли заветного окошка. Расписались в ведомости, как и все до них, перепачкались чернилами — осторожная Анфиса поменьше, а Илья побольше. Получили деньги — Анфиса тощую пачечку, а Илья целый кирпич, стянутый полосатым банковским пояском матрасной расцветки, — и отошли от кассы.

— Я уж думала, ты меня из очереди вытуришь! — насмешливо сказала Анфиса и кивнула на близкую дверь коммутатора. — Зайдем, совсем ты ко мне дорогу забыл.

— Да все как-то некогда… — буркнул Илья и тут же сам устыдился своей лжи, глянул Анфисе в глаза: — Что ж нам в прятки играть? Небось и сама знаешь?

Анфиса наклонила голову, подтверждая, что добрые люди рассказали ей, как в последние дни он увивается вокруг поварихи и, по слухам, ничего не может от нее добиться.

— Слышала, Тоська из тебя веревки вьет?

Илья смутился, вяло запротестовал:

— Так уж и веревки?

— Даже канаты! Со стороны, Илюша, виднее. Я одного не пойму: ты все еще споришь на нее или теперь уж всерьез?

— Я и сам толком не разберу! — признался Илья. — Как-то перепуталось все…

Он поймал себя на мысли, что хорошо было бы поговорить о Тосе с каким-нибудь опытным, дружески расположенным к нему человеком: выложить все свои недоумения, посоветоваться, как вести себя дальше. Но открыться насмешнице и зубоскалке Анфисе — значило попросту предать то хрупкое, не до конца ясное, но уже чем-то непривычно святое для Ильи, что с каждым днем все крепче и крепче привязывало его к Тосе.

— И… нравится тебе такая жизнь? — с искренним любопытством спросила Анфиса, и в голосе ее прозвучала зависть — не зависть, а так, проснувшееся вдруг желание и самой испытать то неведомое, что чувствовал сейчас Илья.

В ответ Илья лишь руками развел, как бы говоря: «А что поделаешь?»

— Прямо подменила тебя Тоська! — удивилась Анфиса. — Был парень как парень, а теперь монах какой-то!.. И зачем тебе сдалась эта любовь? Ну, зачем? Вбил себе в голову!

— Да нету у меня никакой любви, и чего ты все выдумываешь?! — рьяно запротестовал Илья, готовый на все, лишь бы оградить и Тосю и свое — пока без названия — чувство к ней от наскоков

ехидной Анфисы. — Просто любопытная девчонка, я еще таких не встречал…

— Вот-вот, Илюша, с этого все и начинается!

Анфиса сочувствующими глазами глянула на непонятного ей сейчас Илью и поспешно отвернулась, чтобы не расхохотаться над его покорным видом.

— Ты не смейся! — угрожающе предупредил Илья.

— Прости, Илюша, но все-таки смешно, — мягко, как говорят с больными, сказала Анфиса. — Ты и Тоська — это ж надо вообразить! Такое учудил — на голову не наденешь!

— Ты Тосю не трогай! — запальчиво посоветовал Илья.

Анфиса-шутливо вздела руки:

— Не буду, не буду! Но ведь сам же говорил: «Недомерок»… Или мне тогда послышалось?

Илья тяжело переступил с ноги на ногу:

— Я тогда как слепой был…

— Вот теперь все понятно, — живо подхватила Анфиса. — Сослепу ты и ко мне на коммутатор хаживал!

— Да я вовсе не о тебе! — выпалил Илья, удивляясь, как трудно говорить ему сегодня с Анфисой.

— Не бойся, я не обиделась, — успокоила его

Анфиса. — Мне бы только понять: и чем она тебя приворожила? Женское любопытство, Илюша! Ты меня извини, но и смотреть-то ведь не на что…

Илья вдруг испугался, что после того как Анфиса еще разок-другой вдоль и поперек пройдется по беззащитной Тосе злым своим языком, он и сам невольно станет смотреть на Тосю глазами Анфисы. И тогда прости-прощай та несмелая радость, которая в последние дни зародилась в нем.

— А тебе не все ли равно? — злей, чем ему самому хотелось бы, спросил Илья, грудью становясь на защиту маленькой Тоси. — Тебе-то какая печаль? Ведь не любили мы с тобой, только время от скуки проводили… Скажешь, не так?

Анфиса нехорошо усмехнулась:

— Хоть и невеселая была наша любовь и ты мне не так уж нужен, а все-таки не привыкла я, чтоб первую меня бросали. Женская жадность, Илюша! А насчет скуки ты это тонко подметил…

Илья расслышал в привычно колких словах Анфисы подспудную обиду и пожалел, что сгоряча оскорбил ее. И чего он с ней развоевался? Последнее это дело — ругаться с женщиной, от которой уходишь. Да и делить им вроде бы нечего… Ему тут же захотелось как-то утешить Анфису, может

быть, даже попросить у нее прощения. Но Илья на своем веку еще ни у кого прощения не просил, тем более у женщин, и в глубине души считал такое малопроизводительное занятие слюнтяйством, недостойным настоящего парня. И сейчас он легко переборол все покаянные свои мысли и лишь сказал примирительно:

— Ты вот что, не лезь-ка в бутылку.

Но не избалованной лаской Анфисе даже и этой грубоватой малости, кажется, было уже достаточно. Она мельком глянула на Илью, и привычные насмешливые огоньки в ее глазах погасли, будто она прочитала все его подпольные добрые чувства к ней.

— Мог бы и предупредить, раз такое дело, — без прежней злости сказала она. — Мешать тебе я не стала бы, не бойся… Не ты первый, Илюша! Ведь все вы со мной только так, до поры до времени, а как чего покрепче захочется — так ищите на стороне какую-нибудь Мусю или… Тосю! Мне не привыкать.

И такая застарелая тоска прозвучала в ее голосе, что Илье стало как-то не по себе, как всегда бывало с ним, когда он смутно чувствовал, что должен сейчас же сделать что-то, а что именно — и сам не знал.

— Опять ты на себя поклеп возводишь, — неуверенно проговорил он.

И тут с улицы в контору вбежала веселая Тося, крикнула:

— Сашок, приготовь мне самый счастливый билет! — и стала в очередь.

Она огляделась вокруг, заметила в глубине полутемного коридора Илью с Анфисой и отпрянула, будто налетела с разбегу на стену. Тося попробовала отвернуться, чтобы не видеть подлого бабника, но глаза ее вдруг забастовали и отказались подчиняться. Одно дело было знать, что в стародавние времена, еще до ее приезда в поселок, у Ильи что-то там такое было с Анфисой и он, кажется, даже «крутил» с ней. И совсем другое — увидеть собственными глазами, как стоят они рядышком на виду у всех, нежно смотрят друг на друга и болтают о чем-то бесстыжем.

Сперва Тося решила, что они говорят о ней, перемывают ей косточки и Илья-изменщик, посмеиваясь, рассказывает Анфисе, какая Тося дуреха: всему верит и чуть ли не кидается ему на шею. Но, присмотревшись получше, Тося поняла, что ошибается: Илья с Анфисой говорили о чем-то своем, сокровенном, а про нее и думать забыли. Нужна она им была, как же! И они совсем

не смеялись: чего не было, того не было. Но уж лучше бы они хохотали до упаду, чем вот так нежно и доверчиво смотреть друг на друга. Тося была уверена, что на нее Илья никогда еще так не смотрел!

Тосю поразила какая-то новая, незнакомая ей грустинка в лице и во всем облике счастливой соперницы. Анфиса и красива была сейчас как-то по-новому, и от зоркой Тоси не скрылось, что эта новая, более умная, что ли, красота Анфисы была еще привлекательней ее прежней, яркой и чуть-чуть бездумной красоты. И опять, как когда-то на танцах в клубе, Тося рядом с Анфисой против воли почувствовала вдруг себя человеком как бы второго сорта, чуть ли не домработницей у распрекрасной Анфисы.

«Нет уж, дудки! — разозлилась Тося. — Такому никогда не бывать!»

Катя перехватила мрачный Тосин взгляд, толкнула локтем Сашку в бок и повела головой в сторону Ильи с Анфисой. Чтобы хоть немного развеять похоронные Тосины мысли, сердобольный Сашка завопил на всю контору:

— Кому «Волгу» за три рубля?!

Катя сидела ближе к Илье с Анфисой, но при всем своем любопытстве сумела разглядеть лишь,

что они стоят рядом и, как встарь, о чем-то дружески болтают. А обостренные молодой любовью и первой жгучей обидой глаза Тоси различили, что Илья испытывает сейчас к Анфисе признательную нежность и она тоже благодарна ему за какие-то добрые слова, только что сказанные им.

По всему видать, они оба знали о жизни что-то такое, о чем Тося еще и понятия не имела. Она вдруг как-то разом догадалась, что Илью с Анфисой связывает большее, чем простая дружба. Они были похожи сейчас на мужа с женой, встретившихся после размолвки, еще не успевших окончательно примириться, но уже протянувших друг другу руки.

Тося увидела всю их взрослую любовь — до самого дальнего и тайного закоулка. И рядом с этой уже все испытавшей, привычно-бесстыжей любовью Тося самой себе показалась вдруг зеленой девчонкой-школьницей — со всеми своими полудетскими мечтами о любви-дружбе с Ильей и осторожными прикидками: позволить Илье сегодня поцеловать себя или еще повременить…

И Тося разом сверзилась с заоблачных высот, куда она самозванно вскарабкалась в последние дни. У нее даже дух захватило и в ушах зашумело от головокружительного своего падения.

Ей даже и не себя жалко было сейчас, а того чудесного праздничного чувства своей полноправности, которое прижилось в ней в последние дни. Как-то незаметно для себя Тося привыкла считать, что она нужна другому человеку и сравнялась теперь со всеми счастливыми девчатами, которых любят в Сибири и на Украине, в Китае и в Америке, в близкой Болгарии, на далекой Кубе и… какие там еще есть страны?..

Катя покинула своего Сашку и подошла к Тосе.

— У них давно это, — сказала она с довольным видом. — Я же тебе говорила!

— Ты всегда правду говоришь… — вяло согласилась Тося.

Обидная догадка настигла вдруг Тосю: ясное дело, Илья потому и вертелся в последнюю неделю возле нее, что Анфиса дала ему отставку. А теперь стоило только Анфисе поманить этого бабника — и он сразу же снова переметнулся к ней.

Злая, не по-девчоночьи жгучая обида ударила Тосе в сердце, неведомой раньше женской болью отозвалась там. Вот она когда пришла к ней, долгожданная ее взрослость! Чем так приходить — уж лучше бы Тосе на всю жизнь остаться несмышленой девчонкой…

— Ой, что с тобой, подруженька? — испугалась

Катя, увидев, как запрыгали вдруг губы Тоси и кровь отхлынула от ее лица. — Да не переживай ты так, все мужики такие… — Катя покосилась на верного Сашку, торгующего лотерейными билетами, и тут же внесла срочную поправку в свое обобщение: — Один вот Саша не такой!

— Ну погоди же, погоди! — мстительно шептала Тося. — Узнает он у меня! Я ему припомню… За всех женщин отомщу!

Любовь к истине пересилила в Кате жалость к обманутой подруге, и она усомнилась:

— За всех женщин? Ну и масштабы у тебя, Кислица!.. Да что ты ему сделаешь? — Склонив голову набок, Катя старательно задумалась, прикидывая все Тосины возможности, и сама же ответила за Тосю: — И ничего ты ему не сделаешь!

— А вот увидишь! — пообещала Тося. — В рыбку вытянусь, а докажу!

Катя с великим сомненьем глянула на маленькую и решительную Тосю, но промолчала, чтобы зря не обижать несчастную девчонку.

На прощанье Анфиса сказала Илье:

— Ты все-таки при случае заходи… по старой памяти. Я тебя не съем и… даже целовать без спросу не стану, так что убытку тебе — никакого!

— Опять ты за старое? — упрекнул Илья.

— На том стоим!.. Хотела пригласить тебя сегодня к механику новые пластинки слушать, так ты ж теперь не пойдешь?

Илья качнул головой.

— Где уж тебе теперь! — согласилась Анфиса. — А жаль: там такие мотивчики есть — закачаешься!

Кажется, она жалела уже, что раскрылась перед Ильей больше, чем хотела, и теперь снова натягивала на себя привычную личину.

— Весело живешь, — сказал Илья.

— Так я ж не влюбленная! — прямо в лицо Илье с вызовом бросила Анфиса, легко повернулась на каблуках и ушла к себе на коммутатор.

А Илья шагнул к кассе. Глаза его сразу же выхватили из очереди незаметную Тосю, и он поспешил к ней — улыбающийся, на всю жизнь красивый, не чувствующий за собой никакой вины. Если бы Тося сама не видела, она ни за что не поверила бы, что он только что напропалую любезничал с красоткой Анфисой. Это лицемерие доконало Тосю. Она поскорей сцепила пальцы в прочный замок, боясь, что не совладает с собой, кинется к подлому обманщику и выцарапает бесстыжие его глаза.

Илья почуял неладное.

— Тось, чего это ты?

Он дружелюбно протянул руку. Тося согнутыми руками изо всей силы ударила его по запястью и сказала ледяным голосом:

— Отстань ты от меня, и ч-чего привязался? Я т-тебя в упор не вижу, п-понятно?

Илья насупился, заподозрив, что Тося разузнала кое-что о дурацком споре с Филей. Тося заметила испуг в его глазах и подумала с мстительной радостью: «Что, несладко?» В очереди зашептались, с пяток любопытных голов повернулись к ним. Катя замерла на полпути к лотерейному столику и добросовестно глазела на Тосю, ожидая, когда та начнет мстить за всех женщин. Помедлив, Илья несмело подался вперед.

— Не подходи, а то взорвусь! — честно предупредила Тося.

Она расслышала неприятный бабий визг в своем голосе, но даже этот противный, унижающий ее достоинство визг отнесла на счет ненавистного человека, которого она опрометчиво чуть было не полюбила.

Илья придвинулся на полшага, Тося отпрыгнула и драчливо выпалила:

— И на кухне чтоб ноги твоей больше не было! А то… ложки пропадают!

— Ложки?! — взревел Илья, оскорбленный в лучших своих чувствах. — Ну, знаешь…

Он легко, как докучливую ветку на лесной тропе, отстранил Тосю, прогрохотал сапогами к выходу и, срывая свою злость, так оглушительно хлопнул дверью, что робкий Ксан Ксаныч, расписывающийся в ведомости, уронил ручку, а в окошко испуганно высунулся недоверчивый кассир, опасаясь за целость и сохранность своих финансов.

Катя подбежала к Тосе.

— Ловко ты его! — похвалила она подругу. — Я просто горжусь тобой, за всех девчат горжусь! — В порыве женской солидарности Катя обняла Тосю и стиснула ее плечи. — Радуйся, Кислица, упекла ты его!

— А я и радуюсь… — уныло отозвалась Тося, не спуская глаз с ручки, маятником качающейся на шнуре и роняющей чернильные кляксы на пол.

ПРОЩАЙ, КУЛИНАРИЯ!

Сашка с Ильей ходили по женскому общежитию и агитировали девчат, работающих в поселке, записываться в лесозаготовительные бригады. Сашка больше всего нажимал на сознательность, а Илья соблазнял высоким заработком.

— Еще бы одну барышню сагитировать — и поручение побоку, — сказал Сашка, выходя в коридор.

Илья поднял было руку, чтобы постучать в дверь комнаты, где жили наши девчата, но тут же отдернул руку, будто ожегся, и попросил приятеля:

— Стучи ты…

— А здорово тебе Тося насолила! — подивился Сашка и плечом толкнул дверь. — Гостей принимаете?

Все девчата были в сборе, не хватало лишь Тоси. Надя в своем семейном углу кормила ужином Ксан Ксаныча. Вера щелкала на маленьких ученических счетах, подбивая месячный итог работы верхнего склада. Катя с Анфисой сидели

за столом друг против друга и пили чай — каждая со своим припасом.

Илья обежал комнату глазами и уперся взглядом в цветастые картинки. Он сразу догадался, будто его кто в бок толкнул, что пестрая галерея эта — дело Тосиных рук. И удивляться тут, собственно, было нечему: что-нибудь такое вот нелепое он и ожидал увидеть над койкой этой зеленой девчонки. Ей в куклы еще играть, а она из себя взрослую корчит!

— Вот что, девчата, — сказал Илья, спеша провернуть все общественные дела до прихода Тоси. — Времени у нас мало, да и агитаторы мы с Сашкой липовые, так что вы сразу соглашайтесь…

— Правильно! — подхватил Сашка. — Нечего тянуть, дело ясное, записывайтесь.

Сашка присел к столу и выложил перед собой блокнот.

— Да куда записываться-то? — спросила Катя, подвигая к Сашке пачку с печеньем. — Тоже мне, агитаторы!

Приятели переглянулись, недоумевая, как это они до сих пор не объяснили цели своего прихода. Сашка похрустел печеньем во рту, откашлялся и зачастил привычной скороговоркой человека, которому сегодня приходится в десятый раз по-

вторять одно и то же:

— Не справляются в лесу на обрубке сучьев. Сами знаете, сколько снегу навалило. А многие комсомольцы в конторе прохлаждаются. Вот нам с Ильей и поручили выровнять это дело. Учтите, каждый комсомолец полтора процента тянет. В других комнатах записались, теперь вы давайте… — Для большей убедительности Сашка похлопал по блокноту с записями и оглядел девчат. — Ну, к Вере Ивановне и Кате это не относится, они и так в лесу работают. Надя — несоюзная молодежь. Значит, остается Анфиса… Слышь, Анфиса, переходи на основную работу!

— А чего я там потеряла? — спросила Анфиса. — Мне и на коммутаторе неплохо.

Сашка разочарованно посмотрел на Илью, не зная, с какого боку лучше подойти к заупрямившейся Анфисе.

— А может, все-таки пошла бы? — неуверенно предложил Илья.

Ему и молчать не хотелось, чтобы Сашка с девчатами не подумали, что он выгораживает Анфису, и язык у него как-то не поворачивался агитировать ее. Простые слова, которые он только что со спокойной душой говорил в других комнатах, совсем не подходили к Анфисе,

теряли почему-то свой убедительный смысл. Илья припомнил главный свой козырь и вяло, по обязанности, сказал:

— Кроме всего прочего, учти: в лесу и заработок больше… Вот Катя не даст соврать.

— И правда, Анфиска, записывайся, — вступила в разговор Катя, пододвигая к Сашке кружку с чаем. — Силенка у тебя есть, будешь не меньше меня выколачивать.

— Мне и так денег хватает! — уперлась Анфиса.

— Эх, нету у тебя рабочей гордости! — пожалел Сашка. — Ладно, ты подумай, а я пока чаю попью.

— Агитируешь со всеми удобствами! — съязвила Анфиса и ушла в свой угол.

Илья недружелюбно покосился на нее. Хотела этого Анфиса или нет, но в нежелании ее идти на работу в лес сквозило обидное для Ильи пренебрежение к тем, кто давно уже там работал, а значит, и к нему. Впервые он подумал, что Анфиса не такая, как другие девчата: те никакой работы не боятся, а она все выгадывает, ищет свою окольную тропку в жизни. Илья отвернулся от Анфисы и стал разглядывать яркие натюрморты над Тосиной койкой.

— Ну, записывать, что ли? — нарочито бодрым голосом спросил Сашка.

В коридоре послышался мягкий топот валенок, дверь в комнату распахнулась, и на пороге выросла румяная с мороза Тося. Она скользнула взглядом по сразу поскучневшему лицу Ильи, заметила в руке Сашки карандаш над блокнотом и решила, что проворонила что-то очень интересное и поспела только к шапочному разбору. По молодости лет Тося считала, что все самое заманчивое в жизни происходит где-то в другом месте — там, где ее нет.

— Сами записываются, а про меня небось забыли! — с ходу упрекнула она подруг. — Пиши и меня, Сашок, нечего зажимать! — Тося подошла к столу, склонилась над Катей, запоздало спросила: — Это куда записывают?

— На работу в лес.

— А-а… — разочарованно протянула Тося. — А я думала… Тогда не надо, Сашок, я и так в лесу работаю.

Илья сердито посмотрел на балаболку Тосю и сказал наставительно, чтобы она не равняла себя с ним:

— Ну, ты-то, положим, хоть и в лесу работаешь, а все-таки не на основной работе!

— То есть как это не на основной?! — опешила Тося. — Вы же сами с Сашкой каждый день обед мой лопаете, да еще и добавку берете, а теперь — «не на основной»… Ты эти штучки брось, нечего личные счеты сводить!

Илья смущенно крякнул и отошел от стола.

— Разные это вещи, — пояснил Сашка, приходя на выручку Илье. — Повариха ты хорошая, спору нет, а все-таки работа твоя подсобная. На основной люди лес заготовляют, кубики дают…

— Кубики? Посмотрела бы я, как ты, не пообедав, дашь кубики!.. Новое дело: выходит, вы все коммунизм строите, а я так себе, сбоку припеку? Теперь понятно, почему некоторые меня всерьез не принимают… Несогласная я! Пиши и меня на основную, буду кубики давать.

— Тоська, не дури! — попробовала остановить ее Катя.

Сашка спокойно пил чай и что-то не торопился записывать Тосю. А Илья вдруг поймал себя на том, что против воли сочувствует этой настырной девчонке, которой хоть кол на голове теши, а она от своего не отступится.

— Кому я говорю, записывай! — скомандовала Тося, вырывая из Сашкиных рук недопитую кружку чая. — Это самое… изъявляю желание!

— Вот дуреха! — подивилась Анфиса.

Они стояли рядом, как бы давая Илье возможность еще раз сравнить их и выбрать более достойную. Илья перевел глаза с маленькой, невидной Тоси на красивую Анфису и посоветовал ей:

— Чем других отговаривать, лучше сама записалась бы.

— А ты сагитируй меня, зажги энтузиазмом! — потребовала Анфиса.

Илья безнадежно махнул рукой:

— Тебя зажечь — во всем нашем лесу дров не хватит!

Тося одобрительно хмыкнула, радуясь, что даже Илья раскусил красотку Анфису. А Сашка насупился, не зная, как им быть. Все шло совсем не так, как он рассчитывал: сильная Анфиса наотрез отказалась от работы в лесу, и даже с маломощной Тосей выходило как-то нескладно. Она запросилась на основную работу не потому, что осознала свой комсомольский долг, а из-за смешной девчоночьей обиды.

— Да не слушайте вы Тоську! — сказала Катя. — И чего такая кнопка сможет в лесу наработать?

— Чего-чего… — не на шутку обиделась Тося. — Да хотя бы сучья рубить.

— Ты топор-то не поднимешь!

— Еще как подниму! — не сдавалась Тося и лихо взмахнула спаренными руками, показывая, как станет она рубить сучья. — Как стукну по сучку — так и полетит к чертовой бабушке! Ты думаешь, с котлами легче возиться? Пойди попробуй… — Ища поддержки, Тося затравленно огляделась вокруг. Сердобольный Ксан Ксаныч одобряюще улыбнулся ей. — Ведь правда, Ксан Ксаныч?

— Оно конечно… — забормотал Ксан Ксаныч, боясь покривить душой и в то же время желая помочь доверившейся ему Тосе. — Котлы, они тоже разные бывают. Вот я в прошлом годе один лудил — чуть грыжу не нажил…

— Слышите? — торжествующе спросила Тося. — Ксан Ксаныч врать не станет! Пиши, Сашок, чего там…

Тося подхалимски долила Сашке чаю в кружку и бросила туда большой кусок сахару из Анфисиного кулька.

— Ладно, — сдался Сашка, отхлебывая чай, — все-таки полтора процента… А не получится у Тоси — мы ее обратно переведем.

— У меня да не получится? — возмутилась Тося. — Пиши: Кислицына Анастасия Поликарповна.

— Поликарповна? — удивился Сашка, записы-

вая Тосю в свой потрепанный блокнот. — Вот не думал, что у тебя такое смешное отчество.

Тося терпеть не могла, когда хоть самую малость задевали ее отца.

— Отчество как отчество, не хуже иных прочих, — строго сказала она и посмотрела на Илью, ожидая от него нападок.

Илья торжественно наклонил голову, впервые после ссоры в кассе соглашаясь с Тосей.

— Анфиса, как, не надумала? — спросил Сашка. — Снег стает — опять к своему «але-але» вернешься.

Он смотрел на Анфису, взывая к ее совести, и не видел, как за его спиной Надя убрала посуду в тумбочку, смела крошки в ладонь и вдруг решительно шагнула к столу:

— А беспартийным можно?

Вера перестала щелкать на счетах — и в комнате сразу стало тихо. Лишь ходики беспечно щебетали на стене да с узкоколейки донесся далекий гудок паровоза.

— Вот всегда она так, — пожаловалась Анфиса. — Молчит-молчит, а потом и брякнет!.. Ты на кого коммутатор бросаешь?

— Найдутся желающие телефон караулить, — отмахнулась от нее Надя. — Ну, так как же,

можно мне?

Ксан Ксаныч вскочил и затоптался на одном месте — как всегда в минуты волнения.

— Надюша, и чего ты надумала? — упрекнул он невесту. — Мы и так денег на мебель скопим, я на сверхурочных подработаю…

— Да не из-за мебели я, — тихо ответила Надя, стыдясь, что при всех подвела Ксан Ксаныча. — Просто времени свободного на коммутаторе слишком много: разные мысли лезут в голову…

— Вот чудачка! — удивилась Анфиса. — Времени свободного испугалась.

— Пишите, — упрямо сказала Надя и выбросила крошки в помойное ведро.

Тося захлопала в ладоши:

— Молодец, Надежда! Мы всем канцелярским крысам покажем, как надо работать!

Илья переглянулся с Сашкой.

— Что ж, — вслух подумал Сашка, — процента это нам не даст, потому — несоюзная молодежь, но я тебя поздравляю, Надя.

Он встал из-за стола и с чувством пожал руку Наде. Вслед за ним пожал Надину руку и Илья.

— А что же агитаторы меня не поздравляют? — обидчиво спросила Тося и первая протянула руку Сашке.

— Требование законное, — согласился Сашка, любящий во всяком деле справедливость и порядок.

Он утопил в богатырской своей ручище Тосину ручонку и бережно, в четверть силы, припечатал ее большим пальцем. За ним, честно выполняя долг агитатора, к Тосе подошел Илья. Пристально глядя Тосе в глаза, он изо всех сил сдавил ее руку. Тося мужественно выдержала свирепое его рукопожатие и лишь потом украдкой пошевелила слипшимися пальцами.

— Терпеливая! — похвалил Илья и с новым интересом посмотрел на Тосю: ему вдруг показалось, что он многого еще о ней не знает.

А Тося в последний разок полюбовалась бравыми натюрмортами над своей койкой и стала безжалостно сдирать их со стены.

— Прощай, кулинария!

ТРУДНЫЕ ЕЛКИ. КАПУСТА НА СНЕГУ

Давно уже известно, что все в жизни связано между собой.

Записываясь на основную работу, Тося меньше всего думала о том, кто придет ей на смену. И пожилая Гавриловна, с незапамятных времен работающая судомойкой в поселковой столовой, не очень-то интересовалась Тосей и молодым ее нежеланием быть в жизни подсобницей. Они жили рядом, чуть не каждый день встречались друг с другом, и Гавриловна даже не подозревала, что эта маленькая самоуверенная девчонка, которую все почему-то хвалили, подложит ей свинью.

На другой же день после опрометчивого Тосиного поступка тихая биография Гавриловны дала трещину: пожилую судомойку срочно произвели в повара и назначили на место, кинутое Тосей. А Гавриловна, надо сказать, была совсем не честолюбива и без всякой охоты сменила неноменклатурную свою должность в обжитой поселковой столовой на пост начальника дикой Тосиной избушки.

И утром третьего дня тепло одетая, неуклюжая Тося уже передавала великанский кухонный инвентарь новой поварихе:

— Миски тут, ложки-вилки здесь, ножей не полагается… Чего-чего, а дров хватает! Воду из дальней полыньи берите, вкуснее… А порции побольше, чем в столовой, делайте: они у меня к добавкам привыкли, на свежем воздухе работают… Ну, ни пуха вам, ни пера, а я пошла на основную!

Вскинув на плечо тяжелый топор, Тося побежала по узкой тропке вслед за Надей.

С наступлением зимы все девчата, работающие в лесу, облачились в ватные фуфайки и такие же брюки, заправленные в валенки. А поверх теплых, удобных в работе брюк ненужно и смешно топорщились юбки — короткие, ничуть не греющие, — не одежда уже, а так, всего лишь привычная примета пола, с которой девчата не решались расстаться, словно боялись, что их примут тогда за парней.

Закусив губу, Тося обрубала сучья с поваленных Ильей деревьев. Рядом с ней работала Надя. Там, где сильная Надя била топором один раз, Тосе приходилось тюкать два-три раза. С соснами и березами она еще кое-как справлялась, а ветвистые

елки вгоняли ее в пот.

Надя по-мужски крякала при каждом ударе, и Тося, присмотревшись к ней, тоже начала крякать. Неумело подражая Наде, она с трудом поднимала тяжелый топор, громко крякала, вкладывая в солидный звук всю свою силу, а затем уж, обессиленная, вяло опускала топор на сучок.

— Да не хэкай ты без толку! — посоветовала ей Надя. — Это само потом придет. Умора с тобой, лешак тебя возьми.

Срубленные сучья Тося по снежной целине подтаскивала к костру. Там, где другим обрубщицам было по колено, маленькой Тосе — по пояс. Она уже набрала снегу в валенки, откинула на спину платок, расстегнула ватник, но не сдавалась и, подзадоривая себя, воинственно бормотала только что сложенный стишок:

Основная работенка,
Не боюся я тебя!

Илья работал неподалеку и хорошо видел, что Тосе приходится несладко. Он и жалел ее немного, но больше злился на глупую девчонку, которая из упрямства взялась не за свое дело и теперь мучается. Ему казалось, что вот-вот Тося свалится в сугроб и больше уж не встанет. Но время шло,

а Тося все еще держалась. Экономя силы, она теперь уже не крякала, а отрубленные ветки приноровилась таскать по волокам, проложенным другими девчатами.

«Соображает!» — одобрительно подумал Илья и подошел к Тосе.

— На вот… — сказал он с незнакомой ему прежде хмурой робостью, протягивая Тосе маленький топор. — Мой способней будет…

— Спасибочко! — Тося охотно схватила острый топорик, легко отсекла сучок и похвалила: — Веселый у тебя топоришко!

— Я тоже парень не скучный…

— Да уж! — Тося презрительно махнула рукой. — Ты лучше не гони так, а то закусил удила… Ведь в одной бригаде работаем.

Илья никак не мог упустить такого удобного случая, чтобы не поддеть Тосю.

— Что-то не пойму я тебя! Позавчера ты рвалась коммунизм строить, а сегодня — в кусты? Ведь план, понимаешь, план?! — Илья похлопал себе по шее. — То у тебя сознательности больше, чем надо, а тут рассуждаешь, как самый настоящий отсталый элемент!

Тося хотела обидеться на Илью, но собственная ее вина была настолько велика и очевидна, что

она только тяжело вздохнула и призналась:

— О плане я не подумала…

С детских лет Тося привыкла, что всякий план надо обязательно выполнять, и по тому, как люди у нас в стране выполняют план, они делятся на хороших и плохих: хорошие всегда план выполняли и даже перевыполняли, а плохие под всякими предлогами норовили его недовыполнить. И теперь она ужаснулась, что по легкомыслию чуть было не подняла руку на Всемогущий План.

Илья заметил испуг в Тосиных глазах и пожалел, что так уже крепко навалился на безалаберную девчонку.

— Зря ты с кухни ушла, — буркнул он, пряча за сердитым тоном все свои добрые чувства к Тосе, которая ни с того ни с сего испортила вдруг себе жизнь.

— И ничуть не зря! — заупрямилась Тося. — Я приноровлюсь, вот увидишь.

— Цыган тоже кобылу приучал, — напомнил Илья.

— Сам ты цыган! — выпалила Тося.

Илья поспешно схватил тяжелый топор, забоявшись, что Тося раздумает теперь меняться, и пошел прочь, кляня ее за неуживчивый характер.

— Поговорили? — ехидно спросила любопытная Катя.

— Угу…

— Ой, смотри, Тоська! Сдается мне, ты все забываешь, что он бабник… — Катя посмотрела на Тосю долгим прокурорским взглядом. — Хочешь, я кашлять буду, чтоб помнила?

— Кашляй, если горла не жалко, — милостиво разрешила Тося. — А только запомни: влюбляться я пока не собираюсь. Просто я его… перевоспитываю… Ну да, перевоспитываю! — тверже прежнего сказала Тося, уверовав вдруг в тайный свой замысел. — Хочу человека из него сделать!

— Одна вот так же перевоспитывала-перевоспитывала, а потом матерью-одиночкой стала!

— Не говори глупостей! — обиделась Тося. — Вот смотри, как я с ним… — Она подбоченилась, набрала полную грудь воздуха и требовательно крикнула, демонстрируя перед Катей свою власть: — Эй, Илюха!

— Чего тебе? — недовольно отозвался Илья.

— Иди сюда, не бойся!

Тося подмигнула Кате, которая во все глаза глядела на маленькую девчонку, измывающуюся над первым парнем в поселке.

— Ну? — хмуро спросил Илья, останавливаясь

на полпути к Тосе.

— Ты чего вредничаешь?! — накинулась на него Тося, не давая ему опомниться и собрать всю свою запропавшую куда-то сноровку бабника.

— Я вредничаю? — опешил Илья.

За легкий свой топорик он всего ожидал от привередливой Тоси, но только не упреков!

— Все елки да елки! — пристыдила его Тося. — Вали больше сосен, а елок поменьше. Уж больно ветвистые они! Пока обрубишь все сучья да стащишь…

— Так это ж не от меня зависит! — удивился Илья сумбуру в Тосиной голове. — Лес тут смешанный…

— А ты постарайся! — настаивала Тося.

Она смутно догадывалась уже, что сильному Илье доставляет удовольствие помогать ей, и хотела до самого дна использовать свое право слабого.

— Вот не было печали!.. — буркнул Илья.

Катя громко закашляла, боясь, что Тося по молодой своей забывчивости опять запамятовала, какой опасный Илья человек. Тося успокаивающе помахала верной подруге рукавицей и потребовала у Ильи:

— Раз сагитировал, так помогай!

Она уже почувствовала какую-то непонятную власть над Ильей и по женской своей природе бессознательно спешила закрепить эту заманчивую власть, приучить к ней Илью, чтобы не было ему ходу назад. При всем том Тося была убеждена, что делает все это для его же пользы — выводит на правильную дорогу заблудившегося в жизни человека. А мириться с Ильей-бабником она и не думала: зачем он ей такой, после Анфисы?

Илья сразу же ощутил Тосин аркан на своей шее, побоялся навеки утерять свою независимость и попробовал взбунтоваться:

— Кто тебя агитировал? Ведь сама напросилась!

Тося со скучающим видом слушала Илью, будто читала все его невысказанные мысли и заранее знала, что ничего нового он ей не скажет.

— Все у тебя не как у людей… — уже сдаваясь, признавая Тосину власть над собой, проворчал Илья для виду и ушел валить деревья во славу Тоси.

Торжествуя победу, Тося похвасталась Кате:

— Я с него семь шкур спущу!

— Ну и ну!.. — только и сказала Катя. Откровенно говоря, Кате больше нравилось, когда с Тосей случалась какая-нибудь беда и ее можно было

жалеть, учить уму-разуму и чувствовать над ней свое превосходство. А вот такая, вознесшаяся выше всех девчат в поселке, она даже неприятна была Кате, как наглядное свидетельство того, что можно жить совсем по-другому, чем собиралась прожить свой век Катя.

— Слепой сказал: увидим! — спряталась она за поговорку и бросила смолистую ветку в костер.

Мерзлая хвоя жарко затрещала и разбудила мастера Чуркина, клюющего носом на пенечке.

— Поднажмем, ребятушки! — крикнул Чуркин хриплым голосом.

— Да не ребятушки мы, а девчатушки, — поправила мастера Катя, которая, полюбив Сашку, незаметно для себя прониклась его нетерпимостью ко всяческим ошибкам и непорядкам.

Чуркин почесал в затылке, философски изрек:

— Все едино! — вытащил часы-блюдце и покосился на солнце.

Признаться, Тося не очень-то надеялась, что Илья сразу же послушается ее. Но он, нарушая все правила, стал валить лишь сосны и лиственные деревья, а трудные для Тоси елки обходил стороной, будто и не росли они на делянке.

— Это что еще за выборочная рубка? — загремел Чуркин. — Кончай фокусы, Илюха!

И пришлось Илье вернуться к пропущенным елкам и спилить их все до единой.

Гавриловна неумело заколотила топором в буфер. Выстроившись цепочками, лесорубы заспешили по тропкам к навесу — молодые, вволю наработавшиеся, проголодавшиеся.

Разом несколько ложек нырнуло в миски. Отведав щей, приготовленных новой поварихой, лесорубы недоуменно переглянулись. Общее мнение выразил Филя.

— Да, — сказал он, выплескивая щи на снег, — в ресторане она не работала!

Кругом зашумели:

— Да это пойло какое-то!

— Я сам лучше сварю!

— Ну и повариха!

Вслед за Филей многие лесорубы выплеснули щи и пошли за кашей. Лохмотья капусты валялись на снегу, исходя паром.

И вторым своим блюдом Гавриловна не угодила лесорубам.

— Сырая каша!

— И пригорела!

— Наша Тося лучше готовила!

Растерявшаяся Гавриловна вспомнила Тосины наставления и совсем некстати предложила:

— Может, кто добавки хочет?

— Сама ешь! — сердито посоветовал Филя, всухомятку жуя хлеб. — Это ж смех: до старости дожила, а щи не умеет сготовить!

Почуяв, что в воздухе запахло скандалом, Длинномер и еще один парень из ватаги — Мерзлявый — стали за спиной своего атамана.

— Теперь понятно, почему мужик ее на сплав подался, — сказал Длинномер, развивая мысль Фили.

— Интеллигенцию из себя корчит! — подхватил Мерзлявый: помимо главного своего качества, отмеченного прозвищем, он был известен еще в поселке застарелой неприязнью ко всем поголовно интеллигентам.

— Постыдились бы, она вам в матери годится, — вмешался Сашка, чувствуя себя неловко, как всегда, когда ему приходилось призывать к порядку своих товарищей по работе и друзей детства.

Длинномер с Мерзлявым разом перевели глаза на атамана, ожидая команды: стыдиться им или можно еще повременить. Филя, не любящий скандалить на голодный желудок, молча пододвинул к себе миску с хлебом. Парни переглянулись и разом запустили руки в хлебницу.

И другие лесорубы последовали их примеру, живо расхватали весь хлеб и отошли от кухни. Ксан Ксаныч заботливо положил перед Надей здоровенный ломоть, выхваченный из-под носа зазевавшегося Длинномера, вынул из кармана кисет с махоркой и тонко пошутил:

— После сытного обеда можно и закурить…

Лишь четверо остались за столом. Сашка смущенно покрякивал и листал свой блокнот, куда он позавчера так необдуманно записал Тосю. Надя сосредоточенно ела хлеб, время от времени сдабривая его ложкой забракованных всеми щей, и вид у нее сейчас был такой будто она не обедала, а делала очередную работу. На другом конце стола рядышком, как добрые друзья, сидели Тося с Ильей, искоса поглядывая друг на друга, и полоскали ложки в мисках.

Мастер Чуркин поскользнулся на капусте, щедро разбросанной вокруг кухни, обескураженно сказал;

— Дела-а!.. — и почесал в затылке.

АНФИСА ВСТРЕЧАЕТ ДЕМЕНТЬЕВА

Грузовик обогнал Анфису, идущую на дежурство, и остановился у гаража. Из кабины вылез молодой инженер Дементьев, назначенный в лесопункт технорук. На нем — высокие охотничьи сапоги и новенькая велюровая шляпа, сбитая на затылок.

Дементьев вынул из кузова чемодан и огляделся по сторонам, не зная, куда идти.

— Где тут у вас контора? — спросил он у Анфисы, поравнявшейся с грузовиком.

Анфиса обернулась — и лицо молодого инженера разом посветлело. Машинально он провел рукой по небритой щеке.

— Идемте, я покажу, — предложила Анфиса, довольная произведенным ею впечатлением.

По дороге Дементьев украдкой разглядывал красивую Анфису.

— Вы кем здесь работаете? — поинтересовался он.

— Я… артистка, — неожиданно для себя сказала Анфиса, сама не понимая, зачем понадобилась ей

эта ложь. — В театре поручили мне роль девушки из лесного поселка, вот я здесь и вживаюсь в образ.

— Вот оно что! — уважительно проговорил Дементьев и добавил с изрядной долей разочарования: — А я думал, вы здесь работаете… И долго вам еще осталось… вживаться?

— Теперь уж немного. Узнаю только, как девчата в лесных поселках влюбляются, — сразу уеду… — фантазировала Анфиса. — А шляпу, между прочим, не так носят. — Бесцеремонно, на правах артистки, она поправила шляпу на голове инженера. — Вот так лучше будет.

— А я их никогда не носил! — признался Дементьев с внезапной откровенностью человека простого и доверчивого, готового при случае посмеяться над своим незадавшимся щегольством. — Знаете, купил для солидности! Глупо, конечно… Я ведь только в прошлом месяце институт окончил.

Анфиса с любопытством посмотрела на инженера.

— Зачем вы все это рассказываете? — удивилась она. — Ведь вам же это невыгодно.

— А чего там! — со смехом ответил Дементьев. — Видно птицу по полету.

— Вот и пришли. — Анфиса показала на двухэтажное здание конторы. — До свиданья.

— Как, уже? — вырвалось у Дементьева. — До чего же маленький поселок!.. Мы так и не познакомились.

Он поставил чемодан на снег и протянул руку. Оглушив Дементьева с Анфисой визгом, по улице промчалась стая мальчишек, вооруженных деревянными саблями.

— В Чапаева играют, — со знанием дела сказал Дементьев и задержал руку Анфисы в своей. — Вы в областном театре работаете?

— В областном… — не очень-то уверенно ответила Анфиса, начиная жалеть уже, что пустилась на этот ненужный ей обман.

Преследуемый своими дружками, Петька Чуркин пулей пролетел между Анфисой и Дементьевым, разъединив их руки.

— Шустрый постреленок! — кисло похвалил Дементьев и пообещал Анфисе: — Буду в городе — обязательно спектакль с вашим участием посмотрю!

— Милости просим.

Анфиса ушла, гордо вскинув голову и держась преувеличенно прямо: так, по ее мнению, должны были ходить настоящие артистки. Окон-

чательно очарованный Дементьев долго глядел ей вслед, потом сбил шляпу на затылок и поднялся по ступенькам в контору.

А Анфиса, дойдя до угла, бегом вернулась к конторе, прошмыгнула воровато в коридор и скрылась за дверью коммутатора.

У аппарата дежурила девица с серьгами, заменившая Надю.

— Ты что такая веселая? — удивилась она, присматриваясь к возбужденной Анфисе.

— Человека одного встретила.

— Ну и что?

— Так…

Анфиса вынула из ящика стола осколок зеркала, похожий на Африку, подержала в руке и снова спрятала в ящик, позабыв взглянуть на себя.

НЕЗАМЕНИМАЯ ТОСЯ

После позорного провала в первый день своей работы поварихой Гавриловна приняла все меры, чтобы избежать вторичной неудачи. Избушка украсилась плакатами: «Мойте руки перед едой» и «Мухи — разносчики заразы». На самой середке кухонного стола по-хозяйски возлегала замусоленная поваренная книга. Гавриловна поминутно заглядывала в нее, шевелила по-школярски губами и в точности следовала ученым советам.

А Тося раздобыла ватные брюки, и сугробы сегодня были ей уже не страшны. После вчерашней работы у нее ныли все косточки, но Тося внушила себе, что главные трудности уже позади. Белоручкой Тося никогда не была, за свою недолгую жизнь ей приходилось и дрова колоть, и картошку копать, и коровники чистить. Ее выручила давняя рабочая хватка, и теперь с некоторым даже щегольством бывалого лесоруба она ловко орудовала легким, остро наточенным топориком.

С утра Тося поглядывала на Илью, приглашая

его убедиться, что слов на ветер она не бросает и уже приноровилась к новой работе. Но Илья сегодня упрямо валил дерево за деревом, а в Тосину сторону даже и не смотрел. Тося никак не могла понять: то ли о плане он так заботится, то ли считает, что слишком ласков был с ней вчера. «Ладно, — решила она, — сочтемся».

Она подошла к толстой ветке, высоко занесла свой зеркальный топорик и вдруг увидела, что ветка отпилена от ствола. Илья валил деревья неподалеку, повернувшись спиной к Тосе, словно был тут совсем ни при чем. Вот он свалил ветвистую елку и по пути к следующему дереву отчекрыжил бензопилой самые толстые ветки, чтобы облегчить Тосе работу.

Сначала Тося надеялась, что девчата ничего не поймут, но вскоре заметила, что они старательно обходят спиленные ветки, догадавшись, для кого они предназначены.

— Неспроста все это, — сказала Надя, чуткая к чужому счастью.

— Старается, ирод! — беспечно откликнулась Тося, чтобы девчата не думали, что она от радости потеряла дар речи.

А Катя невинно спросила:

— С чего бы это, Тось, а? Такого у нас сроду не

было.

— Чего-чего! — разозлилась Тося. — Помаленьку перевоспитывается человек, о всей бригаде заботится… На план нажимает!

— Знаем мы этот план! — фыркнула Катя. — Этот план у него всегда перевыполняется!

Она отошла к другому дереву, но Тосины муки на этом не кончились. Молчаливая Надя огляделась по сторонам и шепнула Тосе с таинственным видом:

— Нравишься ты ему…

— А что ж тут такого? — вызывающе спросила Тося, топнула ногой и пропела Наде в лицо:

Она ему понравилась.

А он ей… он ей…

Тося и раз и два топнула ногой, но то ли потому, что валенки никак не могли добраться до твердой земли и застревали в сугробе, то ли еще по какой причине, но стихи сегодня у нее что-то не вытанцовывались.

— Не выходит нынче… — виновато призналась она.

— И что он в тебе нашел? — удивилась Надя, придирчиво рассматривая Тосю.

— Как что?! — притворно рассвирепела Тося,

пряча за своим громогласием тайную обиду. — Походка у меня красивая и опять же… глаза: один левый, другой правый!

— Тараторка ты! — разочаровалась Надя: кажется, она ожидала, что Тося откроет ей свою тайну и научит, как прибирать к рукам самых видных парней в поселке.

«А ты старая дева!» — подумала Тося, но вслух ничего не сказала: не потому, что боялась Нади, а просто язык как-то не поворачивался обижать ее, горемычную.

Надя потащила ветки к костру, а Тося усомнилась вдруг, правильно ли она делает, безропотно позволяя Илье помогать. Конечно, польза тут была явная, взять хотя бы легкий топорик, подаренный ей вчера, или эти вот отчекрыженные ветки. Но с другой стороны, если копнуть поглубже… Тося испугалась, что за какой-нибудь десяток паршивых елок навеки станет должником Ильи. И потом, принимая его помощь, она как бы признавала молчаливо, что одной ей не справиться с новой работой. Да и совсем не в работе тут было дело!

Она еще вчера заметила, что Илье нравится помогать ей, и смутно догадывалась, что он испытывает при этом какое-то особое, неведомое

ей удовольствие. А Тося, к стыду своему, ничего такого не чувствовала и заподозрила, что Илья обхитрил ее: подсунул ей топор-железяку, а сам заграбастал золотые россыпи.

Скорей всего, Тося просто осторожничала на пороге новой для нее взрослой жизни. По неопытности своей она боялась продешевить и дать Илье гораздо больше, чем получить от него. Но какой-нибудь выгоды для себя Тося не искала: она хотела лишь во всем сравняться с Ильей, Катей и другими взрослыми людьми.

А Илья вошел во вкус и стал отсекать своей чудо-пилой не только толстые ветки, но и такую мелочь, какую Тосе ничего не стоило отрубить одним махом. Давно уже никто так не заботился о Тосе… Она припомнила детскую мечту о старшем брате и поверила вдруг, что старший брат, окажись он у нее, непременно был бы похож на Илью. Не обязательно тютелька в тютельку, но брат ее наверняка был бы таким же сильным и добрым, как Илья, а может быть, даже таким же красивым… Ведь бывают же у неказистых сестер вполне приличные и видные собой братья? Не всегда, даже не часто, но все-таки бывают: наследственность — такое темное дело!

И Тося устыдилась недавних своих скопидом-

ских мыслей. Чего ради вздумалось ей торговаться, ведь сама же терпеть не могла жадных людей? Прямо как на толкучке; ты — мне, я — тебе… «Ладно, пускай помогает!» — великодушно решила Тося, и ей самой понравилось, что, при всех своих недостатках, она в общем-то человек щедрый и не мелочный, и старшему брату, объявись он вдруг, не пришлось бы за нее краснеть.

Случилось так, что, когда Тося подтащила к ближнему костру охапку веток, с другой стороны в это же время к костру подошел Илья. На виду у всех, как оправдание, он держал в руке незажженную папиросу.

— Ну как, — дружелюбно спросил Илья, — елки в могилу еще не вогнали?

— А что поделаешь? Лес тут смешанный!

Илья припомнил, как просвещал вчера Тосю насчет местного леса, и подумал одобрительно: «Пальца в рот ей не клади!» Посмеиваясь, Тося молча смотрела на Илью, и вид у нее сейчас был такой, будто она не только читала все его мысли, но и знала о нем что-то такое подспудное, о чем он и сам еще не догадывался. Илья не выдержал ликующего ее взгляда и отвел глаза.

— Ты чего это? — забеспокоился он.

— Знаешь, — доверчиво сказала Тося, — в клубе

на танцах ты один, а в лесу совсем другой!

— Какой еще другой? — настороженно спросил Илья, подозревая очередной подвох.

— На человека похожий… Даже смотреть на тебя можно!

— Что ж, смотри, — разрешил Илья, — не жалко.

Катя кашлянула раз, другой, напоминая о вчерашнем их уговоре. Тося насупилась, но виду не подала, что слышит ее. Тогда верная Катя, стойко охраняя Тосю от нее же самой, зашлась в надрывном, прямо-таки чахоточном кашле. Тося сердито взмахнула рукавицей, подтверждая, что сигнал достиг цели.

— Что это с Катериной? — полюбопытствовал Илья.

— Плеврит-аппендицит… Слышь, ты мелких веток не пили, а то… совсем у меня топор заржавеет.

— Ишь ты! — подивился Илья и зашагал к своей бензопиле.

Тося видела, как по дороге он сунул в рот папиросу, которую так и не успел прикурить у костра, и чиркнул спичкой. Значит, спички у него были, зачем же он тогда подходил к костру? И все-то он хитрит! Облачко дыма выпорхнуло изо рта Ильи,

сизой тенью пробежало по белому стволу березы и воровато нырнуло в густую темень елки.

— Вот тебе и смешанный лес… — пробормотала Тося. Она подумала, что на старшего брата Илья все-таки не тянет, но сожаления почему-то не почувствовала.

— Все перевоспитываешь? — ехидно спросила Катя, швырнула в костер тяжелую ветку и вдруг запела высоким голосом первой в поселке певуньи:

Хороша я, хороша…

Тося весело подхватила:

Да плохо одета!

Катя погрозила ей кулаком, чтобы Тося не портила неуместным своим весельем старинную грустную песню, и они в лад повели:

Никто замуж не берет
Девушку за это…

И другие девчата присоединились к песне, одна лишь Надя работала молча: сильными мужскими ударами отсекала ветки и целыми возами стаскивала их в костер. Мысли ее бродили где-то далеко. Она так яростно рубила сучья, словно вымещала на них злость за обидную свою некрасоту и за

всю свою незадавшуюся жизнь. Похоже, и в лесу Надя не избавилась от невеселых дум, которые выжили ее с коммутатора.

Гавриловна в последний раз попробовала варево, сама себе удовлетворенно покивала головой, захлопнула поваренную книгу и затрезвонила топором в буфер, сзывая лесорубов на обед.

— Посмотрим, чем нас сегодня порадуют! — загадал Филя, подставляя миску.

Он хлебнул щей и тут же выплеснул их на снег. И другие лесорубы выплеснули. Сегодняшняя парующая капуста встретилась на снегу со вчерашней замерзшей.

— Опять двадцать пять!

— Тосю назад давайте!

— Только продукты переводит!

— Тоську-у!..

Гавриловна оправдывалась, размахивая поваренной книгой:

— Ничего вы не понимаете! Я по всем правилам варила, как в книге написано: и капусту крупно крошила, и морковку звездочкой резала!

— Вот у вас и получилась морковка с капустой, а у Тоси настоящие щи были, — сказала Вера.

— Это все Сашка с Илюхой надумали, за процентом погнались! — крикнула Катя. — Вернуть

надо Кислицу!

Наиболее дальновидные лесорубы вынули из сумок бутылки с молоком. Сашка шепнул Илье:

— Обмишурились мы с тобой.

— Кто ж знал, что она такая незаменимая?

Илья с невольным почтеньем покосился на Тосю, и та вдруг показалась ему красивей, чем он привык считать.

— Ничего, есть можно, — покривила Тося душой, зажмурилась и проглотила ложку щей.

— Да брось ты, Тоська, благородство показывать! — налетела на нее Катя.

Мерзлявый подошел к мастеру Чуркину и, барабаня ложкой по столу, запел ему в лицо:

Подавай расчет, хозяин,

Мне работа не мила...

Чуркин пробормотал:

— Дела-а… — и по стародавней своей привычке занес было руку, чтобы почесать в затылке, но Филя, подкравшись сзади, перехватил его руку. — Тебе чего?

— Принимай, мастер, меры! Я чегой-то скучный становлюсь, когда в животе у меня пусто!

ДЛЯ ПОЛЬЗЫ ДЕЛА

В кабинете начальника лесопункта за столом сидели Игнат Васильевич и Чуркин. Дементьев стоял у стены и рассматривал схему лесовозных путей. Как всегда, за письменным столом у Игната Васильевича был такой вид, точно он на минуту забежал в кабинет и по ошибке сел на чужое место в ожидании всамделишного начальника.

— И с замужними я говорил, и с девками, — докладывал Чуркин, — никто не хочет в стряпухи идти. Помнишь, после войны отбою не было, а теперь дефицитная стала профессия. И как мы выкрутимся — ума не приложу…

Вошел Илья, таща за собой упирающуюся Тосю. Игнат Васильевич так живо вскочил, будто в кабинет к нему пожаловал сам председатель совнархоза.

— Вот что, товарищ Кислицына, — бодрым голосом сказал он, услужливо придвигая к Тосе стул, — придется тебе вернуться на кухню.

— И не подумаю! — Тося с непримиримым видом затянула потуже концы платка. — Не имеете

такого права!

Игнат Васильевич смущенно крякнул и покосился на Дементьева. Ему хотелось и Тосю поскорей уломать, и перед новым технору́ком выказать себя с лучшей стороны, чтобы тот не думал, будто заехал в такую глушь, где в начальниках лесопункта медведи ходят.

— Да ты погоди, не лезь в бутылку, — попытался урезонить он Тосю. — Ты пойми: тебя, девчонку, сколько народу просит. И товарищи по работе, и все мы… Ты уважь нашу просьбу, девушка, уважь!

— Все равно не пойду, — не сдавалась Тося. — Этак вы все гуртом навалитесь, что от меня останется? Я в газету напишу, грамотная!

— Да постой ты, затараторила… Не захочешь — не пойдешь, никто тебя насильно не заставит. Но ты о нашем лесопункте подумай: вчера из-за этой ерунды с питанием ваш участок недодал четырнадцать кубиков, а сегодня уже двадцать два. Если и дальше таким макаром пойдет, мы из-за тебя весь квартальный план завалим… Где-то люди ждут древесины, а мы им — кукиш с маслом. «Почему?» — спросят. «Да вот Тося Кислицына не хочет вам помочь!» Они дом заложили, а достроить нечем. Дорогу в пустыне тянут, а шпал

нехватка. В шахту рабочие спустились уголек рубать, а крепежного лесу нету, и получается у шахтеров сплошной перекур с дремотой… И все из-за тебя!

Тося сникла было под тяжким грузом, взваленным на ее плечи, но тут же рассердилась на себя за то, что так легко клюнула на нехитрую удочку Игната Васильевича.

— Вы меня не агитируйте! Я и сама знаю, куда наш лес идет, стенгазету читаю. И почему я одна в ответе? Что я, крайняя?.. Виновата разве я, что у меня щи получаются? Я ведь ни на каких курсах не училась: просто варю и пробую на вкус, солю в меру и луку для заправки не жалею. Так-то каждый сумеет, были бы продукты.

— А вот Гавриловна не сумела! — живо сказал Игнат Васильевич. — Сама видела. Не прибедняйся, Тося, талант у тебя к этому делу!

Тося криво усмехнулась:

— Так уж и талант? Скажете тоже!

— Талант, и самый настоящий! — уверил Тосю начальник лесопункта. — Это все равно как Пушкин: берет чистый лист бумаги и пишет увлекательные стихи: «Роняет лес багряный свой убор» или «Одна в глуши лесов сосновых давно, давно ты ждешь меня…»

Игнат Васильевич победоносно покосился на Дементьева. А Тося сперва сильно удивилась тому, что их начальник, оказывается, так хорошо знает Пушкина. Но тут же она припомнила, что оба стиха были о лесе, и решила, что знать такие стихи, наверно, обязаны все руководящие работники лесной промышленности.

— …А я, к примеру, возьму тот же лист, — Игнат Васильевич для наглядности взял со стола чистый лист бумаги и помахал им в воздухе, — и у меня получится: «Та-ра-ра, выезжали трактора»… Ведь так?

— Вам видней, что там у вас получится, — дипломатично ответила Тося. — Что ж, раз мне щи удаются, так я теперь на всю жизнь к кухне привязана? Из-за этой кулинарии… некоторые думают, что я не только на работе, а и в жизни подсобная…

Тося быстро взглянула на Илью, который, опустив голову, смирно сидел в сторонке и мял в руках пыжиковую свою шапку. К столу подошел Дементьев. Сначала его забавляла та серьезность, с какой грузный начальник пытался убедить маленькую повариху вернуться на кухню, и даже Пушкина себе в подмогу мобилизовал. А потом разговор не на шутку заинтересовал молодого

инженера.

— Можно мне? — спросил он у Игната Васильевича и по студенческой привычке даже руку приподнял. — Вы одно поймите, товарищ Киселева…

— Кислицына я! — самолюбиво перебила его Тося.

— Виноват, товарищ Кислицына, вы одно поймите: дело к тому идет, что скоро мы всех женщин освободим от тяжелой работы в лесу. Что ж вы, одна против всех? Против всей нашей политики в женском вопросе?

Заслышав, что ее обвиняют в таких тяжких прегрешениях, Тося сразу оробела. Она испугалась вдруг, что ее и отсюда попрут, как вытурили из совхоза, и она так и не доведет до конца одной важной перевоспитательной работы.

— Да не против она! — заступился Илья за Тосю. — Просто ветер еще у нее в голове!

— Ты по себе не суди! — посоветовала ему Тося, а начальству сказала: — С обрубки сучьев я могу и уйти, но только не на кухню. Я… это самое, расти хочу, овладевать новой профессией, вот!

— И расти себе на здоровье, — разрешил Игнат Васильевич посвежевшим после передышки голосом. — Будешь хорошо работать — переведем

в столовую, главным поваром станешь… У тебя такие перспективы!

— Да ну их! — забраковала Тося все перспективы. — Не буду я подсобницей, так и жизнь пройдет.

Игнат Васильевич сердито посмотрел на Илью.

— Откуда ты взяла, что питание — подсобная работа? Хорошенькое дело! Сама видишь: не пообедали лесорубы — и выработка сразу упала. Питание — такая же основная работа, как и лесозаготовки, ведь правда? — обратился начальник к Чуркину.

— Самая что ни на есть основная! — с готовностью подтвердил Чуркин и вытер губы, будто только что вкусно пообедал.

— И кто тебе такую чушь ляпнул?! — загремел Игнат Васильевич, нащупав слабое Тосино место. — Скажи, кто — и я ему, дезорганизатору, сразу выговор закатаю!

— Да так, один человек… — нехотя проговорила Тося, а про себя решила: «Хоть режьте — не скажу!»

Игнат Васильевич вытер платком вспотевшее лицо.

— Дайте ей подумать, — снова заступился Илья за Тосю. — Нельзя же так сразу требовать…

Тося с благодарностью посмотрела на единственного человека, который защищает ее. Но тут же ей пришло в голову, что Илья действует сейчас как бригадир, заинтересованный в добавочной рабочей силе. И потом: если она уйдет с обрубки сучьев — кому он станет тогда помогать? Наде не очень-то поможешь! Вот тут и разберись, для кого он старается…

— Раньше требовалось думать, когда сманивал ее с кухни! — накинулся Игнат Васильевич на Илью. — Я еще до вас с Сашкой доберусь. Тоже мне, агитаторы!.. Ну так как же, Тося? Ты учти: человек не всегда делает то, что ему хочется, а чаще то, что другим нужней… Надо! Понимаешь?

Тосе вдруг стыдно стало, что она отнимает так много времени у солидного Игната Васильевича, который ей в отцы годится. Она опять оробела и украдкой покосилась на Илью, спрашивая взглядом, как ей быть. Все-таки он бригадир и должен руководить своей бригадой…

Игнат Васильевич отвернулся, чтобы не мешать сепаратным их переговорам. Илья развел руками и закивал головой, советуя Тосе согласиться.

— Если основная и… всем надо, — сдалась Тося, — тогда что ж, конечно…

— Вот спасибо, удружила! — обрадовался Игнат Васильевич и двумя руками тряхнул Тосину руку. — Но ты уж постарайся, а то ребята совсем отощали.

— А я просто не умею плохо готовить, — виновато сказала Тося. — Так уж у меня получается, и сама не рада… Только в завалюхе этой работать дальше я несогласная!

— Видишь ли, — доверительно объяснил Игнат Васильевич, — мы в том массиве уже заканчиваем лесоразработки. Нет смысла строить там капитальную столовую… Нерентабельно, понимаешь?

Но Тося, живя в одной комнате с Верой-заочницей, привыкла уже к ученым словам, и сбить ее с позиции было не так-то просто.

— Значит, раньше надо было строить, — твердо сказала она. — Когда… это самое, рентабельно было!

Илья одобряюще усмехнулся, а Игнат Васильевич ненужно переставил на столе пресс-папье и покосился на Дементьева.

— А ты что, зябнешь там? Хочешь, мы тебе полушубок со склада выпишем?

Тося хмыкнула и сказала наставительно, на правах человека с общепризнанным талантом:

— В полушубке щей не сваришь! Да и не во мне дело: я-то закаленная. А вот картошка зябнет! Я уж укутываю ее, укутываю, ничего не помогает… И люди обедают, не раздеваясь. Против гигиены это! Я в газете читала: есть такие вагончики-столовые, можно по рельсам гонять. Сегодня здесь, а завтра там! Вот бы нам такой…

— Пока вагончика добьешься — так и зима пройдет! — умудренно проговорил Чуркин.

— А вы добивайтесь, — посоветовала Тося. — На будущий год пригодится: эта зима не последняя.

— Яйца курицу учат… — пробормотал Чуркин. — Дожили!

А Дементьев поддержал Тосю:

— Верно, есть такие вагончики: на одной половине кухня, а на другой столовая.

Игнат Васильевич не принял борьбы на два фронта.

— Ладно, мы этот вопрос отрегулируем, — хмуро сказал он и снова переставил пресс-папье на столе.

Тося вопросительно посмотрела на Дементьева. Тот кивнул головой, обещая спасти ее картошку и постоять за гигиену.

— Значит, договорились, — подвела итог Тося. — До свиданьица.

Она пошла к выходу. Даже не оборачиваясь, Тося знала, что Илья идет за ней, и надбавила шагу, чтобы он не думал, будто она его поджидает. Пусть уж лучше он ее догонит, если она ему так нужна.

— Ну и чертова девчонка! — пожаловался Игнат Васильевич технору́ку, вытирая шею. — В пот вогнала… Вот чем мне приходится тут заниматься, а вы говорите «модернизация»…

А Тося с Ильей вышли на крыльцо конторы и остановились. Илье казалось почему-то, что Тося ждет от него сейчас, чтобы он поблагодарил ее. Признаться, его и самого подмывало сказать Тосе что-нибудь хорошее, порадовать незаменимую повариху. Но Илья слишком редко чувствовал себя кому-нибудь обязанным, мог по пальцам перебрать всех, кого он благодарил в своей жизни, и так уж получилось, что девчат среди них пока что не было. И теперь с непривычки он просто не знал, с какого боку подступиться к этому нелегкому делу.

Вообще-то Тося не очень нуждалась во всяких там благодарностях, но на этот раз, после того как она выручила весь лесопункт со всеми его тракторами, бензопилами, штабелями, лесорубами и начальством, ей все-таки хотелось услышать от

Ильи хотя бы одно словечко: «Спасибо». Небось не отвалился бы у него язык! Уж если сам ничего доброго к ней не чувствует, так мог бы поблагодарить от имени бригады, неужели им до сих пор не надоели помои Гавриловны?

— Эх, зря я картинки порвала! — пожалела Тося, великодушно давая Илье возможность собраться с мыслями.

Илья молча полез в карман за папиросами. Лафа этим ребятам! Как что — так закуривают! Пока папиросы со спичками достанут, да чиркнут, да пустят дым — глядишь, самое трудное время и пробежит. Вроде и не делают ничего, а все при деле. Умеют, черти стоеросовые!

А Тося была некурящей, и ей ничего другого не оставалось, как торчать истуканом на крыльце конторы. Она завистливо покосилась на Илью, разминающего папиросу — ведь папиросу еще и разминать можно целую минуту, а потом еще полминуты стучать мундштуком по спичечному коробку или по ногтю — выбирай, чего душа желает, — и строго предупредила:

— Ты только ничего такого не думай. Я совсем не из-за тебя на кухню вернулась, а… для пользы дела. Надо, понимаешь?

— А я ничего и не думаю, — угрюмо отозвался

Илья, постукивая папиросой по ногтю большого пальца.

Значит, он предпочитает ноготь…

— Вот это правильно! — одобрила Тося и сбежала с крыльца, не дожидаясь, пока Илья начнет чиркать спичкой и пускать дым.

НОВАЯ МЕТЛА

Дементьев с Чуркиным обходили делянку.

— Волоки у вас некудышные, только тракторы калечить! — распекал мастера Дементьев со всем пылом начинающего начальника. — А если эти… подснежники не уберете, вам не поздоровится!

Он пнул ногой хлыст, занесенный снегом.

— Новая метла, она, конечно… — пробормотал Чуркин.

Они подошли к кривобокой и щелястой Тосиной кухне, переделанной из летнего навеса. Выпавший ночью снег запорошил постыдные лохмотья капусты, оставшиеся от Гавриловны, и теперь ничто не напоминало о том, что Тося покидала кухню и пробовала свои силы на основной работе. И, как встарь, от котла валил дразнящий аромат.

— А это что за избушка на курьих ножках? — поинтересовался Дементьев и проглотил набежавшую слюну. — Неужто столовая?

— Она самая… — Чуркин отвернулся от неказистых Тосиных хором и уточнил: — Филиал.

Убогий сарай выглядел особенно нелепо рядом

с мощными трелевочными тракторами.

— Я думал, повариха привередничает, а за такие инженерные сооружения судить надо. Это же позор для всего лесопункта! — стал горячиться Дементьев.

Чуркин почесал в затылке.

— Так-то оно так, но есть и своя выгода. Не засиживаются у нас в перерыве: пообедают — и сразу за работу.

— В такой халупе не засидишься!

— Я же и говорю, — поспешно поддакнул Чуркин. — Народ привычный, опять же костры…

— Костры! — с ненавистью выпалил Дементьев и зашагал к ближнему трактору.

Он сосчитал все чокеры и сам опробовал тракторную лебедку. За придирчивой строгостью Дементьева угадывалась робость новоиспеченного инженера. Еще на институтской скамье он решил, что участок его будет передовым, но с чего начинать сейчас, не знал и хватался за все сразу.

— Товарищ технорук! — окликнула Дементьева бойкая Катя. — Ракету уже на Луну запустили, а мы тут все по старинке топориками тюкаем! Летом еще туда-сюда, а зимой до того в снегу вываляешься, не разобрать, кто ты: женский пол или дед-мороз?.. И домой придешь — сразу в сон

кидает, хоть вечернюю школу бросай.

— Поменьше на Камчатке сиди, — выслуживаясь перед технорукомсказал Чуркин.

— Спасибо за совет, — поблагодарила мастера Катя. — До ваших лет доживу — так и сделаю… — И, повернувшись к Дементьеву, Катя дала наказ: — Придумать что-нибудь надо, товарищ технорук. Пошевелите своей инженерной мыслью!

Филя, крепивший неподалеку чокеры, с удовольствием прислушивался к тому, как языкастая Катя «дает прикурить» новому начальству. А Дементьев, внимая Катиному наказу, все старался стать так, чтобы не видеть жарко пылающего костра.

— Тут и думать нечего, все давно уже придумано. Будем вместе с вами ломать эту кустарщину.

— Я хоть сейчас! — согласилась Катя. — Что это вы все от костра отворачиваетесь? Дым глаза ест?

— Хуже: душу! Стыдно смотреть, как миллионы на ветер летят.

— А я тут при чем? — опешила Катя. — Мне как приказывают…

— Я вас, девушка, и не виню.

Дементьев махнул рукой и пошел прочь от костра.

— Чует мое сердце, хватим мы с ним горя, — опасливо сказал Длинномер.

А Мерзлявый, верный себе, добавил:

— Из этих интеллигентов самые лютые начальники и получаются!

— Нет, здесь что-то другое… — предположил Сашка.

Веселый звон поплыл над лесом. Тося охаживала топором буфер и кричала-заливалась:

— Обе-ед! Навались, основные работнички! Поспешай, отощавшие!

По пути на верхний склад Дементьев с Чуркиным снова подошли к Тосиной избушке. В охотку работали ложками лесорубы.

— Отобедайте с нами, — пригласил Чуркин инженера.

Лесорубы потеснились, и Дементьев сел за стол. Несознательная Тосина рука самовольно, без ведома хозяйки, зачерпнула было для Дементьева щей погуще, но Тося тут же заметила этот подхалимский поступок, опрокинула в котел нечаянный свой улов и плеснула в миску начальника самых что ни на есть жидких щей — жиже некуда.

Илья высыпал к ногам Тоси охапку сухих звонких дров.

— На вот… — смущенно сказал он, старательно смотря мимо Тоси.

— Илюшка, ну зачем ты! Тут я и одна управлюсь.

— Привык тебе помогать… — буркнул Илья и, прячась за науку, придирчиво спросил: — Ты про условный рефлекс слыхала?

У Тоси глаза полезли на лоб.

— Так это ж у обезьян бывает…

— И на том спасибо.

— Ой, Илюшка! — спохватилась Тося.

— Ты как меня называешь? — заинтересовался вдруг Илья.

— Илюшка… А что?

— Вроде и не очень нежно, а у тебя как-то ласково получается! — подивился Илья.

— Голос у меня такой… — оправдалась Тося.

Отведав знаменитых Тосиных щей, Дементьев сказал громко и раскатисто, будто на митинге:

— Я думал, преувеличивают, а она и в самом деле вкусно готовит!

«Видать, не очень-то тебя в институтской столовке баловали», — подумала Тося и пожалела, что кормит вчерашнего студента одной жижей.

Дементьев отодвинул пустую миску.

— Самый настоящий талант!

— Талант! — как эхо повторил Чуркин, прикидывая: простым выговором он отделается на этот раз или молодой технорук влепит ему «строгача».

Тося насупилась и сердито загремела черпаком. Илья с миской в руке придвинулся к ней:

— Ты чего?

— Еще и смеются… У всех таланты как таланты: сплясать или спеть, машину там сочинить, а тут надо же! — Она в сердцах пнула котел, ушибла ногу и скривилась от боли. — Ох и невезучая я!

АНФИСА ЗАНИМАЕТСЯ САМОКРИТИКОЙ

Коротая время на дежурстве, Анфиса делилась новостями с Марусей — телефонисткой соседнего лесопункта:

— Живу помаленьку, замуж пока не собираюсь… Новый технорук? Говорят, строгий… Ты своего охмуряй, а нашего не трогай!.. На микропорке[8] туфли и у нас выбросили…

Вот уже целый год Анфиса говорила с Марусей чуть ли не каждый день, а в глаза ее так и не видела. Про себя она давно уже решила, что Маруся похожа на Катю — не нынешнюю, а такую, какой станет Катя, когда выйдет замуж, поживет год-другой с Сашкой и разочаруется в семейной жизни. Позевывая, она перечисляла Марусе, какие товары есть у них в магазине, когда дверь отворилась и в коммутатор вошел Дементьев.

— Вы?! — удивился он.

Анфиса поспешно повесила трубку.

— Да вот… — виновато сказала она, обводя

---

[8] Примечания: 8

Микропорка — микропористая резина и подошва из нее.

рукой комнату. — И сама не знаю, зачем я тогда артисткой назвалась… Вы уж извините меня, Вадим Петрович.

— Что вы, что вы! — обрадовался Дементьев. — Это же чудесно, что вы здесь работаете и вам не надо ни в кого… как это?.. вживаться. Не знаю, как другие, а я бы не хотел, чтобы в меня вживались… Брр!.. И главное, вам никуда не надо уезжать. А талант артистический у вас определенно есть: так меня разыграть!.. — Он восхищенно покрутил головой, припомнив первую их встречу. — Тут вот какое дело: не смогли бы вы отпечатать на машинке небольшую бумаженцию? Секретарша заболела, а я только одним пальцем стучу. Как дятел! — Дементьев показал, как стучит он на машинке одним пальцем.

— Могу, конечно, могу, что за вопрос, — охотно согласилась Анфиса. — Прежнему технору́ку я все печатала. Вот только…

Она кивнула на аппарат.

— А я сюда машинку принесу. Нет такого положения, из которого не было бы выхода!

Пока Дементьев ходил за пишущей машинкой, Анфиса успела взглянуть на себя в зеркало, внесла кое-какие срочные поправки в прическу и поубавила помады на губах.

Дементьев водрузил старенький «Ундервуд» на стол.

— Ну, что там у вас? — небрежно спросила Анфиса, вкладывая чистые листы бумаги в машинку.

— Вверху: «Главному инженеру леспромхоза», а потом все по порядку.

Дементьев положил на стол листок черновика. Анфиса усмехнулась его крупному ученическому почерку и бойко застучала на машинке.

— Как вы печатаете! — восторженно сказал Дементьев. — Вы что же…

— И машинисткой работала… Кем только, Вадим Петрович, я не работала!

Не переставая печатать, Анфиса снизу вверх глянула на Дементьева. Пальцы ее уверенно порхали над машинкой, безошибочно находя нужные клавиши.

— Вот тут неразборчиво.

Дементьев склонился над черновиком:

— «Давно уже пора в корне перестроить всю технологию лесоразработок на участке: вывозить лес в хлыстах»… И так далее.

Анфиса быстрей прежнего застучала на машинке. Дементьев шагал по комнате и старательно отводил глаза от Анфисы, чтобы не выдать своего

восхищения. Он отводил глаза, а они снова и снова искали и находили ее, будто их магнитом притягивало. Обманывая себя, Дементьев думал, что любуется лишь ловкими пальцами Анфисы, а красота ее тут совсем ни при чем. Зазвонил телефон.

— Послушайте, кто там, — попросила Анфиса. Дементьев с готовностью поднес трубку к уху.

— Шпалорезку требуют.

— Вот тот шнурок переставьте туда, — показала Анфиса и, глядя на неуклюжего Дементьева, застывшего с шнурком в руке, припомнила вдруг, как ловко выполнял все ее команды Илья. — Да не туда! И ничего-то вы не умеете, а еще институт окончили... — Анфиса встала и, прежде чем соединить нетерпеливого абонента со шпалорезкой, заботливо спросила: — Обиделись?

— Нет, что вы! — весело сказал Дементьев, будто Анфиса похвалила его.

Вот удивился бы Чуркин, если б увидел сейчас Дементьева! Анфиса словно подменила его: придирчивый начальник бесследно исчез, а в комнате стоял смущенный, робковатый человек, неопытный в житейских делах.

Переставляя шнур на доске коммутатора, Анфиса проговорила в трубку:

— Ничего, подождете, не горит у вас.

— В самом деле! — возмутился Дементьев, целиком становясь на сторону Анфисы. — Уж и полминуты подождать не могут. Трудно вам тут работать...

Анфиса прилежно стучала на машинке. Кажется, ей доставляло истинное удовольствие печатать для молодого технорука. Было сейчас в Анфисе что-то новое, неспокойное. Изо всех сил она хотела бы понравиться Дементьеву, но обычное ее дешевое кокетство куда-то запропало.

А Дементьеву надоело бороться с самим собой. Он стоял теперь рядом с Анфисой и, не таясь, в упор смотрел на нее восхищенными глазами. Анфиса чувствовала на себе пристальный, любующийся взгляд Дементьева, но у нее не хватало смелости поднять голову и посмотреть на него. Она печатала все быстрей и быстрей, словно убежать хотела от Дементьева, испугавшись вдруг того нового и непрошеного, что входило в ее жизнь. Пишущая машинка стучала пулеметом. Кажется, Анфиса позабыла на время о хваленой своей красоте, и даже непривычная робость проглядывала в ней.

И может быть, прежде мы несколько поспешили, безоговорочно зачислив Анфису в хищ-

ницы…

Анфиса громко поставила последнюю точку и вынула листы из машинки.

— Большущее вас спасибо! — с чувством поблагодарил Дементьев. — И чисто как! Я бы никогда не сумел… Вот только здесь мы с вами недосмотрели: «вследствие» на конце «е» надо… — И поспешно добавил, боясь, что обидел Анфису: — Конечно же, это опечатка. В такой обстановке…

Он кивнул на доску коммутатора.

— Нет, Вадим Петрович, это не опечатка, — очень серьезно сказала Анфиса, будто говорили они о чем-то неизмеримо более важном, чем ошибка ее в правописании. — Просто… — Она запнулась и докончила скороговоркой: — Не теми вещами я в школе занималась, отличная учеба меня не прельщала!

Дементьев недоверчиво посмотрел на Анфису, но и тут быстро нашел выход:

— А знаете, для телефонистки и… артистки это не такой уж большой грех! Ведь правда? Вот если б вы учительницей были — тогда совсем другое дело… — И закончил убежденно: — В общем, не горюйте, вы и так чудесная девушка!

— Так я вам и поверила! — привычно-игриво сказала Анфиса. — Шуточки, Вадим Петрович!

— Она взглянула в открытое, чуждое всякой хитрости, как бы распахнутое настежь лицо Дементьева и неожиданно для себя призналась: — И не такая уж я хорошая.

Анфиса тут же прикусила губу, не понимая, чего ради она сама себя разоблачает. Зазвенел телефон.

— А на лыжах вы ходите? — быстро спросил Дементьев, ловя руку Анфисы, протянутую к трубке. — Подождут… Пойдемте в воскресенье на лыжах? Покажете мне здешние места, должны же вы помогать молодому специалисту знакомиться с его участком?

— Сходим, — согласилась Анфиса, порываясь взять трубку. — Только имейте в виду, у нас это не принято. Можете на сплетню напороться.

— А пусть их! — беспечно сказал Дементьев. — Вы сами-то не боитесь?

Анфиса покачала головой.

— Вот и отлично!

Он унес пишущую машинку. Анфиса с застывшей на лице улыбкой засуетилась у доски коммутатора, сказала в трубку с неведомой ей раньше виноватинкой в голосе:

— Сейчас, Маруся, сейчас! Да не сердись ты, здесь такое дело…

ИЛЬЯ НАДУМАЛ УЧИТЬСЯ

— Седьмой класс тут занимается?

Илья стоял в дверях и с любопытством разглядывал тесный школьный класс. На доске еще сохранились каракули малышей из дневной смены. Великовозрастные ученики вечерней школы с важным видом восседали за низенькими партами. Илья хорошо знал всех этих парней и девчат, встречался с ними каждый день на работе, но сейчас в них было что-то новое, еще не до конца ясное ему. Даже хулиганистый Филя, оставаясь дебоширом и пройдохой, заметно переменился и выглядел теперь этаким сорванцом-второгодником, фигуряющим своей бесшабашностью перед тихими зубрилами-отличницами.

И Тосю, затерянно сидящую на задней парте в углу, Илья заметил сразу же, но в ее сторону не смотрел. Он боялся, что Тося, чего доброго, вобьет себе в голову, будто он пришел в школу ради нее, и станет слишком много о себе воображать.

— Здесь седьмой непромокаемый! — отозвался Филя. — А ты что, тоже на старости лет надумал учиться?

— Да вот решил подковаться теоретически…

— Садись, — разрешил Филя, — мест свободных много.

Не глядя на Илью, Тося подвинулась на своей парте, освобождая местечко рядом с собой. Илья подсел к Тосе, с трудом втиснувшись в малюсенькую парту. И сразу мысли его как-то сами собой настроились на ученический лад; он даже заподозрил, что тоже, наверно, смахивает сейчас на прилежного школяра.

— А у нас новичок! — порадовал Филя учительницу математики.

— Что же это он в середине года?

— Так я ведь… — начал быстро объяснять Илья.

— Встань! — горячо шепнула Тося. — Вот человек!

Илья непонимающе покосился на нее и заметил, как Тосины глаза округлились от страха.

— Встань!.. Встань!.. — дружно подсказывали со всех сторон новичку, давно уже перезабывшему все школьные порядки.

Илья неохотно поднялся.

— Седьмой класс я еще до армии кончил. Припомню, а с осени в восьмой пойду.

— Что ж, логично, — сказала учительница.

— Садитесь. А к доске мы попросим…

Она оглядела разом поскучневшие лица здоровенных своих учеников и задержалась взором на Тосе. Отгородившись портфеликом от Ильи, Тося отчаянно засигналила растопыренными пальцами, прося не вызывать сегодня к доске. Смотрела Тося так умоляюще, что учительница пожалела ее.

— Что ж, Кислицына у нас недавно была, потревожим-ка товарища… Спиридонова.

Филя крякнул и пошел к доске с видом человека, обреченного на верную гибель. Девчата на первой парте зашушукались, с проказливым любопытством поглядывая на Илью. Тося отодвинулась от своего соседа, жалея уже, что пустила его к себе за парту, и стала возиться с портфелем, который сегодня никак не хотел открываться. Илья с интересом наблюдал, как Тося безуспешно воюет с портфелем.

— Ну, чего пришел? — грозным шепотом спросила она. — Ведь каждый день в лесу видимся. Мало тебе?

— Ты и учиться мне запретишь?

— Не притворяйся, терпеть не могу обманщиков! — прошипела Тося, презирая Илью за все его хитрости, шитые белыми нитками.

Она неподкупно отодвинулась на самый краешек парты и с новой силой стала теребить забастовавший портфелик. Сжалившись над Тосей, Илья легонько нажал на замок — и портфель, будто только этого и ждал, сразу же послушно раскрылся.

— Просили его!

Тося вынула из портфеля клеенчатую общую тетрадь и застрочила с места в карьер, повернувшись боком к Илье.

— А быстро ты пишешь! — удивился Илья. — Прямо стенографистка!

Платя добром за добро, Тося выдрала из середки тетради двойной лист и положила на парту перед Ильей. Тяжело вздохнув, Илья пошарил в одном кармане, в другом — и вытащил на свет божий тупой огрызок карандаша. Тося тут же отобрала у него жалкий огрызок, позорящий высокое звание ученика вечерней школы, и забросила под парту, а взамен вручила Илье большой, остро отточенный карандаш. Илья вздохнул мрачней прежнего, пододвинул к себе лист и покорно начертал: «Урок № 1».

НАДЯ С КСАН КСАНЫЧЕМ ОБЗАВОДЯТСЯ МЕБЕЛЬЮ

Склонившись над полотнищем стенгазеты, Вера рисовала карикатуру на мастера Чуркина, спящего в медвежьей берлоге. Надя только что принесла с улицы мерзлое белье; негнущаяся рубашка Ксан Ксаныча пугалом растопырила рукава. Катя штопала чулок, напялив его на перегоревшую электрическую лампочку. Заложив руки за голову, Анфиса лежала одетая на койке поверх одеяла и смотрела в потолок.

В комнату вбежала румяная с мороза Тося, погрела руки над плитой.

— Кусается морозяка! — Она вынула из кармана письмо, помахала в воздухе. — Мам-Вера, заказное!

Вера протянула руку за письмом.

— Дудки! Сначала спляши!

— Не умеет она, — строго сказала Надя.

— А чего тут уметь? — Тося топнула ногой, вдохновляя себя на сочинительство, и приплясывая зачастила:

Письмецо я получила,

Пятки все свои отбила.
Вот так барыня!
Ай да ба-а-а…

Надя выхватила у Тоси письмо и подала Вере. Глянув на конверт, Вера шагнула к плите и бросила письмо в огонь.

— …рыня-а… — растерянно докончила Тося, во все глаза смотря на Веру: она все еще не могла привыкнуть к тому, что Вера сжигает письма, не читая их.

— От мужа? — тихо спросила Катя с видом человека, который знает, что причинит своим вопросом боль, но никак не может преодолеть жгучего любопытства.

Вера коротко кивнула в ответ и склонилась над стенгазетой.

— Какие часики в магазине выкинули! — восторженно сказала Тося, чтобы отвлечь внимание девчат от Веры. — Маленькие-маленькие, а стекло такое выпуклое, увеличительное…

— Видела я эти часики, — мрачно отозвалась Катя. — Цена у них тоже увеличительная.

Тося плеснула в кружку кипятку, заглянула через Верино плечо и одобрила карикатуру на Чуркина:

— Так его, соню, не жалей красок!.. Ох и здорово ты, мам-Вера, медведей рисуешь!

— Сюда бы еще стишок… Тось, подкинь, а? — попросила Вера. — Ты же сочиняешь, я знаю.

— На заказ я не могу… — виновато ответила Тося, по малой своей образованности не подозревая, что повторяет слова, которые до нее говорились многими.

Надя сунула в печку полено и разворошила пепел, оставшийся от Вериного письма.

— Слишком строгая ты, Веруха, — осудила она подругу. — Все-таки муж он тебе…

— Муж объелся груш! — вставила Тося, допивая чай. — А я так понимаю: разошлись — так насовсем, нечего людей смешить!

— Ты бы помолчала, когда старшие говорят, — посоветовала Надя. — Как-нибудь без тебя разберемся.

— Молчу, молчу… И до чего же все любят командовать, халвой не корми!

Удивляя подруг, Тося сама, без единого напоминания, вынула из тумбочки куцый свой портфелик, высыпала из него все учебники и тетради, села за стол и торжественно объявила:

— Ученье — свет, а неученье — тьма!

Вера с Катей тревожно переглянулись, не по-

нимая, что это творится с Тосей, а та, не теряя ни минуты, уже распахнула задачник и прилежно забормотала:

— Два поезда вышли…

Вера так изумилась, что даже нарушила клятвенное свое обещание никогда не делать уроков за Тосю.

— Дай я тебе помогу, — сердобольно предложила она. Тося с готовностью пододвинула было к Вере задачник, но тут же отдернула его назад.

— Я сама… Раньше мне как с гуся вода, а теперь стыдно чего-то у доски ушами хлопать… С чего бы это, мам-Вера?

— Должно быть, взрослеешь.

— Что ж, логично! — сказала Тося голосом старой учительницы математики.

Катя ехидно кашлянула.

— Ой, не финти, Кислица! Это перед Ильей не хочется тебе позориться.

Тося подумала-подумала, покрутила головой и призналась:

— Что ж, и это логично: не хочу, чтоб ирод этот радовался! — Она уткнулась в задачник и вдохновенно забубнила: — Два поезда вышли навстречу друг другу… — На секунду Тося вскинула голову и, по давней привычке, по-своему прокоммен-

тировала условия задачи: — И не столкнулись, дьяволы!

Сама не отдавая себе в этом отчета, Тося уселась за стол спиной к Анфисе, чтобы не видеть ее перед собой и понапрасну не вспоминать, что Илья крутил с ней. Тут уж вспоминай не вспоминай — ничего не исправишь. Да и много чести для них, чтобы Тося ломала себе голову над бесстыжими их делами!.. И надо же было так случиться, что она живет с Анфисой в одной комнате, и даже койки их стоят рядышком. А все комендант! Не мог, черт длинноногий, поселить Тосю в другую комнату. Правда, тогда она не подружилась бы с Верой, Надей и Катей… Вот жизнь: и так криво, и этак перекос!

Вера дорисовала карикатуру, легла на койку-гамак, взяла книгу, но читать не стала. Она с тревогой посмотрела на Надю, угрюмо сидящую в своем углу, уставясь в пол перед собой.

— Надежда, ты чего ужин не готовишь? Ксан Ксаныч скоро придет.

— Ужин? — очнулась от забытья Надя. — Да, ужин…

Она вытащила из-под койки корзину с картошкой и перерыла всю тумбочку в поисках ножа.

— Тоська, ты куда нож задевала?

Тося, старательно скрипевшая пером в тетрадке, замахала свободной рукой, показывая, что ни о каком ноже ничего знать не знает и вообще просит не мешать ее учебе. Анфиса молча вынула из тумбочки свой нож — тот самый, который всегда так ревниво оберегала от посягательства девчат, — и протянула его Наде.

— А ты подобрела, Анфиса, даже не верится! — удивилась Надя, беря нож. — Тьфу-тьфу, чтоб не сглазить.

— Смотри на дежурство не опоздай, — не отрываясь от книги, сказала Вера.

Анфиса молча оделась и вышла.

— Чего это с ней? — спросила Надя. — Вроде призадумалась?

— На инженера она нацелилась, — пояснила всезнающая Катя. — Думает на скромность его подловить.

Надя кинула очищенную картофелину мимо миски с водой.

— Неужели и этого к рукам приберет?

— Уже клюнул, — отозвалась Катя и переложила лампочку из одного чулка в другой.

В дверь тихо постучали. Тося по старой памяти вскинула было голову и даже рот открыла, чтобы крикнуть свое любимое: «Входи, кто там такой

вежливый!» — но вдруг раздумала и вернулась к задачке, довольная, что пересилила нелегкий соблазн.

— Да, — сказала Надя.

В комнату бочком проскользнул Ксан Ксаныч с новенькой самодельной табуреткой в руке.

— Вот! — торжествующе объявил он, выставляя табуретку посреди комнаты на всеобщее обозренье. — Обзаводимся с Надюшей помаленьку мебелью!

И тут уж Тося не выдержала, вскочила из-за стола и со всех сторон осмотрела табуретку. «Мебель» Ксан Ксаныча была хорошо оструган, крепко сколочена и выкрашена в яркий зеленый цвет. Все предусмотрел дотошный Ксан Ксаныч, даже вырезал полумесяцем отверстие в сиденье, чтобы удобней было переставлять табуретку с места на место.

— Ох и мастерущий вы, Ксан Ксаныч! — похвалила Тося, обводя пальцем полумесяц. — Мне бы такую табуретку ни в жизнь не сделать!

— А ты присядь! — попросил Ксан Ксаныч, счастливо улыбаясь.

Чтобы доставить доброму Ксан Ксанычу удовольствие, Тося шлепнулась на табуретку.

— Ну как?

— Век сидела бы, не вставала! Такая табуретка, я думаю, рубликов двадцать стоит?

— Попробуй купи такую за двадцать, — захорохорился Ксан Ксаныч. — И за четвертную не найдешь!

— Да, продешевила я, — поспешно согласилась Тося.

Ксан Ксаныч подошел к Наде, на правах жениха нежно пожал ей руку выше локтя и поставил табуретку в их семейный угол.

— Припозднилась я сегодня… — виновато сказала Надя и засуетилась у плиты.

— Ничего, Надюша, — успокоил невесту Ксан Ксаныч, — нынче я совсем не оголодал.

Он поправил на стене покосившуюся картинку-сюрприз, сел на свою табуретку с дырочкой и поделился коронной новостью:

— В конторе говорили, Надюша, всех плотников на стройку возвращают… А все этот инженер! — Ксан Ксаныч понизил голос. — Я так понимаю, из этих он… из новых…

Надя сразу догадалась, о чем идет речь, и закивала головой, соглашаясь со своим женихом.

Здесь уже пришло время сказать, что Ксан Ксаныч был совсем не так прост, как кое-кто в поселке о нем думал. Несмотря на то что он ти-

хо-смирно сидел в своем углу и никуда, как он сам говорил, не рыпался, Ксан Ксаныч имел свое собственное мнение решительно обо всем, что творилось на нашей планете. И лишь изредка, когда какое-нибудь событие было очень уж запутанное и происходило за тридевять земель от поселка, Ксан Ксаныч говорил тихим своим голосом, что издали он не может судить, ему надо хоть одним глазом взглянуть, как оно там, в натуре.

И уж само собой, было у Ксан Ксаныча свое мнение обо всех начальниках, с какими довелось ему повстречаться в жизни. Всех больших и малых начальников, известных ему, Ксан Ксаныч для собственного удобства делил на старых и новых. Старых начальников он поругивал, а к новым благоволил, считал, что идут они правильным путем, и желал им всяческих успехов на этом нелегком пути, а главное — не сбиться на дорожку, натоптанную старыми начальниками.

И совсем не в возрасте начальников тут было дело. На примете у Ксан Ксаныча были и совсем молодые начальники, которым еле-еле набежало два десятка лет, а у него они все-таки ходили в стариках. Другим же начальникам и шестьдесят стукнуло, а для Ксан Ксаныча они были все-таки новыми.

Бравый вид, амбиция, высшее-перевысшее образование, ловко подвешенный язык, даже умение хорошо работать, взятое само по себе, — все это Ксан Ксаныч тоже не очень-то жаловал. Главным и решающим для него было: куда начальник нацелен, для кого он живет и старается, для себя или для всех простых людей, вроде самого Ксан Ксаныча, Нади и той же Тоси-поварихи, которые вручили ему печать — в представлении Ксан Ксаныча все начальники были с печатями — и доверили командовать собой.

Сам мастер на все руки, Ксан Ксаныч больше всего ценил тех начальников, которые умели не только командовать, но знали еще и какое-нибудь простое, не начальническое ремесло: умели, к примеру, валить лес, плавить сталь или выращивать хлеб. Таким начальникам Ксан Ксаныч верил больше всего, ибо считал, что мастер мастера никогда не подведет.

Наслушавшись, как инженер покрикивает на Чуркина, Ксан Ксаныч совсем уж собрался зачислить его в старые начальники. Но стоило лишь ему узнать, что Дементьев убедил Игната Васильевича вернуть всех плотников на стройку дома, в котором Ксан Ксанычу с Надей была обещана комната, позарез нужная им для семейной

жизни, — как он тотчас же, без всякой волокиты, перевел Дементьева из старых начальников в новые.

Впрочем, успокаиваться Дементьеву и почивать на лаврах было еще рановато. В той богатой коллекции начальников, какую собрал на своем веку Ксан Ксаныч, попадались и такие, которые начинали совсем как новые, новей некуда, — а потом прямым ходом скатывались к старым начальникам и становились еще похлестче тех, кто отродясь был старым и никуда не рыпался.

Прежде чем вернуться к нашей приостановившейся повести, осталось еще добавить, что мысли свои о начальниках робкий Ксан Ксаныч считал ужасно смелыми и даже малость крамольными. Он не только никому не навязывал этих своих мыслей, но тщательно скрывал их ото всех. На собраниях, даже самых бурных, Ксан Ксаныч сидел себе в уголке, внимательно слушал ораторов, а сам благоразумно с критикой на рожон не лез. И заметок в стенгазету под псевдонимами «Оса» и «Жало», полюбившимися всем правдолюбцам, он тоже никогда не писал.

Заветные мысли свои Ксан Ксаныч поведал одной лишь Наде, ибо в глубине души считал уже Надю своей женой, а настоящая семейная

жизнь, как понимал ее холостой Ксан Ксаныч, требовала, чтобы никаких секретов меж супругами не было. Может быть, Ксан Ксаныч потому так и стремился к семейной жизни, что с годами надоело ему молчать и копить свои мысли в одиночку, захотелось на пороге старости всегда иметь под рукой хоть одного, но терпеливого и преданного слушателя…

— Я так думаю, Надюша, — сказал Ксан Ксаныч, — если наш инженер и дальше не подкачает, пригласим его на свадьбу… Ты как, не возражаешь?

— Что ж, — отозвалась Надя, высыпая начищенную картошку на сковородку, — пускай приходит.

Тося решила свою задачку с двумя поездами, заглянула в конец учебника и несказанно удивилась тому, что самодельный ее ответ, выцарапанный из множества цифр, тютелька в тютельку совпал с недосягаемым прежде для нее книжным ответом.

— А они легкие, задачки, если их решать! — поделилась Тося своим открытием. — Если и дальше так пойдет, я еще, чего доброго, и в отличницы выйду. Вот чудеса-а!..

— Если б тебе правильное воспитание, — наставительно сказала Вера, — ты совсем человеком

была бы. Возможности в тебе заложены.

— Здравствуйте! — изумилась Тося. — А разве я сейчас не человек?

Вера отмахнулась:

— Сейчас в тебе все перемешано — и хорошее, и плохое. Натощак даже не разобрать, чего больше.

— Так не пойдет! — решительно заявила Тося, с шумом захлопывая задачник и придвигая к себе грамматику. — Нельзя живого человека пополам пилить: от макушки до пупка беру, заверните, а от пупка до пяток сдайте в утильсырье. Я так считаю: все хорошее во мне — мое, ну и все плохое — тоже, куда же оно денется? Так что берите меня всю целиком, какая я есть, сдачи не надо!

— Ну, затараторила, — осудила Катя.

Она терпеть почему-то не могла, когда Тося начинала вдруг вот так разглагольствовать. В такие минуты Кате всегда почему-то казалось, что Тося возносится над ней и все это видят.

Но, готовясь ко сну, Катя быстро восстановила душевное равновесие. Стоило лишь ей перевести глаза с высокой горки пуховых своих подушек на одну-разъединственную Тосину подушку, набитую к тому же слежавшейся казенной ватой, — и Катя сразу же почувствовала прочное свое

превосходство. Ей даже смешно стало, что она вздумала обижаться на неимущую Тосю, которой, по всему видать, никогда не нажить таких пышных подушек.

— Ксан Ксаны-ыч! — окликнула повеселевшая Катя, разбирая постель.

— Есть! — догадался Ксан Ксаныч и отвернулся к стене.

И сейчас же рука его сама собой потянулась в карман за ножиком — кажется, даже без ведома хозяина. Ксан Ксаныч нагнулся было к нижним венцам бревен, но все пазы там были уже проконопачены, и ему пришлось, постелив предварительно газету, взобраться на свою знаменитую табуретку с дырочкой и заняться верхними пазами.

ДЕМЕНТЬЕВ ВОПРОШАЕТ ЭХО

Анфиса шла по старой запорошенной лыжне, а Дементьев — рядом, снежной целиной. Дикий, не тронутый человеком лес расступался перед ними, показывал заповедные свои тайны. Лыжи скользили легко, чистый снег празднично сверкал под солнцем, и мороз сегодня настроен был миролюбиво: он лишь покусывал, не давал стоять на месте, а на ходу не трогал и угадывался лишь по отвердевшим чужеватым губам и струйкам пара, вылетающим изо рта.

— Брусники тут — завались, — деловито рассказывала Анфиса, знакомя Дементьева с местными достопримечательностями. — А из той вон пади наши хозяйки ведрами грибы таскают. Вот женитесь у нас — будете рыжики солить.

— Рыжики? — счастливо переспросил Дементьев и от полноты чувств ударил лыжной палкой по ближнему стволу.

Еловая лапа, отягощенная непосильной снежной ношей, дрогнула в вышине и уронила ком снега. Дементьев вскинул голову и подставил разгоряченное лицо щекочущей изморози.

— А мне у вас нравится! — признался он, догоняя Анфису и любуясь ею. — Жаль, не знал я раньше, про… про этот лесопункт! — Анфиса недоверчиво покосилась на него. — А это место чем знаменито?

— Эхо тут интересное. Вот послушайте. — Анфиса остановилась и по-хозяйски требовательно крикнула: — Эй!

Застоявшееся без работы эхо охотно подхватило крик Анфисы и пошло перекатывать его со ступеньки на ступеньку, удаляясь и затихая. И Дементьев тоже крикнул — и настороженно прислушался к ступенчатому эху. Крик Дементьева ринулся вдогонку за Анфисиным, в дальней глухомани настиг его и слился с ним.

— Правильное эхо! — одобрил Дементьев.

Они взобрались на вершину невысокой горушки. Дементьев взмахнул лыжной палкой, приглашая Анфису полюбоваться дикой лесной чащобой, заваленной снегом.

— Каково, а? Прямо на полотно просится!

Анфиса добросовестно осмотрелась вокруг. Откровенно говоря, она никогда не понимала тех людей, которые приходили в нестерпимый восторг при виде красивенького пейзажа, какой-нибудь замысловатой тучки в небе или румяного

заката. А уж восхищаться лесом Анфиса и совсем не умела. Она выросла в лесном краю, перевидала на своем веку многие тысячи деревьев — зимой и летом, утром и вечером, — и лес в любом своем обличье был для нее слишком обычным и примелькавшимся явлением, чтоб им стоило восхищаться.

Но сейчас ей захотелось вдруг увидеть лес глазами Дементьева — и, кажется, это удалось Анфисе.

Зима нахлобучила пышные шапки на макушки деревьев, выгнула стылые ветки, опушила инеем каждую иголку — ни одной не пропустила. Строгим холодком веяло от густого молодого ельника, у подножья которого на снегу залегли размытые сизые тени. А от мачтовых сосен пахнуло вдруг на Анфису теплом. Казалось: бронзовые стволы досыта напитались летним солнцем и оно просвечивает сейчас изнутри сквозь тонкую чешуйчатую кору. В чащобе раз-другой робко стукнул невидимый дятел — и замер, боясь нарушить царственную тишину.

Анфиса была уверена: еще немного — и она поняла бы скрытую от нее прежде красоту леса. Но в это время к ней пришло вдруг неуютное чувство, будто не только она смотрит на лес, но

и он — на нее. И не только смотрит, но и видит всю ее целиком, со всей ее неправильной, запутанной жизнью, которую она хотела бы скрыть от Дементьева.

— Пойдемте, холодно стоять, — угрюмо сказала Анфиса и скользнула на лыжах с горки.

Дементьев нагнал ее в низине и сразу же похвалил:

— Хорошо вы на лыжах ходите, я бы вам первый разряд дал!

— Не все такие добрые! Я же местная… Тут поблизости и родилась.

— Странно… — вслух подумал Дементьев. — А мне все почему-то кажется, вы издалека сюда приехали… — Он замолк на миг, проверяя себя, и выпалил убежденно: — Заморская принцесса вы!

— Так уж и принцесса?

— Самая настоящая! Я еще таких не встречал.

Анфиса посерьезнела, но, не зная, как ей быть, ответила в привычной своей поддразнивающе-завлекающей манере:

— Да бросьте вы, Вадим Петрович! Так я вам и поверила. В Ленинграде учились и не встречали? Да там небось такие принцессы на каждом углу газировкой торгуют… Комплиментщик вы!

Дементьев резко остановился, будто споткнулся на ровном месте. И Анфиса остановилась, испуганно и виновато глянула на него. С каждой новой встречей ей все трудней и трудней стало разговаривать с Дементьевым. Анфиса никак не могла найти правильный тон: держаться с Дементьевым так, как она обычно держалась с Ильей и другими своими кавалерами, было нельзя, это Анфиса хорошо чувствовала, а как надо — не знала и частенько срывалась.

— Вы это серьезно? — с тревогой в голосе спросил Дементьев. — Плохо же вы меня знаете… А мы сейчас проверим! — Он повернулся к чащобе и набрал полную грудь воздуха. — Ведь не встреча-ал?

Эхо чуть помедлило и отозвалось:

— Не-э-ал!.. Не-э-э-а-ал!.. Э-а-о…

— Слышали? — торжествовал Дементьев победу. — Лес врать не будет.

Анфиса поспешно отвернулась.

— Чудик вы!

И первая двинулась вперед. Незнакомая ей прежде ласковая, признательная и лишь самую малость снисходительная улыбка скользнула по лицу Анфисы.

Они вышли к скованной морозом реке. На

противоположном берегу открылись длинные штабеля бревен, приготовленных к сплаву.

— А это что? — удивился Дементьев. — Неужели наш поселок?.

— Он самый… — Анфиса помрачнела, будто спустилась с небес на землю. — Догоняйте!

Она решительно свернула с лыжни и помчалась прочь от реки. Дементьев ринулся за ней.

В поселок они вернулись уже в сумерках. На крыльце общежития Анфиса сняла лыжи, сбила налипший снег. Прыгая на одной ножке, по улице пробирался Петька Чуркин с авоськой, из которой наружу высовывался русалочий хвост крупной трески. Дементьев схватил Петьку и поднял в воздух.

— Куда путь держишь, гражданин хороший?

— Пусти! — завопил Петька, размахивая авоськой и норовя мазнуть Дементьева русалочьим хвостом по лицу.

— Скажи чей, тогда отпущу.

— Ты моему папке выговор влепил, не буду я с тобой разговаривать.

— Ага, значит, ты Чуркин!

— Не говорил я этого… Пусти, бюрократ несчастный!

Дементьев счастливо засмеялся, будто похвалу

себе услышал, и отпустил парнишку.

— Это меня так в их семье величают, поняли, Анфиса? — И крикнул Петьке:

— Заходи как-нибудь, интересную книжку с картинками дам почитать.

В ответ на приглашенье Петька скомкал снежок и запустил Дементьеву в спину.

— Боевой! — одобрительно сказал Дементьев, поеживаясь от удара. — Люблю детей, а вы?

Вопрос застал Анфису врасплох.

— Н-не очень… Беспокойные они…

— Ну что вы! — Дементьев впервые не согласился с Анфисой. — Это такие чудесные человечки!..

НА ТОРМОЗНОЙ ПЛОЩАДКЕ

На делянке догорали, чадя, костры. Садилось солнце, расцветив снега всеми цветами побежалости[9]. Тени деревьев вытянулись так далеко, что трудно было понять, какая тень от какого дерева.

Лесорубы спешили к поезду. Тося уже привыкла к тому, что каждый вечер Илья шел рядом с ней, и лишь потом, при посадке на поезд, им не всегда удавалось остаться вместе. А сегодня он бросил ее на полпути и умчался зачем-то вперед. «Ну погоди!» — затаила Тося обиду.

Завидев лесорубов, чумазый машинист «кукушки» дал долгий гудок. Лесорубы кинулись к составу занимать лучшие места. Илья первым подбежал к поезду и вспрыгнул на тормозную площадку.

— Занято! Занято! — отбивал он все атаки. — Тося, давай сюда!

Тося подошла к тормозной площадке, независимо спросила:

---

[9] Примечания: 9

Побежалость — пестрая радужная окраска минерала; цвет окалины нагреваемого металла.

— Чего тебе?

— Иди сюда, плацкартное место!

Илья протянул руку. Тося заколебалась, нерешительно огляделась вокруг. Лесорубы, которым не хватило места на тормозных площадках, лезли на груженые платформы и устраивались на бревнах. Катя с Сашкой обосновались над головой Ильи, предусмотрительно повернулись спинами к паровозу и, не сговариваясь, оба враз подняли воротники. Тося давно уже заприметила, что «женатики» сплошь и рядом ведут себя как одно существо. На словах Тося высмеивала подругу за утерю самостоятельности, а в глубине души завидовала единодушию Кати с косолапым Сашкой.

— Давай, давай! — заторопил Илья. — Продует тебя на верхотуре.

Он помог Тосе взобраться на высокую площадку. Паровозик с трудом сдвинул тяжелый, будто примерзший состав. Из конторки выскочила Вера и побежала к поезду, придерживая кирзовую сумку, бьющую ее по боку.

— Веруха! — позвала Тося и подосадовала: — Эх, не слышит!

— Да зачем она нам? — запротестовал Илья. — Третий лишний!

Вера села на соседнюю тормозную площадку.

Поезд набрал ход. Колеса завели дорожную бухгалтерию: считали стыки рельсов, сбивались на поворотах и снова принимались считать. Заснеженный лес по бокам дороги разворачивал перед Тосей зимнюю свою красу.

— Красиво… — тихо сказала Тося: она успела уже заметить, что тот лес, где они не работают, всегда почему-то кажется красивей.

— Что? — не расслышал Илья. — Ну да, красотища!.. Пойдем сегодня в кино?

— А какая картина?

— «Смелые люди».

— Пойдем. Четыре раза видела, а все интересно… Я про лошадей уважаю смотреть.

Илья обнадежил Тосю:

— У нас эту картину часто показывают!

Присматривая за Тосей, любопытная Катя свесилась с верхотуры. И Вера на соседней площадке не спускала глаз со своей подопечной.

— Да не съем я ее! — с досадой крикнул Илья. Голова Кати отпрянула. — Ох и много же у тебя опекунов!

Тося поддержала Илью:

— Делать им нечего… Будто я маленькая!

— А ты шугани их, — посоветовал Илья.

— Придется…

Площадку мотало из стороны в сторону, словно хотело вырвать из-под ног Тоси.

— Не холодно тебе? — с неумелой нежностью спросил Илья.

Тося покачала головой. Илья стащил с себя теплый шарф и заботливо укутал ее горло.

— Вот и еще один опекун объявился! — сказала Тося.

А Илье захотелось вдруг сейчас же все рассказать Тосе о споре, чтобы ничто грязное из прежней его жизни не стояло больше меж ними. Этот дурацкий спор на каждом шагу мешал теперь Илье, отравлял всю его радость, дня единого не давал ему спокойно прожить на свете.

Он откашлялся и совсем уж собрался покаяться перед Тосей в самом тяжком своем грехе, но увидел рядом с собой ее блестящие первым молодым счастьем глаза — и у Ильи язык не повернулся заговорить в такую минуту о споре. Это было все равно что исподтишка ударить Тосю в спину. «Потом как-нибудь...» — благоразумно решил Илья.

Смеркалось, и Тося спешила в последние светлые минуты досыта налюбоваться диким лесом. Изредка, с трудом ворочая туго спеленатой шеей, она снизу вверх доверчиво смотрела на Илью, и тот каждый раз горделиво кивал ей головой с та-

ким видом, точно сам собственноручно сотворил для Тоси всю эту сказочную лесную красу.

А потом Илья как-то странно посмотрел на нее, и Тосе показалось, будто он знает про них обоих что-то очень интересное, а вот сказать почему-то не хочет. Тося терпеть не могла, когда люди ни с того ни с сего начинают вдруг секретничать, и спросила неодобрительно:

— Ну чего ты? Вот человек!

— Знаешь, я даже не думал, что такие девчата бывают! — признался Илья. — Какая-то ты такая…

Он неопределенно покрутил растопыренными пальцами, не в силах найти нужное слово. Тося польщенно шмыгнула носом.

— Такая-сякая?

— Сначала ты мне только нравилась, а теперь… — Голос Ильи дрогнул. — Полюбил я тебя, Тось… И не хотел, а полюбил! Ты только не смейся…

— Вот еще! — сказала Тося и прижалась вспыхнувшей щекой к ледяной стойке.

Она искоса глянула на Илью, ожидая, что он ей еще скажет, чем порадует. А у того вдруг все слова вылетели из головы.

— По-настоящему полюбил, понимаешь? — лишь повторил Илья и снова замолк.

Он показался вдруг Тосе похожим на неуклюжего Сашку. Все ребята, видать, как до любви дойдет, — косолапые…

— «Знаешь-понимаешь»… — обиженно пробормотала Тося и напомнила Илье:

— Когда-то ты лучше говорил: «Увижу тебя — и праздник на душе, закрою глаза — и образ твой стоит передо мной!»

Илья смущенно крякнул и пожалел, что так много говорил Тосе раньше.

— Тогда я еще… глупый был! — покаялся он. — И слова те дешевые были, ты их забудь… Это теперь вот праздник у меня на душе! Знаешь, я ведь даже все недостатки твои люблю!

— Какие там еще недостатки? — настороженно спросила Тося.

Илья замялся, боясь обидеть самолюбивую девчонку.

— Ну?! — потребовала Тося.

— Нос у тебя немножко того… подгулял, — боязливо сказал Илья и тут же поправился: — Совсем чуть-чуть!

Тося машинально провела кулаком по лицу, безуспешно пытаясь прижать вздернутый кончик носа. Самокритичное ее молчание придало Илье храбрости.

— Ну, и рост… — Он кашлянул. — Средний… Знаешь, я даже думаю теперь, что никогда не смог бы полюбить высокую… На кой ляд мне такая каланча?

Тося наклонила голову, целиком и полностью разделяя мнение Ильи насчет каланчи. Она ожидала, что после суровой критики ее недостатков Илья перейдет к восхвалению ее достоинств — ведь должны же у нее быть хоть какие-нибудь достоинства, не за одни же недостатки Илья полюбил ее, — но он опять замолчал.

Все те привычные бесстыжие слова, которые Илья, не задумываясь, говорил прежним своим ухажеркам, Тосе сказать было никак нельзя, а других слов он просто не знал.

— Эх, не умею я про любовь! — горячо пожалел он. — Хочешь, я лучше ради тебя с поезда спрыгну?!

Илья шагнул к ступенькам. Тося испуганно схватила его за рукав:

— Еще разобьешься!

Она тут же отодвинулась от Ильи, огляделась вокруг и как бы заново увидела: затоптанную многими ногами неказистую тормозную площадку с лохмотьями древесной коры на полу, ржавое колесо тормоза, нацеленные на нее с

соседней платформы торцы бревен, меченные фиолетовым Вериным мелком, и совсем близко от себя — несвежий ватник Ильи с прожженным у костра боком. Так вот, значит, как ей впервые в любви объяснились!

Не умом, а всем своим существом Тося вдруг почувствовала неуловимую быстротекучесть времени. Не ухватить его за какой-нибудь хвостик секунды, не попридержать… И это в ее жизни уже позади! Питайся она одним кислым молоком и проживи на свете еще хоть двести лет — а первому объяснению никогда уж не бывать. Если посчастливится, ей могут объясниться во второй раз, в пятый, в двадцать… девятый. Больше, пожалуй, и не надо, ведь каждый раз придется что-то отвечать. Слишком хлопотное это дело.

Раньше Тося была почему-то уверена, что, как только ей объяснятся в любви, вся жизнь ее сразу переменится. А сейчас она увидела, что все в общем-то осталось по-прежнему: с равнодушным железным грохотом катились колеса под полом платформы, по сторонам дороги в густеющих сумерках мелькали темные ели и серые расплывчатые березы. И даже собственный Тосин палец, порезанный сегодня на кухне и завязанный тряпочкой, все так же, как и до признания Ильи,

мерз в рукавице.

Тосе казалось, что Илья все напутал и объявил о своей любви совсем не так, как надо было. Слишком уж все произошло буднично и как-то между делом. А затрапезным своим видом Илья, сам того не подозревая, вконец испортил долгожданный Тосин праздник. Тося не была бюрократкой и не требовала, чтобы Илья ради такого торжественного случая вырядился в парчу и бархат, но и в ватнике с прожженным боком ему тоже, пожалуй, объясняться в любви не следовало…

Илья пристально смотрел на Тосю, ожидая ответа. Ему теперь что: оттараторил свое — и отдыхай. А ей надо было все взвесить, даже вперед заглянуть до самой старости, чтобы не допустить промашки. А тут еще прожженный бок ватника, дразня Тосю, все время маячил перед ее глазами. Она плохо понимала себя сейчас и, чтобы выгадать время, спросила, уточняя обстановку:

— Значит, признаешься?

Тося вдруг припомнила, как когда-то спорила с Катей из-за этого слова, и усомнилась теперь: а стоило ли спорить? Слово как слово, не хуже других, — и чего она тогда придиралась? Пусть даже и немного нескладное слово, зато смысл… А смысл, это же всем на свете известно, — самое

главное!

— Признаешься? — переспросила Тося.

— В чем? — опешил Илья.

— Как в чем? Здравствуй, Марья, где твой Яков!.. Признаешься, что… это самое, любишь меня?

Тося придирчиво глянула на Илью, заподозрив, уж не морочит ли он ей голову.

— Ну, признаюсь… — неохотно буркнул Илья, решительно не понимая, что же это происходит.

— Ты без «ну» давай! — потребовала Тося и покосилась на прожженный ватник, чтобы укрепить себя в твердости и изгнать всякую жалость к Илье, которая непрошенно шевельнулась в дальнем, самом женском закоулке ее сердца, плохо поддающемся контролю. — Ну, так как?

— Сказал же… Тебе, может, справку написать?

Тося пропустила мимо ушей колкость Ильи и важно наклонила голову, принимая к сведению его признанье.

— А как ты меня… любишь? Так себе или прямо жить без меня не можешь?

Она говорила чуть посмеиваясь, и Илья никак не мог понять, всерьез она спрашивает или издевается над ним по девчоночьему своему обыкновению.

— Не могу, — угрюмо признался Илья. — Такого

со мной еще никогда не было…

Илье вдруг показалось, что они говорят с Тосей на разных языках и она никогда не поймет, как нужна ему. С этой малолеткой все у него шло как-то не по правилам. Тося поминутно загоняла Илью в тупик, и никогда нельзя было заранее предугадать, что она выкинет в следующую минуту. А вопросы она задавала такие необычные, не принятые между другими людьми, что только много позже, на досуге, Илье приходили в голову ловкие, достойные его самолюбия ответы.

— А во сне ты меня видишь? — выпытывала Тося. Мужская гордость возмутилась в Илье. Он вдруг представил, как смешно выглядит сейчас со стороны: стоит здоровенный парень перед кнопкой Тосей и отчитывается в своих снах. И хотя Илья уже не раз видел Тосю во сне, но сейчас назло ей замотал головой, чтобы хоть немного сбить с нее непомерную спесь.

— Значит, у тебя еще не настоящая любовь, — авторитетно разъясняла Тося. — Запомни, — может, когда пригодится: надо проснуться ровно в полночь, перевернуть подушку — и тогда обязательно увидишь во сне, кого хочешь!

Заслышав такое, Илья даже злиться на Тосю перестал.

— Эх, Тосенька! — со вздохом сказал он, жалея, что прирос сердцем к такой зеленой девчонке, которая еще двумя ногами стоит в детстве и ничегошеньки не понимает в чувствах взрослых людей.

— А ты попробуй, а потом эхай. Верное дело! Я всегда подушку переворачиваю, и один человек снится мне как миленький!

— Это кто же тебе снится? — ревниво спросил Илья. — Я ему все ноги переломаю!

— Не переломаешь! — Тося лукаво посмотрела на недогадливого Илью. — Как бы самому потом не пришлось на костылях шкандыбать…

В глуховатом, чуть хриплом от простуды голосе Тоси прорезалась вдруг зажатая до времени девичья струна и ликующе зазвенела, лаская Илью. Выдавая тайну своей хозяйки, струна эта поведала Илье, чтобы он не очень-то верил показной Тосиной холодности и уж совсем бы не обращал внимания на то, что Тося говорит. Пусть он больше верит вот этой тайной струне, да еще, пожалуй, пусть хорошенько призадумается над последними словами о костылях, на которых придется ему ходить, если он переломает ноги тому, кто часто снится Тосе…

Илья вдруг понял все.

— Тось! — Он задохнулся от нежности. — Значит?..

— Значит! — пропела струна.

Рука Ильи привычно взлетела, запнулась в воздухе, наткнувшись на невидимую преграду, и робко дотронулась до Тосиного плеча. Но стоило лишь Тосе покоситься на его самовольную руку, как Илья тут же поспешно отдернул ее, будто ожегся. И Тосе понравилось, что он стал таким послушным, хоть на выставку его посылай. Ей захотелось добром отплатить за добро, да и лестно было, что она может так запросто сделать другого человека счастливым. Обеими руками она подняла тяжелую руку Ильи, водрузила себе на плечо и сказала покладисто:

— Пускай уж…

На верхотуре запоздало закашляла Катя.

ТОСЕ ОТКРЫВАЮТ ГЛАЗА

Вера отложила книгу и оглядела комнату. Надя, как всегда по вечерам, возилась у плиты. В ожидании ужина работящий Ксан Ксаныч с масленкой в руке колдовал над скрипучей дверцей шкафа, полный решимости навсегда избавить девчат от противного скрипа. Катя с Анфисой собирались в кино на «Смелых людей». Анфиса уже перепробовала штук пять самых разнообразных причесок, и все они сегодня ей что-то не нравились: то казались слишком уж вызывающими, то чуть ли не старушечьими.

За окном, поджидая Катю, тихонько наигрывал на гармони верный Сашка. Начальный веселый мотив заметно помрачнел: видно, Сашкино терпенье в единоборстве с морозом подходило к концу.

— Делаем вид, что ничего не случилось? — сердито спросила Вера.

— Ты о чем это? — не поняла Катя.

— Да вы что, ослепли? Надо нам Тоську выручать. Прямо на огонь летит, дуреха доверчивая!

— Да-а… — шумно вздохнул Ксан Ксаныч. — Та-

кой возраст! Можно сказать, весна жизни…

Девчата ожидали, что после философского вступления Ксан Ксаныч все растолкует им, но он тут же и замолк и сунул голову внутрь шкафа.

— Как бы эта весна осенью не обернулась! — сердито сказала Вера. — Пусть Тося ничего не видит, но мы-то не слепые? Спохватимся потом, да уж поздно будет.

— Она думает, Илья женится на ней, — Катя прыснула. — Вот комик!

— Тебе бы только посмеяться… — Вера снова обежала взглядом комнату. — Ну, так как же? И молчать дальше нельзя, и как такому детенышу все растолковать — ума не приложу…

— Чуткое отношение к подруге? — насмешливо спросила Анфиса. — Ох и много еще, Веруха, в тебе показного!

Вера рывком повернулась к ней:

— Всего я от вас с Ильей ожидала, но уж такого… Связался черт с младенцем!

— А я тут при чем? — удивилась Анфиса. — Илья спорил, с него и спрос…

Она испуганно прикусила губу.

— Спорил? Этого еще не хватало! Чуяло мое сердце, что тут нечисто… — Вера решительно подступила к Анфисе. — А ну, выкладывай!

— Точно не знаю… С Филей он… кажется.

— Ты уж не прячься теперь! Одна у вас шайка-лейка. Хочешь пристроить Илью, чтоб не мешал Вадима-Петровича околпачивать?

В голосе Веры зазвучала давняя, с трудом сдерживаемая ненависть. Любопытная Катя придвинулась к Вере и испытующе заглянула ей в глаза. Она давно уже заприметила, что Вера терпеть не может Анфису, но никак не могла понять, чего они меж собой не поделили. Иногда Кате казалось, что они встречались когда-то, еще до приезда в поселок, и в той прежней, неведомой ей жизни Анфиса перебежала Вере дорогу.

Катя была уверена, что Анфиса накричит сейчас на Веру, а та лишь сказала тихо:

— Хоть и много ты читаешь, Верка, а дура.

И расческу она опустила, будто не в силах была удержать ее на весу. У Анфисы мелко-мелко дрожала рука, и вся она была сейчас какая-то новая, точно окошко потайное приоткрылось в ней. Никогда еще Катя не видела Анфису такой, ей даже жалко ее стало.

А Вера ничуть не жалела Анфису и потребовала:

— Вот придет Тося, ты ей все расскажи.

— Еще чего! Спешу и падаю! — привычно выпа-

лила Анфиса и тяжело подняла расческу.

Окошко захлопнулось, рука Анфисы больше уже не дрожала. Она снова стала прежней, самоуверенной красавицей, и такую Анфису жалеть уже было нельзя.

— Тогда мы сами скажем, — пригрозила Вера.

— Только попробуйте! — обозлилась Анфиса. — Я вам, как подругам, по секрету… Илья дознается, голову свернет!

— Ох и дрянь ты, о себе одной думаешь… — Вера брезгливо отодвинулась от Анфисы, оглядела девчат. — Теперь мы просто обязаны спасти Тосю! Вот только как?

— А что, если… — начала было Катя и сама же первая забраковала свою придумку: — Нет, не может этого быть! Мне померещилось: мы тут спасаем Тоську, а вдруг у Ильи к ней чувство? Самое настоящее, понимаете?

— Было б чувство, так не спорил бы, — сказала Вера.

Надя осуждающе загремела сковородкой на плите.

— «Чувство»! — передразнила она Катю. — От такого чувства матери-одиночки получаются!

— Вот я же и говорю, — поспешила оправдаться Катя, — померещилось…

— Так как же нам быть? — снова спросила Вера. — Решайте.

— Открыть надо Тоське глаза. Правду всегда лучше знать, какая бы она ни была! — убежденно сказала Надя.

— А чем Тоська лучше нас? — удивилась Анфиса. — Нам почему-то глаза не открывали.

— Вот и выросла цаца — смотреть противно!

— А ты не смотри, — посоветовала Анфиса.

Ксан Ксаныч высунулся из-за шкафа этаким добрым домовым, прописанным в этой комнате общежития, и заявил рассудительно:

— Пожалеть человека надо. Веселая сейчас наша Тося, смотришь на нее — и сердце радуется, а как проведает, что Илья обманщик… Прикиньте, каково ей будет?.. Молодые вы еще, вот и думаете: краше правды ничего на свете нету. Правда — вещь хорошая, а только иногда лучше ее и не знать: спокойней так-то жить…

Ксан Ксаныч покосился на Надю. Та загремела сковородкой на плите, и не понять было, слышала она своего жениха или нет. Вера сказала с досадой:

— Да не в спокойствии дело, Ксан Ксаныч! Хрупкая еще Тося, узнает, что Илья сволочь, — и всем людям перестанет верить. Так и душу сломать ей

недолго. Бывали такие случаи…

— Вот чудеса! — удивилась вдруг Катя. — А ведь раньше мы ни о ком так не заботились! Как в общем бараке жили, а теперь… С чего бы это, а?

— Несамостоятельная Тоська, вот и хочется ей помочь, — предположила Надя.

Катя покачала головой:

— Нет, здесь что-то другое… Сдается мне, Кислица не только в тумбочки к нам забралась, а и в души… Вот проныра! От горшка три вершка, а поди ж ты, что вытворяет!

— Так что же нам все-таки делать? — напомнила Вера. — Неужели, девчата, мы все вчетвером… — Она покосилась на Анфису и поправилась: — Ну хотя бы втроем не убережем Тосю от одного сукина сына? Грош нам тогда цена!

— Что же нам теперь, часовыми при ней стоять? — усомнилась Катя. — Попробуй уследи за такой! Предупреждала ее, что бабник Илья, кашляла… Другая бы за семь верст обходила его, а наша разлюбезная Кислица…

Договорить Кате не пришлось: дверь со стуком распахнулась, и в комнату ступила тихая Тося. Двигалась она непривычно медленно, словно боялась расплескать молодое свое счастье. Стоящий на ее пути стул Тося обошла стороной, а не

отпихнула, как непременно сделала бы раньше. Было сейчас в ней что-то горделиво-важное, даже чуть-чуть высокомерное. Она как бы подорожала вдруг в собственных глазах, узнав, что и ее, недоростка, можно полюбить.

— Катерина, ты чего Сашку морозишь? Совсем закоченел парень! Слышишь, как жалобно выводит?.. А я на собрании поваров была, вот где смех!.. — Тося оглядела примолкших девчат, непрочная солидность мигом слетела с нее. — Вы что, косточки мне перемывали? Ну, чего говорили, чего? Стыдно сказать, да? А еще подруги!

Она скинула валенки, крикнула азартно:

— Футбол! — и загнала их под койку.

Вера за ее спиной развела руками, как бы говоря девчатам: «Вот потолкуй с такой!»

— Никто ко мне не приходил? — спросила Тося, вываливая учебники из портфелика на стол.

Вера сразу насторожилась, почуяв недоброе.

— А кого ты ждешь?

— Одного человека…

Прикрывшись книгой, Вера лежала на своей койке-гамаке и поглядывала на Тосю, полная решимости спасти глупую девчонку — если потребуется, даже против ее воли. Потом сама спасибо скажет…

Надя молча поставила на угол стола сковородку с жареной рыбой. Ксан Ксаныч дал скрипучему шкафу передышку, вымыл руки и не спеша, с явным удовольствием почти семейного человека вытер их Надиным полотенцем. Он повесил полотенце на спинку кровати, одарил выцветшего петуха щелчком по гребню и поделился с Надей заветной новостью:

— Стропила уже начали ставить, Надюш! Если и дальше так пойдет — к Первому мая поженимся.

— Скорей бы уж… — тихо сказала Надя.

В дверь три раза постучали — с большими торжественными паузами между ударами. Надя осторожно приоткрыла дверь, и в комнату вошел празднично одетый Илья — в кожаном пальто и при галстуке.

— Мир дому сему! — провозгласил он и стал посреди комнаты так, чтобы не видеть Анфисы.

Тося мышонком притаилась за столом и из-за вороха учебников восторженно глазела на Илью, будто перед ней стоял сказочный Иван-царевич, прискакавший на сером волке. Илья не спеша вытащил целехонькую коробку дорогих папирос, распечатал, пошуршал серебряной бумагой, вежливо, как и подобает человеку в галстуке, спросил:

— Разрешите? — и закурил.

Потом он вынул из нагрудного кармана пиджака два спаренных синеньких билета, разъединил их, один билет спрятал, а другой с торжественным поклоном преподнес Тосе:

— Звуковой художественный фильм «Смелые люди», перед началом танцы!

— Приглашаешь на свиданье, да? — обрадовалась Тося.

— Приглашаю… — нетвердо сказал Илья, подозревая, что малолетка Тося какой-то свой, неведомый ему смысл вкладывает в это приглашение, но не в силах догадаться, в чем тут дело.

— Никуда она не пойдет, — решительно заявила Вера, вставая с койки. — Видела уже эту картину, хватит!

— Нет, пойду! — заупрямилась Тося. — Уважаю про лошадей… Четыре раза смотрела и еще пойду, не остановишь!

— Правильно! — одобрил Илья. — Не слушай ты этих монашек: им дай волю — они тебя в монастырь замуруют.

— А ты, шикарный кавалер, помолчал бы. Знаем мы тебя как облупленного! Улепетывай отсюда, нечего тебе здесь делать.

— Эх, Вера Ивановна! — с укоризной сказал

Илья и взялся за ручку двери.

— Тось, я тебя на улице подожду.

— Я мигом! — пообещала Тося.

Илья вышел, пустив на прощанье кольцо пахучего дыма в глубь комнаты. Тося приподнялась на цыпочки, продела голову в расходящееся дымное кольцо и счастливо засмеялась. Вера с Надей тревожно переглянулись. А Тося как на крыльях носилась по комнате: она запихнула учебники с тетрадками в портфель, ногой поддела из-под койки запыленный баул, нырнула в него, достала брошку — единственное свое украшенье — и приколола себе на грудь, на бегу спросила у Анфисы:

— Можно? — и, не дожидаясь ответа, подушилась самый пахучим ее одеколоном. Сгоряча она нахлобучила было шапку-ушанку, которую надевала на работу, но тут же скинула ее и повязалась платком: в платке Тося чувствовала себя больше женщиной.

Тосино нетерпенье словно передалось на улицу Сашке — он вдруг громко заиграл походный марш. Катя испуганно ойкнула и выбежала из комнаты.

А Тося протянула руку за пальтецом, но Вера оттолкнула ее от вешалки:

— Сказано же: никуда ты не пойдешь!

— Как это?! — опешила Тося.

— А так: не пойдешь — и все!

Вера загородила дорогу к двери. Тося затравленно огляделась, ища поддержки. Добрый Ксан Ксаныч виновато отвел глаза; он уже покончил с ужином и снова колдовал с масленкой возле шкафа. Анфиса скучающе смотрела на ходики, а Надя подошла к Вере и стала рядом с ней.

— Не имеете права! — выпалила Тося. — Совершеннолетняя… Паспорт имею!..

— Дура ты с паспортом, — сказала Надя. — Свиданья ей захотелось… Задрать юбчонку да отшлепать — вот тебе и все свиданье!

— Мы же добра тебе хотим, — попыталась Вера образумить Тосю. — Илья поиграет с тобой, как с котенком, и бросит!

— Пусть только попробует… — воинственно пробормотала Тося и тут же спохватилась: — А вам-то какое дело? И чего вы в мою личную жизнь носы суете? Взяли моду: то — нельзя, это — тоже, одни задачки решай. Да пропади они пропадом!

Тося запустила портфелик под койку.

— «Личная жизнь»! — передразнила Надя. — Нахваталась! Вот принесешь ребенка в подоле — узнаешь тогда личную жизнь.

— Мы еще и не целовались ни разу, что ты мне

ребенка подкидываешь?! — не на шутку разобиделась Тося. — Отцепитесь вы все от меня, и чего пристали?

— Да полюбили мы тебя, непутевую, будь ты неладна! — призналась Вера.

— Уж лучше бы вы меня ненавидели, чем так-то любить… Меня Анфиса так не обижала, как вы сегодня. А еще подруги!.. И чего вы взбеленились? Или завидки вас берут? Боитесь, что раньше вас замуж выйду? Да я про это еще и не думаю, не суди по себе, Надежда. Больно нужно мне!

— Не бегай за Ильей, — посоветовала Вера. — И никто тебя обижать не будет.

— Кто бегает? — возмутилась Тося. — Слепые вы, что ли? Видели же: сам билеты принес!

И против воли Тоси высокомерная торжествующая нотка прозвучала в ее голосе.

— Вы вот что! — в сердцах сказала она. — Вы из себя… это самое, коллектив не корчите! Не прикидывайтесь чуткими, мне это без надобности. Живете как кошки с собаками, а туда же!

Вера припомнила недавние Катины слова.

— Это раньше было так, а теперь ты же нас и сколотила.

— Вот делай после этого добро людям! — искренне пожалела Тося.

Она улучила минутку и схватила с вешалки свое пальтецо.

Ксан Ксаныч неодобрительно покачал головой. Он уже утихомирил скрипучий шкаф и с масленкой наготове двинулся в обход тумбочек. Ни одна из них еще и не думала скрипеть, но дотошный Ксан Ксаныч в профилактических целях смазывал подряд все петли дверец.

— Послушай, Тось, — вкрадчиво сказала Вера, как говорят с тяжелобольными. — Взгляни на себя и на него: ты девчонка, а он…

— Не по себе дерево рубишь, Анастасия! — подхватила Надя так сердито, будто Тося, отстаивая право свое на любовь, нанесла ей смертельную обиду и чуть ли не на всю жизнь ее замахнулась.

— Сама ты дерево стоеросовое! — выпалила Тося. — Интересно вы с Веркой рассуждаете: с каким-нибудь завалящим парнем мне можно, а как с Ильей — так рылом не вышла? Каждый сверчок знай свой шесток, так, что ли?

— А хотя бы и так! Боишься правде в глаза посмотреть? — сердито спросила Надя.

— Не правда это, а самая настоящая кривда! Вот когда я тебя, Надька, насквозь раскусила. Жалко мне тебя: вбила себе в голову, что некрасивая, вот и маешься. И не стыдно тебе? Мы с тобой не хуже

других, не второй сорт, не подсобные какие-нибудь. Да я бы сразу утопилась, если б так на самом деле было! Выше нос держи, понятно?

Надя презрительно махнула рукой.

— Это все красиво звучит, а на деле… Думаешь, ты самая умная, жизнь только с тебя началась? А она уже давно идет, и до тебя люди не глупей жили… Вот изломаешь свою судьбу, тогда наплачешься!

— Ну вот что, подруги мои дорогие, — устало сказала Тося, — почесали языки, и хватит. Нечего, это самое, диспут устраивать. С кем хочу, с тем гуляю. Моя жизнь: что хочу, то и делаю… А если будете мне палки в колеса вставлять, я в другую комнату переберусь, а то и в газету напишу: травят молодого рабочего. По головке вас за это не погладят!

Надя пристыдила Тосю:

— Мы с тобой по-хорошему, а ты за газету прячешься.

— Да как ты не поймешь, — удивилась Вера, — совсем он тебе не пара. Потаскун твой Илья!

— Это у него видимость такая, а сам он хороший! — стала Тося на защиту Ильи, топнула ногой и пропела с вызовом:

Она была ему не пара,

— Да хватит с ней болтать! — рассердилась Надя, выхватила у Тоси билет и порвала его в мелкие клочья.

— Так вот ты какая?! — с презрением выпалила Тося. — Что ж валенки с меня не снимешь? На, тащи! — Тося протянула Наде ногу. — Тащи, чего ж ты стесняешься? Здоровая выросла, а ничего не понимаешь! Я и босиком по снегу побегу, не остановишь… Эксплуататорша!

Ударом ноги Тося распахнула дверь.

— Стой, глупая! — приказала Вера. — Ты думаешь, Илья всерьез к тебе, а он… спорил!

— Как спорил? — опешила Тося, замирая на пороге.

Ксан Ксаныч сокрушенно покачал головой, не одобряя забракованной им правды, без которой по молодости лет не смогли все-таки обойтись девчата.

— Об заклад с Филей бился, что влюбишься ты в него… — неохотно и брезгливо ответила Вера. — Вот хоть у Анфисы спроси.

— Об заклад? Да разве можно так, мама-Вера… На живого человека?! — жалобным голосом спросила Тося, прижимая кулачки к груди. — Анфиса, правда?

Анфиса отвернулась и зябко повела плечами. Поникшая и жалкая, разом растеряв всю свою боевитость, отошла Тося от двери. Она расстегнула пальто, но снять его силы у нее уже не хватило. Как березка, спиленная под корень, Тося рухнула на свою койку.

— Ты поплачь, легче будет, — сердобольно посоветовал Ксан Ксаныч.

Вера подсела к Тосе, обняла ее и пообещала:

— Мы тебя в обиду не дадим.

Тося рывком вскинула голову. Глаза у нее были сухие-сухие и как-то враз провалились.

— А на что он спорил?

Вера молча посмотрела на Анфису. И Тося перевела глаза вслед за ней. Анфиса привычно пожала плечами:

— Кажется, на шапку…

— Мало ему одной? — тихо спросила Тося.

Анфиса снова пожала плечами, глянула на Тосю и вдруг испугалась за нее:

— Ой, Тоська, да не принимай ты все это так близко к сердцу! Из мужчин одному Ксан Ксанычу только и можно верить.

Ксан Ксаныч церемонно поклонился Анфисе. Он закончил уже свою профилактику и прятал масленку в специальный кожаный мешочек.

Поторапливая замешкавшуюся Тосю, Илья с улицы забарабанил в окно.

Тося медленно поднялась с койки. Застегивая пуговицы пальто, она наткнулась пальцами на праздничную свою брошку. Рука ее замерла: кажется, Тося никак не могла припомнить, чего ради надела она сегодня лучшее украшенье. Навеки прощаясь с недавней своей незрячей радостью, Тося отцепила ненужную больше брошку, кинула ее под койку и шагнула к двери.

— Тось? — с болью в голосе окликнула ее Вера. Неузнающими глазами Тося посмотрела на Веру и вышла из комнаты.

— Вот вам и правда, — сказал Ксан Ксаныч, вытирая руки тряпочкой.

ПЫЖИК МЕНЯЕТ ХОЗЯИНА

Суровая Тося молча шла рядом с Ильей по улице поселка. Обеспокоенный Илья долго приглядывался к ней сбоку, не в силах понять, что приключилось с Тосей за те считанные минуты, пока он поджидал ее на крыльце.

— Тось, ты чего такая? — осторожно спросил он, прикидывая, какие еще испытания уготовила ему судьба.

Шагов десять Тося прошла молча.

— Так… Надоело на свете жить.

— Вроде подменили тебя, — пожаловался Илья. — А я как вышел от вас, все о тебе думал. Будто ты все время со мной была. Даже вот тут…

Он несмело ткнул себя кулаком в грудь.

— Это уж как водится! — презрительно сказала Тося, не веря ни единому его слову.

— Вижу, настропалили тебя монашки… — Илья покаянно вздохнул. — Что ж скрывать, я и до тебя тут кой с кем встречался. А только ничего я тогда в настоящей любви не понимал, глупый был как пробка. Это ты меня, Тось, всего перевернула, умным сделала… И как я раньше без тебя жил?

Даже не верится.

— Вот ты и опять заговорил красиво… — враждебно сказала Тося.

— Да разве это красиво? — усомнился Илья. — Про тебя совсем не так надо говорить, да жаль вот, не обучен… Он помолчал и признался: — Мне, Тось, чего-то страшно стало. Вроде стоит что-то меж нами, не пускает тебя ко мне. Ты скажи, я все перегородки в щепу искрошу!

Тося подивилась, что Илья так хорошо понимает ее. В другое время она порадовалась бы такому их единодушию, а теперь лишь подумала: «Из-за шапки старается, барахольщик несчастный!»

Она еще больше ожесточилась душой против Ильи и наконец-то решила, что ей надо делать. Сейчас она и виду не подаст, что ей все известно о споре, — затаится и будет ждать. А вот придут они в клуб, и тут выведет она Илью на самую середку зала и при всем честном народе приварит ему звонкую оплеуху, чтобы он на всю жизнь запомнил, как спорить на живых людей. У нее даже руки зачесались, так захотелось ей поскорей залепить пощечину подлому человеку, и Тося невольно прибавила шагу, чтобы приблизить заветную минуту.

— Хочешь, я тебе лучше расскажу, какая ты?

— предложил вдруг Илья. — Рассказать?

Желание наконец-то узнать, какая она есть, пересилило в Тосе все ее мстительные планы, и она ответила более добрым голосом, чем собиралась:

— Что ж, расскажи, послушаем… Глядишь, и дорогу скоротаем!

— Знаешь, ты совсем не такая, как другие! — убежденно сказал Илья. — Другие только девчата, а ты, Тось, человек. Человек, понимаешь?

— Валяй дальше, — угрюмо сказала Тося, изо всех сил стараясь не поверить подлому барахольщику, променявшему ее на Филину кубанку.

— Ты, может, и не такая уж красивая…

— Спасибочко!

— Да ты погоди… Ну зачем тебе красота? Это другим она нужна, чтобы пыль в глаза пускать, а ты и без красоты красивая… Тось, ты только не смейся!.. Красота вроде платья. Можно и красивое напялить, а под ним — ничего. А ты… ты вся красивая, и как только другие этого не видят! — пожалел вдруг Илья слепых своих земляков и современников, равнодушно проходящих мимо тайной Тосиной красоты.

Тося слушала Илью, верила ему и не верила, а сама все думала о том, как порадовали бы ее все эти слова, если б не было никакого спора и Филя

со своей дурацкой кубанкой не затесался меж ними. Ей вдруг остро стало жаль и себя, проспоренную, и запутавшегося Илью, который, судя по всему, не очень-то обманывал сейчас ее, а говорил то, что думал на самом деле. Подобревшей незаметно для себя Тосе начало уже казаться, будто Илья виноват перед ней лишь в том, что так припозднился с нынешними, возвеличивающими ее словами, давно уже нужными ей для полного счастья!

Вот человек, не мог раньше сказать! И чего, спрашивается, тянул? Ну что ему стоило заговорить об этом прежде, хотя бы на той же тормозной площадке, когда они от нечего делать болтали о снах и всякой чепухе?..

А Илья говорил все горячей и горячей, доказывая Тосе, как она нужна ему. Кажется, он не на шутку испугался, что может потерять ее, и спешил сейчас под корень смести все громоздкие баррикады, воздвигнутые против него Тосиными подругами.

Что-то дрогнуло и надломилось вдруг в Тосе. Жесткие тиски, в которые зажала она свое сердце, неожиданно сдали, какой-то самый главный винт в них вдруг забастовал и отказался работать против Ильи. И с хваленой Тосиной душой тоже

творилось что-то совсем уж неладное. По-девчоночьи резкая и непримиримая Тосина душа нежданно-негаданно набухла слезами, размякла и стала такой женской, даже бабьей, что хоть выжимай ее или вывешивай на солнышко для просушки.

Тося заметила вдруг, что плачет. Она не вытирала слез, чтобы не выдать себя перед Ильей, лишь слизывала их кончиком языка и все круче и круче запрокидывала несчастную свою и счастливую голову. На миг она представила, как обрадовалась бы раньше, на трясучей площадке, расскажи Илья тогда все, что он сейчас ей рассказывал. Тося тут же пожалела, что глупый Илюшка бессовестным и нелепым своим спором, помимо всего прочего, ограбил их любовь и убил вот эту ее несостоявшуюся радость…

Она неосторожно повернулась к Илье, и тот увидел ее лицо, залитое слезами.

— Тось, да что с тобой? — встревожился Илья. — Кто тебя обидел? Ты только намекни, я ему голову сверну!

Тося невесело усмехнулась и сказала, презирая себя за слабость:

— Вот и не хочу, а верю тебе…

— А ты верь! — горячо посоветовал Илья. —

Верь, Тося! Вот увидишь, я тебя не подведу!.. Сильней верь — и все у нас хорошо будет!

И голос у него был такой честный и любящий, будто он никогда не спорил с Филей.

— А ну помолчи… — устало попросила Тося и, как встарь, отодвинулась от Ильи. — И откуда ты взялся на мою голову?..

Они прошли мимо недостроенного дома, в котором Ксан Ксанычу с Надей обещали дать комнату. За последнюю неделю, благодаря стараниям Дементьева, новостройка заметно вымахала вверх. Свежие венцы бревен белели повыше старых, почерневших от непогоды, и издали многострадальный дом казался двухэтажным. Первая пара стропил-раскоряк обозначала высоту будущей крыши.

Из клуба выскочила девица с серьгами, преследуемая подвыпившими Филей и Мерзлявым. Она сбежала с крыльца, и тут парни настигли ее. Мерзлявый крепко держал свою жертву за руки, а Филя обеими пригоршнями совал снег за ворот ее платья, выпытывая:

— Будешь отказываться танцевать? Будешь?

— Ой, ребята, не буду! Не буду больше!.. — истошным голосом вопила девица с серьгами.

Тося задержала взгляд на Филиной кубанке.

Так вот, значит, на какую шапку ее променяли! Шапка как шапка — и даже изрядно поношенная… И на что Илья польстился! Если уж спорить, неужели получше шапки нельзя было во всем поселке найти? Дешево же ее оценили!

Она искоса глянула на Илью, и приутихшая было обида с новой силой стала закипать в ней.

— Что ж вы вдвоем на одну? — с досадой спросил Илья, чувствуя, что Тося опять отгораживается от него какими-то новыми баррикадами. — А ну, бросьте!

Филя подмигнул Илье; уверенный, что тот говорит лишь затем, чтобы выслужиться перед Тосей. Илья шагнул к закадычным своим приятелям.

— Ну?

— Да брось ты интеллигенцию из себя разыгрывать! — посоветовал Мерзлявый.

Илья легко оторвал Мерзлявого от визжащей девицы с серьгами и отшвырнул его к ближайшему телеграфному столбу. Хлипкий парень распластанной вороной пролетел над сугробом, обнял столб обеими руками и больно приложился к нему подбородком. Со стороны смотреть, казалось, будто Мерзлявый надумал вдруг целоваться с телеграфным столбом.

В другое время Тося, чуткая ко всему смешно-

му, от души посмеялась бы над незадачливым хулиганом. Но сейчас ей было не до смеха, и она насупилась, не зная, что ей в конце концов думать про Илью. И когда он настоящий: когда спорил на нее или вот сейчас, когда выручил девицу с серьгами. Попробуй тут разберись…

— Спасибо, Илюша, — благодарно пролепетала спасенная от расправы девица, проверила, целы ли серьги у нее в ушах, и шмыгнула в клуб.

— Зря ты… — хмуро сказал Филя, помогая Мерзлявому выкарабкаться из сугроба. — Свой же…

Илья с Тосей поднялись на крыльцо. На нижнем складе горячо закричал паровозик, будто хотел прийти на выручку Тосе и подсказать, как ей лучше вести себя. Тося вздохнула, злясь и на Илью-спорщика, и на себя за то, что такая бестолковая уродилась и никак не может разобраться в нем, и на девицу с серьгами, которая так не вовремя выскочила из клуба и дала Илье возможность проявить сомнительное свое благородство, и на все поголовно человечество, которое черт те когда произошло от обезьян, а до сих пор не навело еще полного порядка во взрослой жизни и теперь всю свою многовековую неразбериху взвалило на несчастную Тосину голову…

Она купила в кассе билет взамен порванного

Надей.

— Я же тебе давал! — удивился Илья.

— Посеяла где-то…

Они вошли в зал. Скамейки перед экраном только начали расстанавливать, танцы были в разгаре. Илья быстро скинул свою кожанку и помог Тосе снять невесомое ее пальтецо. Такого еще никогда не бывало в поселке — и вся женская стенка неодобрительно загудела. Тося перехватила любопытные и завистливые взгляды девчат, и ей что-то совсем расхотелось выводить Илью на середину зала и колошматить его при всем честном народе. Если б в зале остались только те люди, которых она уважает, — тогда другое дело. А забавлять всю эту ораву — больно много чести.

Чтобы выгадать время, она отобрала у Ильи свое пальто, стряхнула с него несуществующую пылинку и долго устраивала на груде одежды в углу зала. Потом сняла платок и, тщательно ровняя края, стала не спеша складывать его — вдвое, еще раз вдвое и еще. Илья с необычно покорным видом стоял возле Тоси и терпеливо ждал, пока она приготовится к танцам. Кажется, он даже позабыл на время, зачем они пришли в клуб. Ничего другого ему и не надо было, а лишь стоять вот так рядом с Тосей и смотреть, как она копошится…

— Тось, ленточка у тебя развязалась, — шепнул Илья, радуясь, что может оказать Тосе хоть такую малую услугу.

Все взрослые обиды и печали сразу же улизнули от Тоси, она по-девчоночьи испуганно схватилась за ленточку в волосах, боясь опозориться перед завистливыми девчатами, и сама не заметила, как взглядом поблагодарила Илью. Ей понравилось, что Илья не похож сейчас сам на себя: такой у него был непривычно смирный, даже прирученный вид. И Тося знала, кто его приручил.

Пуще прежнего она засомневалась, правду ли сказали подруги, не напутали ли они чего-нибудь по неведению или злому умыслу. Может, и был у Ильи какой-нибудь шутейный разговор с Филей, а Анфиса не разобрала толком и разнесла по всему поселку, как сорока на хвосте. Вот люди!..

Насчет спора судить еще было рано. Но уж одно было Тосе ясней ясного: Вера с Надей пугали ее стародавним Ильей и не разглядели в нем того нового, что проклюнулось в самое последнее время.

Филя неотрывно следил за ними, не понимая, что это стряслось с Ильей. Задумчивое Тосино лицо сбивало Филю с толку. Он никак не мог

решить, близок Илья к победе или нет. На всякий случай, чтобы позлить отколовшегося своего приятеля, Филя вздел над головой руку с двумя оттопыренными пальцами и затряс ею в воздухе, напоминая Илье, что до конца их спора осталось всего лишь два денька.

Илья заметил красноречивый Филин сигнал, виновато покосился на маленькую Тосю, воюющую с ленточкой, и дал себе клятву сегодня же все рассказать ей о споре.

Вот потанцуют они, посмотрят «Смелых людей», он проводит Тосю до общежития и покается на прощанье. Лучше самому все сказать, пока она от других не услышала… Он услужливо склонился к Тосе:

— Вальс больше уважаешь или фокстрот?

Тося посмотрела на него далекими от всего окружающего глазами, не сразу поняла, о чем ее спрашивают. — Все равно…

— Тогда вальс, — решил Илья и ринулся к радиоле.

Он сам не отдавал себе в этом отчета, но ему хотелось сейчас же, сию минуту что-то сделать для Тоси, хоть отчасти искупить немалую свою вину перед ней. Не обращая внимания на всеобщее недовольство, Илья снял пластинку, покопался в

коробке и поставил другую. Грянул вальс. Илья поспешил к Тосе, бесцеремонно расталкивая танцующих.

А Тося вдруг испугалась, что он не найдет ее, не продерется к ней сквозь толпу. Или случится что-нибудь непредвиденное, например поломается радиола, а то еще потолок рухнет — мало ли каких несчастий не бывает на свете, — и им так и не удастся потанцевать. Далекой и смешной показалась Тосе недавняя ее придумка — при всех шлепнуть Илью по щеке, навсегда опозорить его. И кому это надо?..

Илья вынырнул из толпы. Тося шагнула ему навстречу, руки их встретились. С первого же совместного шага они сразу же попали в такт музыке, но ничуть не удивились этому, точно иначе просто и быть не могло. У них обоих было сейчас такое чувство, будто не они подчинялись музыке, а музыка ловила их движения и приноравливалась к ним. И выходит, Тося кругом была права, когда надеялась, что не опозорится в танце с Ильей и сможет танцевать не хуже красотки Анфисы.

Она и думать сейчас не хотела, виноват Илья перед ней или нет. Просто Тося жила вот этой короткой счастливой минутой, которую удалось ей

выцарапать у жизни. Судьба словно притомилась испытывать Тосю и хотела показать им обоим, как расчудесно все могло бы у них быть, если б они оба были достойны своей любви. Тося и знать сейчас не хотела, как сложится все у них с Ильей дальше, когда окончательно выяснится, спорил он или нет. Пропади оно пропадом, это туманное будущее! Все равно как-нибудь да будет: не так — так иначе, ведь всегда как-нибудь да бывает…

Чтобы не разбивать впечатления, Тося закрыла глаза и отдалась широкой праздничной музыке. Она не хотела сейчас видеть ехидного Филю с его ватагой, Анфису, стерегущую кого-то у входа в зал, Катю, о чем-то шепчущуюся с женой механика, здоровенных девчат, выстроившихся у стены и ревнивыми глазами следящих за каждым Тосиным движением — в надежде, что она напутает и собьется. Ей даже Илью не очень-то хотелось сейчас видеть. С закрытыми глазами Илья казался Тосе лучше и почему-то легче верилось, что он не спорил.

— А ты хорошо танцуешь! — похвалил Илья.

Тося строго посмотрела на него. Она была так уверена, что сейчас им не надо ни о чем говорить, что эта ее уверенность сразу же передалась Илье. Он виновато прикусил язык и еще бережней

прежнего повел Тосю в танце, словно она была стеклянная и могла разбиться от неловкого прикосновения.

Илья с Тосей неслись по залу, не видя никого вокруг. Им казалось, что они сейчас вдвоем не только в клубе, но и во всем поселке и даже в целом мире. Когда музыка вдруг оборвалась, они не сразу поняли, что случилось, и, только заметив отхлынувшие к стенам пары, догадались, что их счастливый вальс кончился.

Илья подвел Тосю к девчатам и остановился под своим иконописным портретом. Картинная галерея лесопункта за это время пополнилась портретами Нади и маленького тракториста Семечкина. Художник-самоучка хотел польстить Наде и нарисовать ее покрасивей, чем она была в жизни, но умения у него хватило только на одну половину лица. Яркий кумач с надписью «Передовики нашего лесопункта» полыхал над всеми портретами и выдавался далеко вперед, обещая принять под свое гостеприимное крыло еще с пяток знатных лесорубов.

Благодаря Тосю за танец, Илья почтительно склонил перед ней голову. Парни из Филиной ватаги оглушительно захохотали, восторгаясь шикарными манерами Ильи. Тот сердито глянул

на них, но с места не тронулся, боясь и на минуту расстаться с Тосей.

Все кавалеры, подчиняясь обычаю, отошли от женской стенки, а Илья остался рядом с Тосей. Девчата вокруг зашептались, осуждающе поглядывая на Илью, нарушившего неписаный закон, которому с незапамятных времен все подчинялись в поселке.

А Тося припомнила вдруг слова Кати о том, что до ее приезда Илья крутил тут со многими девчатами, и резонно рассудила: если ухажерок этих было так уж много, то кто-нибудь из них должен быть и сейчас в клубе. Она передвинулась чуть в сторону, чтобы печка не закрывала ее. И Илья сейчас же покорно шагнул вслед за Тосей. «Прямо как нитка за иголкой!» — подумала Тося и горделиво выпрямилась. Пусть все прежние Илюхины ухажерки смотрят на нее и лопаются от зависти!

Она ничуть не злилась на этих покинутых симпатий и совсем не боялась их. По доброте душевной Тосе даже стало немного жаль всех этих невезучих здоровенных девчат, которые ни с того ни с сего втемяшили себе в головы, что Илья когда-то любил их. И уж конечно же, Тося не ревновала к ним Илью. Во-первых, это еще тогда было, когда она не приехала в поселок и Илья

не знал ее. А во-вторых... Хватит с них и одного во-первых!

Филина ватага снова зашумела громче прежнего. Тося покосилась на крикливых парней и насупилась. Сам Илья стерпел бы и не такое, но ватага замахнулась на Тосю, а уж этого он никак не мог вынести.

— Подожди, я сейчас, — сказал он Тосе и через весь зал напрямик двинулся к ватаге.

Тося хотела удержать Илью, боясь, что он из-за глупого мужского самолюбия ввяжется в драку с подвыпившими парнями, но не успела.

Илья вплотную подошел к недавним своим дружкам и пригрозил:

— Будете еще зубоскалить над Тосей — изувечу, как бог черепаху!.. Все понятно? Вопросы есть?

Горлопаны разом затихли, и вид у них стал такой унылый, будто шли они на веселую кинокомедию, а попали на лекцию о моральном облике молодого человека. Мерзлявый заскучал больше всех, потер подбородок, пострадавший при встрече с телеграфным столбом, и от греха подальше заспешил к выходу.

Тося не слышала, о чем говорил Илья, но догадалась, что он отчитывает прежних своих приятелей. Она подивилась, как быстро, пря-

мо-таки на глазах, перевоспитывается Илья, и окончательно решила, что никакого спора и в помине не было. Ну зачем ему, такому сознательному, спорить? Просто не мог он спорить — и все! И она тоже хороша: так сразу и поверила всему, что наговорили ей девчата. Сама первая предала Илью, а ищет виноватых…

И скорая Тося загорелась желанием тут же добром отплатить Илье за все вздорные свои подозрения. Но Илья, как назло, задержался возле ватаги, а к Тосе подбежала озабоченная Катя:

— Слышь, Кислица, у тебя червонца не найдется? Жена механика уступает мне мулине… Почти по себестоимости!

— Какое еще мулине? — опешила Тося, не в силах понять, как может Катя в такую минуту думать о каком-то там мулине.

— Ленинградское, самое лучшее… Полный набор цветов! У Сашки все деньги выцыганила, а червонца не хватает. Хотела из лотерейных перехватить, все равно отчитываться не скоро, да Сашка — ни в какую… Категорически! Знаешь, что это за человек? — ликующим шепотом спросила Катя, восторгаясь Сашкиной честностью. — Чует мое сердце, хватану я с ним горюшка!

— Пойдем поищем, — сказала Тося и вместе с

Катей направилась в угол, где на скамьях навалом лежала верхняя одежда.

Пока Тося разыскивала свое пальтецо, Катя окликнула Анфису, все еще стоящую у входа в зал:

— Что ж не танцуешь? Иль ждешь кого?

Анфиса пожаловалась с заметной охотой:

— Договорились с Вадим Петровичем вместе в кино идти, скоро начало, а его все нет… Никого в жизни не ждала, а его вот жду! Как это тебе нравится?

— Дело хозяйское… — уклончиво ответила Катя и не удержалась, чтобы не похвастаться: — А я своего Сашку никогда не жду: досрочно приходит!

Анфиса улыбнулась тайным своим мыслям и сказала доверчиво:

— Знаешь, Вадим Петрович меня за кого-то другого принимает: все «вы», «вы», такой вежливый!.. А вообще-то он чудной: инженер, диплом, говорят, с отличием, а сам мальчишка мальчишкой. Бывают же такие!

Катя зевнула и покосилась на замешкавшуюся Тосю.

— Дает Тоська жизни! Все-таки молодец она, — впервые похвалила Анфиса свою соседку по

койке. — Чихала на спор и все Веркины предупрежденья! Я даже не думала, что она такая самостоятельная… И правильно делает: нечего на сплетни молиться!

Последние слова Анфиса выговорила так горячо и заинтересованно, что Кате показалось, будто она имеет в виду не только Тосю с Ильей, а и себя с инженером…

— Значит, Кислица знает уже про спор… — с сожаленьем сказала Катя.

Она жалела не так Тосю, как себя. Открывая Тосе глаза, девчата обошлись без нее и лишили ее интересного зрелища.

А Тося разыскала наконец пальтецо, выгребла из кармана все свои невеликие капиталы — в смятых бумажках, серебре и медяках — и отдала Кате.

— Вот спасибо, подруга, выручила! — растроганно поблагодарила Катя и тут же, без передышки, пристыдила легкомысленную девчонку: — Ты что же это делаешь, а? Смотреть противно! Он спорил на тебя, а ты без никаких танцуешь. Имей хоть каплю гордости!

— Мало мне капли! — заупрямилась Тося.

— Ой, Кислица, не финти! — накинулась Катя на Тосю с видом человека, обманутого в лучших

своих ожиданиях. — Обещала мстить — так мсти! — и напомнила язвительно: — За весь женский пол!..

— А ну, цыц! — оборвала ее Тося. — Заладили: «спорил, спорил»... Слышала звон, да не знаешь, где он! Будешь еще на честного человека напраслину возводить — я... Сашке пожалуюсь! Он тебя за сплетни по головке не погладит.

Катя оторопела, попав из прокуроров в обвиняемые, а Тося бросила ее и пошла через весь зал к Илье, скучающему возле своего портрета. Илья радостно встрепенулся и поспешил к Тосе. Они встретились на полпути, опять с первого же совместного шага попали в такт, и музыка понесла их на широкой своей волне.

Между танцующими парами пробирался Филя, поминутно поправляя кубанку, чертом сидящую у него на макушке. Илья наскочил на него, отвернулся и увлек Тосю в самый дальний угол зала.

Но от Фили не так-то легко было избавиться. Доморощенным Мефистофелем из самодеятельного спектакля он высунулся из-за печки, как веером, обмахиваясь двумя растопыренными пальцами. Встретившись с Тосей глазами, Филя живо стащил с головы кубанку и многозначительно покрутил ею в воздухе, словно тут же предлагал

Илье обменять Тосю на потертую свою шапку.

Илья свирепо цыкнул на него — и Филя поспешно юркнул за печку. Но было уже поздно. Тося хорошо разглядела Филины манипуляции с шапкой. Все сомнения разом вылетели из ее головы. Она замерла на месте, будто уперлась с разбегу в стену, и с отвращением вырвала свою руку: ей теперь даже прикасаться к Илье было противно.

— Тось, послушай… — начал было Илья, но Тося в упор глянула на него, и все защитительные слова застряли в его горле.

Илья сразу догадался, что Тося все знает о споре. Он не выдержал ее гневного, откровенно презирающего взгляда, трусливо отвел глаза и с нашкодившим видом застыл рядом с Тосей.

Они стояли посреди зала, мешая танцующим. Пары натыкались на них и, недоуменно оглядываясь, обходили.

Парни из Филиной ватаги старательно глазели на Илью с Тосей, почуяв приближение скандала.

А Тосе даже и не себя было жаль сейчас, не своей оплеванной первой любви, а того, что Илья так опозорился; летал перед ней орлом, делал вид, что душа у него широкая, а на поверку оказался самой настоящей мокрой курицей. Если

разобраться, он был даже хуже Фили! Тот хоть никого из себя не корчил: был мелким хулиганом — таким его все и знали.

И не в одном Илье тут было дело. Привыкшей к размашистым обобщениям Тосе обидно вдруг стало, что вся людская порода такая еще несовершенная. Никак люди со своими постыдными пережитками не распрощаются, так и тащат их с собой в коммунизм. А уж болтают о себе, болтают…

На миг все люди, живущие вместе с ней на земле, все поголовно человечество сникло вдруг в глазах Тоси, пригнулось, как бы даже сплющилось, несмотря на все свои чудесные спутники и гордые космические ракеты. Будто его, это самое непутевое человечество, какой-то небывалой вселенской косой полоснули вдруг по ногам и разом укоротили вдвое… Эх, люди-человеки! И когда вы только лучше станете?..

А Филя набрался храбрости и высунулся из-за спасительной печки.

— Филя! — зазвеневшим от обиды и гнева голосом позвала Тося. — Отдай ему свою шапку… — Не оборачиваясь, жестом крайней гадливости Тося ткнула пальцем в сторону Ильи: — Он выиграл… А я тебе новую куплю… Отдай, ну!

И такая убежденность в своей правоте и великое презрение к ним обоим прозвучали в Тосином голосе, что ершистый Филя безропотно подчинился, стащил с головы кубанку и нерешительно протянул Илье, а тот, не смея перечить смертельно обиженной Тосе, послушно взял чужую шапку.

Замолкла радиола. Все танцующие замерли на своих местах.

— Эх, ты!.. — тихо сказала Тося, глядя Илье в плечо.

Она не договорила, махнула безнадежно рукой и пошла к выходу — маленькая и прямая, с окаменевшим от лютого горя лицом. Лесорубы молча расступались перед ней, давая дорогу. Илья намертво врос в пол и только голову поворачивал, провожая Тосю глазами. Девица с серьгами завела было радиолу, но все, как по команде, осуждающе глянули на нее, и она тут же выключила неуместную свою музыку. Тося закрыла лицо локтем и выбежала из зала.

Раскатисто хлопнула дверь. Илья увидел в своей руке кубанку и швырнул ее Филе. Тот машинально вскинул руку и поймал шапку. А Илья шагнул в угол зала, выхватил из вороха одежды приметный свой пыжик и послал его вдогонку

за кубанкой:

— Держи!

Свободной рукой Филя по-обезьяньи ловко поймал знаменитый пыжик, увековеченный для потомства на портрете Ильи, и спросил враз осевшим от волнения голосом:

— Это как же понимать?

— А вот как… — Илья наконец-то отыскал виновника всех своих бед и сильным ударом сбил Филю с ног. — Все из-за тебя!

Он кинулся к выходу вслед за Тосей, расталкивая лесорубов.

Оглушенный Филя медленно поднялся с пола, держа в каждой руке по шапке. Переводя глаза с пыжика на кубанку, Филя растерянно заморгал, не понимая, выиграл он спор или нет…

Илья выскочил на крыльцо клуба. Вдали, то появляясь в свете фонарей, то пропадая во тьме, по ночной пустынной улице бежала Тося. Илья спрыгнул с крыльца и ринулся догонять ее. И тут на пути Ильи, загораживая дорогу, стали трое парней из Филиной ватаги. Они шли смотреть «Смелых людей» и ничего не знали о том, что случилось в клубе.

— Когда ж ты на Камчатку ее приведешь? — ехидно спросил Длинномер. — Заждались мы…

Разъяренный Илья схватил Длинномера в охапку, перевернул его в воздухе и сунул головой в сугроб. Двое других парней испуганно попятились. Илья рванулся вперед и тут же остановился, не видя нигде Тоси. Барахтаясь в рыхлом снегу, Длинномер проваливался все глубже и глубже. Одни лишь длинные нескладные ноги торчали позади Ильи из сугроба.

Илья вбежал в женское общежитие и сейчас же выбежал, не найдя там Тоси.

— Тось, где ты? — крикнул он в сторону Камчатки. — Я тебе все объясню… Это еще когда было… Тось, отзовись… То-ося!..

Крупная луна стояла в небе. Гасли окна в домах. И в клубе разом погасли все огни — начался киносеанс. Пустой, молчаливый, будто вымерший поселок, залитый неживым лунным светом, лежал перед Ильей. На миг ему почудилось, что он остался один во всем мире.

Тося забилась под густую елку возле конторы. Илья пробежал мимо и не увидел ее. Он потоптался на углу, крикнул в переулок:

— Тось? — вернулся, опять пробежал мимо елки — и опять не заметил Тоси.

Боясь, что не совладает с собой и отзовется, Тося обеими руками зажала уши, чтобы не слышать

жалкого и виноватого голоса Ильи.

Над притихшим поселком метался отчаянный крик:

— Тось, где ты?.. То-ось!.. То-о-ося-а!..

Лишь дальнее лесное эхо отвечало Илье.

БУМАЖНЫЕ ЗАНАВЕСКИ

В рубашке с расстегнутым воротом Дементьев сидел в своей комнате за столом, заваленным чертежами и раскрытыми справочниками, считал на логарифмической линейке и напевал фальшивым голосом:

Полюбила меня не любовью,

Как березу огонь, горячо…

На кровати обосновался Петька Чуркин. Он уже успел подружить с инженером, не в первый раз пришел сегодня к нему и чувствовал себя здесь как дома. Петька с увлечением листал книжку с картинками и грыз медовые пряники. Кулек с пряниками лежал на краю стола — как раз посередине между Петькой и Дементьевым.

Они одновременно потянулись к кульку и столкнулись руками.

— Дядь Вадим, почему индейцы в Америке живут? — спросил Петька. — Индейцы должны жить в Индии!

— А это ты у Христофора Колумба спроси, — посоветовал Дементьев.

В дверь постучали — сначала тихо и тут же, беспричинно обозлясь, заколотили изо всей силы.

— Входи, открыто! — беспечно крикнул Дементьев. Дверь распахнулась, и в комнату вошла Анфиса — обиженная, злая, готовая скандалить.

— Как вам не стыдно?! — едва переступив порог, накинулась она на Дементьева. — Договорились идти в кино, я, как дура, ждала, билеты купила, а вы…

Она бросила на стол скомканные билеты — вещественное доказательство дементьевского вероломства.

— А разве вам не передавали? — огорчился Дементьев. — Я заходил на коммутатор, вас не застал… А в кино никак сегодня не мог, Анфиса, поверьте! Срочная работа: завтра в леспромхозе важное совещание, вот готовлюсь к бою…

Он кивнул на стол и затряс в воздухе логарифмической линейкой, пытаясь защититься от гнева Анфисы, убедить ее, что никак не мог пойти сегодня в кино.

— Надо было предупредить, — уже сдаваясь, но все еще хмуро сказала Анфиса. — Вот здесь, значит, вы и живете?

Она с любопытством оглядела по-холостяцки неустроенное и запущенное жилище инженера.

Дементьев заметался по комнате, пытаясь навести хоть какой-нибудь порядок: валенки он запихнул под кровать, сорвал с табуретки перед печкой носки, не нашел, куда положить их, и сунул в карман, ногой сгреб дрова, разбросанные на полу, перевернул подушку на кровати.

— Поздно, Вадим Петрович, поздно! — поддразнила его Анфиса.

— Петя! — бодрым голосом обратился Дементьев к маленькому Чуркину. — Не пора ли тебе домой? Ведь ночь уже на дворе, мамаша беспокоится…

— Моя? — не поверил Петька своим ушам. — Ничуть она не беспокоится. Спит и во сне видит, когда я совсем из дому сбегу, сама говорила!.. Ты мне еще ничего про индейцев не рассказал.

— Перенесем, брат, индейцев на завтра. Приходи пораньше, я тебе расскажу, как они на бизонов охотятся.

— А не обманешь?

— Петя, слово мое — закон!

Дементьев клятвенно положил руку на сердце. Успокоенный Петька слез с кровати, накинул тулупчик и, демонстративно не замечая Анфису, запустил на прощание руку в кулек с пряниками.

— До свиданья, дядь Вадим.

— Бывай здоров, Петя!

Дементьев, как взрослому, пожал Петьке руку.

— И охота вам возиться с ним? — осудила Анфиса, когда дверь за Петькой закрылась. — Нашли себе дружка!

— А у меня к таким ребятам особый интерес, — виновато сказал Дементьев, помогая Анфисе снять шубку. — Любопытный они народец! Вот и в одно время с нами живут, а другое уже поколение. Жить им дальше нас, умнее, чище… Ну, да мы об этом как-нибудь еще поговорим. А теперь вы посидите минут десять, я расчетец один прикончу, и чай будем пить. Ладно?

Дементьев поставил чайник на электроплитку и вернулся к логарифмической линейке. А Анфиса обошла комнату, провела пальцем по полочке над умывальником и убедилась, как и предполагала, что пыль там есть, и даже мохнатая. С решительным видом Анфиса засучила рукава своего красивого джемпера и взялась за уборку комнаты.

— Зачем вы? — обеспокоился Дементьев. — Мне, право, неловко…

— Считайте себе на здоровье и помалкивайте, — посоветовала Анфиса, уверенная в своем праве

наводить порядок в этой комнате. — Поимейте в виду, я вас еще за кино не полностью простила!

Она затопила печку, по-своему переложила все вещи в тумбочке, подмела пол веником из еловых лап, вытерла всюду пыль.

Увлекшись вычислениями, Дементьев опять зафальшивил:

Полюбила меня не любовью…

— Что это вы там поете? — поинтересовалась Анфиса.

— Да вот привязалось сегодня с утра… Бывает с вами такое?

— Бывает.

— А… пряники вы тоже любите? — Дементьев живо схватил кулек и протянул Анфисе. — Я на первом курсе полстипендии на пряники тратил.

— Люблю! — призналась Анфиса, и они порадовались тому, что привычки и вкусы их совпадают.

Анфиса отыскала в углу комнаты рулон синей бумаги, накрыла ею тумбочку и полку над умывальником и даже вырезала ножницами по краям зубчики. А неказистый жестяной умывальник она замаскировала газетами, соединив их канцелярскими скрепками.

Глядя сейчас на Анфису, никак нельзя было поверить, что она всячески отлынивала от уборки комнаты в общежитии, когда наступал ее черед дежурить. Вот подивилась бы Тося, если б увидела, как старается лентяйка Анфиса! Она работала так увлеченно и самозабвенно, будто всю свою прежнюю, не очень-то правильно прожитую жизнь только и мечтала о том, чтобы убирать комнату Дементьева.

— Ну, товарищ технорук, закрывайте свою канцелярию! — решительно объявила она, когда чайник закипел.

Дементьев восхищенными глазами оглядел преображенную комнату:

— Вы — кудесница! У меня такое чувство, будто я на новую квартиру переехал. — Вконец покоренный Анфисой, он осторожно провел пальцем по зубчикам на бумажной скатерке: — А это зачем, если не секрет?

Анфиса смутилась, будто ее поймали на месте преступления.

— Для красоты…

Она попыталась вымыть руки, но в умывальнике воды не оказалось.

— Одну минуту! — воинственно сказал Дементьев, сорвал с гвоздя пустую жестянку и выбежал

из комнаты. Вернулся он уже с умывальником, доверху набитым снегом — так, что крышка не закрывалась. — Вот! — торжествовал он победу. — Нет такого положения, из которого не было бы выхода!

Дементьев подержал умывальник у раскрытой печки, чтобы снег поскорей растаял. Помогая ему, Анфиса плеснула в умывальник кипятку из чайника, но снег что-то не спешил таять.

— Скрытый холод снеготаяния! — отыскал ученую причину Дементьев и повесил умывальник на гвоздь. — Нет такого положения…

Широким жестом он пригласил Анфису подойти и зачерпнул для нее снежной кашицы через верх умывальника. Сначала Анфиса, а потом Дементьев вымыли этой студеной кашицей руки и стали вытирать их одним полотенцем. Дементьев тщательно вытирал каждый палец и одобрительно поглядывал на полотенце, которое соединило его с Анфисой, перебросило между ними вафельный мост.

— Вы какой чай любите? — спросила Анфиса, на правах хозяйки наливая заварку.

— Такой же, как и вы! — живо ответил Дементьев.

— Тогда — крепкий.

— А где ж вы конфеты нашли? — удивился Дементьев. — Я их вторую неделю не мог разыскать.

— Ну, знаете, у вас в тумбочке…

— …черт ногу сломит! — подхватил Дементьев, они встретились глазами и расхохотались.

Отхлебывая крепкий чай, Дементьев в упор, не таясь, смотрел на Анфису, радуясь, что открыл в ней сегодня новые богатства и она стала для него теперь ближе, понятней и еще дороже.

Он отложил в сторону горстку конфет.

— Это мы Петьке оставим, не возражаете?

Легкая тень скользнула по лицу Анфисы. Она отвернулась от Дементьева и увидела бумаги и справочники, отодвинутые на другой конец стола.

— Так какая же у вас срочная работа объявилась?

— Тут вот какое дело… — нерешительно начал Дементьев. — Настала пора совсем по-новому в лесу работать. Стыдно сказать, ведь мы до сих пор не доводим до ума больше половины заготовляемой древесины…

Он спохватился и примолк, боясь сразу же смертельно наскучить красивой Анфисе инженерной своей сухомятиной.

— Я слушаю, — напомнила о своем существовании Анфиса. — Больше половины древесины не доводим до ума… А дальше?

Дементьев уверился вдруг, что он зря обижал Анфису и все его лесные заботы ей так же интересны, как и ему. Он благодарно улыбнулся Анфисе, отбросил все свои предосторожности и горячо зачастил:

— Одни наши костры на делянках чего стоят! А потери при сплаве, пересортица, отходы лесопиления… Чует мое сердце, обложат нас потомки за бесхозяйственность каким-нибудь высококультурным ругательством. Скажут, к примеру: ну и велюровые шляпы жили на земле в середине двадцатого века! И это вегетарианское для нашего слуха ругательство прозвучит тогда обидней нынешней трехэтажной матерщины… Анфиса, вы думаете когда-нибудь о потомках, которые придут нам на смену, беспристрастно и справедливо оценят всю нашу с вами жизнь и все наши дела?

— Н-нет, — призналась Анфиса. — Не приходилось.

— А я так частенько! Как что-нибудь приличное сотворю — так и думаю: это им должно бы понравиться, а как напортачу — стыдновато

становится перед потомками. Это мне учиться в институте помогало, как-то ответственности за собой больше чувствуешь… Ведь что бы мы сейчас о себе ни говорили, какие мы хорошие да пригожие, это все с нами уйдет, а на земле останутся только наши дела, и потомки по этим делам будут судить нас и вынесут нам приговор — окончательный и бесповоротный, обжалованию не подлежит! За добрые дела похвалят, а за лесные художества наши взыщут с нас полной мерой… Нагнал я на вас страху?

Анфиса пожала плечами:

— Мне-то что? Я только телефонограммы принимала, это вам отвечать придется!

— Нет, — запротестовал Дементьев. — Отвечать все вместе будем, все наше поколение… Так что работы тут непочатый край, только руки да голову прикладывай! Вот начинаем вывозить лес в хлыстах, а деревья трелевать с кронами. Вроде и не ахти что, а сразу многое переменится: и девчатам нашим легче работать станет, и выход деловой древесины подпрыгнет процентиков на пять, и костры на делянках потушим. Старички мнутся с непривычки, но выгода явная: я тут прикинул, одной чистой прибыли набежит в год полмиллиона.

— Полмиллиона? — ахнула Анфиса, впервые в жизни так запросто и по-семейному уютно сталкиваясь с большущими капиталами, о которых прежде только в газетах читала да слушала по радио.

— Не меньше! И это, заметьте, лишь при нынешнем плане, а на будущий год план увеличится и прибыль соответственно возрастет.

— Соответственно? — переспросила Анфиса: ей вдруг понравилось это круглое, солидное слово.

— Соответственно! — весело подтвердил Дементьев, взглядом благодаря Анфису за то, что она так близко к сердцу приняла его проект.

Они одновременно улыбнулись, радуясь и этой немалой прибыли, которую даст перестройка, начатая Дементьевым, и еще сильней тому, что так хорошо, с полуслова, понимают друг друга.

— И это только цветики! — входя в преобразовательный раж, заявил Дементьев. — Из одних лишь отходов, которыми мы сейчас небо коптим, можно кучу полезнейших вещей делать. Помяните мое слово, Анфиса, мы с вами еще доживем до того дня, когда на месте нашего поселка город подымется с лесопильными заводами, бумажной фабрикой, техникумом, а то и институтом…

Он вдруг понял, что все это время, когда он

возился тут с проектом и воевал с неподатливым Игнатом Васильевичем, ему не хватало вот этих глаз — внимательных, чуть удивленных, почему-то боящихся поверить ему и уже против воли верящих. Если б он чаще видел эти глаза, то давно бы уже положил на обе лопатки Игната Васильевича, закончил бы свой проект и тот получился бы еще крепче и неуязвимей нынешнего. Да что там проект! Смотри эти глаза на него год-другой — и он наверняка сотворит что-нибудь выдающееся, о чем придирчивые потомки вспомянут и через сотню лет…

— Лесохимию двинем! — фантазировал Дементьев. — И… театр в нашем городе воздвигнем не хуже областного. Вы там играть будете и на любимый свой спектакль пришлете мне через капельдинера в ливрее контрамарочку по старому знакомству… Не зазнаетесь, пришлете?

— Я сама принесу, — пообещала Анфиса. — Не будем разводить бюрократизма в новом городе!

— Так еще лучше! — согласился Дементьев. — Плесканите-ка мне горяченького… — Он откровенно залюбовался Анфисой, наливающей ему чай и очень похожей сейчас на молодую старательную хозяйку, только что обученную домоводству. — Знаете, мы с вами сегодня на

молодоженов смахиваем!

— Не шутите этим… — суеверно сказала Анфиса.

У нее было такое чувство, будто Дементьев неосторожной шуткой торопит ход событий и нарушает те немного старомодные правила, которые они оба, не сговариваясь заранее меж собой, соблюдали прежде. И хотя не так уж строго придерживалась в своей жизни правил, но на этот раз почему-то охотно пряталась за них, точно боялась остаться наедине с собой.

Она вообще плохо понимала себя сейчас. Прежде Анфисе сразу же становилось скучно, когда при ней заходил разговор о работе, а вот Дементьева она готова была слушать часами. И совсем не в красноречии инженера тут было дело! Этот простой открытый человек все больше нравился Анфисе, и ей казалось увлекательным все, о чем бы он ни заговорил. И если бы Дементьев углубился сейчас в дебри лесохимии и стал бы посвящать Анфису в премудрости какого-нибудь гидролиза древесины, то и скучный гидролиз полюбился бы ей крепче самого интересного романа из тех, какими зачитывалась Вера…

Анфиса вымыла чашки и спрятала их в тумбочку.

— Посуда и съестные припасы у вас вверху будут, а книги внизу. И чтоб не путать, проверю! — пригрозила она.

— Есть не путать! — Дементьев заглянул в тумбочку. — Анфиса, вы — чудо!

— Чудо-юдо… — счастливо пробормотала Анфиса, чем-то похожая сейчас на Тосю-малолетку.

— А у печки вы тоже любите сидеть? — с надеждой в голосе спросил Дементьев и поспешно добавил, подсказывая Анфисе ответ: — Я с детства люблю.

— Как сидеть? — не поняла Анфиса.

— А вот так…

Дементьев проворно повалил табуретку на пол, распахнул дверцу печки и погасил в комнате свет. Они сели рядышком на опрокинутую табуретку, касаясь друг друга плечами. Пламя выхватывало из темноты их колени, щеку Дементьева и маленькое точеное ухо Анфисы. Дрова в печке уютно трещали, в углах комнаты залегла густая тьма, и время, казалось, замедлило свой бег. Дементьев курил, старательно отгоняя дым в печку.

У Анфисы был такой умиротворенный вид, словно она наконец-то нашла свое настоящее место в жизни. Она совсем не притворялась и не

очаровывала Дементьева. Ей было так хорошо и спокойно сейчас, как ни разу не было со всеми теми мужчинами, которые прошли через ее жизнь, — прошли, теперь она ясно видела это, лишь по обочине, не затронув заветной ее сердцевины. О глубоко запрятанной сердцевине этой и сама Анфиса еще недавно даже и не подозревала.

Ей бы радоваться полной мерой, но за нынешним безоблачным счастьем Анфисы нет-нет да и проглядывала грусть, будто Анфиса никак не могла чего-то позабыть, все время помнила о чем-то неотвратимом, что глыбой нависло над ней, каждую минуту грозило сорваться и раздавить ее неокрепшее счастье.

Но как бы ни сложилась дальше ее судьба, Анфисе на всю жизнь западет в память сегодняшний вечер: уборка запущенной комнаты, молодая и заразительная уверенность Дементьева, что нет таких положений, из которых не было бы выхода, мытье рук снежной кашицей, семейное их чаепитие, рассказ Дементьева о потомках и то, как сидели они на опрокинутой ребристой табуретке и смотрели в огонь. И главное запомнится Анфисе — чувство своего приобщения к тому большому, настоящему и крепкому, что до сих пор обходило ее стороной. А может быть, это

она сама по своей слепоте не видела этого настоящего, считала даже, что и нет его вовсе на свете. Сейчас Анфисе просто некогда было разбираться, как там оно было раньше и кто больше виноват.

И выходит, мы и в самом деле поспешили, так бесповоротно зачислив Анфису в разряд хищниц и людей-потребителей — не способных любить, убогих душой и немощных сердцем…

— Припекает, — сказала Анфиса, потирая колени. — Отодвинемся?

Они приподнялись и отодвинули табуретку подальше от печки.

— А как же ваша срочная работа? — припомнила вдруг Анфиса.

Дементьев небрежно махнул рукой:

— Успею: ночь длинная!

Анфиса задумалась, имеет ли она право обрекать инженера на бессонницу, ничего не решила и сказала:

— Давайте-ка еще отодвинемся.

Дементьев оглянулся через плечо:

— Отступать нам есть куда!

Они улыбнулись друг другу и отодвинули табуретку. Все сейчас, даже самые простые и обыкновенные слова полны были для них особого тайного смысла, понятного только им одним.

— И странно же устроен мир! — ударился вдруг в философию Дементьев. — Еще недавно учился я в институте, сдавал экзамены, подрабатывал к стипендии — и ничего, подумать только, совсем ничего не знал о вас. Не подозревал даже, что вы в одно время со мной на свете живете!

— Ухаживал за студентками… — подсказала Анфиса.

— Самую малость, только чтоб не прослыть монахом, верьте, Анфиса! Я точно предчувствовал, что найду вас, и другие девчата как-то совсем меня не задевали, будто мы встречались в непересекающихся плоскостях. — Для наглядности он показал на руках эти плоскости. — А вы тут жили и тоже ничего не знали обо мне, разве это не странно? А теперь мы встретились, и вся предыдущая жизнь кажется мне лишь подготовкой к этой нашей встрече. Никогда я в судьбу не верил, а в последнее время… — Он взял ее руку. — Анфиса!

— Не надо… — умоляюще сказала она и бережно, с неожиданной для прежней Анфисы чуткостью высвободила свою руку, боясь грубым движением обидеть Дементьева.

Малиновые угли притягивали ее взгляд, и Анфиса завороженно смотрела в печку, словно

искала там ответа на все свои опасения и тревоги. Бессознательно ей хотелось продлить эту счастливую минуту — самую счастливую в ее жизни, когда все уже было ясно, а в то же время решающее слово еще не произнесено, любовь их еще не названа вслух и Анфисе можно было еще не бояться за исход этой необъявленной любви.

— И надо же было так случиться, что меня направили именно в этот лесопункт. И первый человек, которого я тут встретил, были вы! Как хотите, а это судьба… Анфиса!

Дементьев наклонился и поцеловал ее руку.

— Зачем вы, ну зачем? — со слезами на глазах спросила Анфиса, вскакивая с табуретки. — Я пойду.

— Что вы? Если обидел вас, простите, — я совсем не хотел этого…

— Обидели? Нет, мне так хорошо сейчас, что даже страшно стало… Я пойду. Не провожайте, не надо… Спасибо сам, Вадим Петрович!

— За что? Это вам…

— За все…

Анфиса широко повела вокруг рукой. Хлопнула наружная дверь. Кто-то стукнулся мягко о стену, чертыхнулся нетрезвым голосом и слепо зашарил в сенцах. Анфиса щелкнула выключателем

и встревоженно посмотрела на Дементьева. Тот кивком головы успокоил ее и храбро шагнул к двери. Кажется, ему даже хотелось сейчас, чтобы Анфисе угрожала какая-нибудь опасность пострашней: он грудью стал бы тогда на ее защиту и она увидела бы, что с ним не пропадешь.

Дементьев широко распахнул дверь. Запнувшись о порог, в комнату ввалился Мерзлявый — как всегда озябший, со свежей нашлепкой на подбородке и скорей жалкий, чем страшный. Дементьев понял, что удивить Анфису своим мужеством и преданностью сегодня ему не удастся, и разочарованно отступил от двери.

Мерзлявый зябко передернул плечами, потер руки и заговорил так зычно, будто был не в комнате, а кричал с одной стороны улицы на другую:

— Петр Вади… Тьфу! Вадим Петрович! Извините, что потревожил вас на дому, но войдите в положение рабочего человека: четвертную до получки, а? Он хлопнул себя по тощему карману: — Будут у меня как в сберкассе! Вот хоть Анфиску спросите…

Он по-свойски подмигнул Анфисе, прося поддержать его. Но Анфиса молча повернулась к нему спиной. Щепетильному Дементьеву стало неловко, что Анфиса так невежливо обошлась

с ночным их гостем. Он пошарил в кармане и протянул Мерзлявому деньги.

— Вот это по-нашему! Чутко, ничего не скажешь! — одобрил Мерзлявый заметно повеселевшим голосом и колупнул себя в грудь сизым от холода кулаком. — Хоть и интеллигенция вы, а понимаете рабочего человека!

Анфиса взяла со стола логарифмическую линейку и стала разглядывать мелкие деления. Она нарочно не обращала внимания на Филиного дружка, боясь, что тот разоткровенничается и сам не заметит, как подведет ее. Ей захотелось вдруг уехать в такие чужедальние благословенные края, где за тысячу верст ни один человек ничего бы не знал о ней.

Сжимая выпрошенные деньги в кулаке, Мерзлявый пошел было к двери, но вдруг остановился посреди комнаты. В нетрезвую его голову закралась мысль добром отплатить Дементьеву за добро и заодно сбить спесь с Анфисы, которая вела себя прямо как заправская инженерша и даже не хотела его узнавать.

— И чего вы с ней мерихлюндии разводите? — покровительственно спросил он у Дементьева и повел головой в сторону замершей у стола Анфисы. — Даже смешно: это же Анфиска, своя

в доску! Извиняюсь, конечно… Идите прямо на коммутатор и действуйте, как мужику положено. Анфиска не прогонит!

Для большей убедительности Мерзлявый хотел ударить себя кулаком в грудь, но не соразмерил на этот раз своих движений и сунул кулак прямехонько под мышку.

Дементьев не только не поверил тому, что сказал незваный гость, но даже не понял толком нетрезвой его болтовни. Он лишь подивился, до какой подлости может спьяну дойти человек. И еще он пожалел, что впустил Мерзлявого к себе в комнату, а значит, хоть и косвенно, тоже был виноват в том, что на Анфису возвели такой грязный поклеп.

— А ну, убирайтесь отсюда! — приказал он парню и украдкой взглянул на Анфису.

Ничего в ней вроде бы не изменилось, и пожизненная красота ее тоже никуда не делась — и все-таки перед Дементьевым стояла теперь совсем другая, незнакомая Анфиса. В наклоне головы, в опущенных плечах, во всей ее враз надломившейся фигуре было что-то новое, жалкое, затравленное. И только маленькие аккуратные уши Анфисы остались прежними — такими же точеными и безмятежно красивыми. А вот глаза

свои Анфиса прятала. Она чем-то напомнила Дементьеву озябшего неприкаянного Мерзлявого, когда тот ввалился в комнату.

Все еще ничего не понимая, встревоженный Дементьев шагнул к Анфисе, спеша к ней на выручку. Ему казалось: вдвоем они быстрей справятся с неведомой бедой.

Анфиса отпрянула от него, будто испугалась, что ее станут сейчас бить. На миг глаза их встретились. Анфиса тут же воровато отвела свои глаза, но было уже поздно: Дементьев не умом, а всем любящим существом понял, что Мерзлявый сказал правду. Он не ему поверил, а этому вот жалкому взгляду Анфисы.

И невозможная эта правда резким, беспощадным светом осветила вдруг все прежние их встречи. Дементьеву сразу стали ясны и все недомолвки Анфисы, и затяжное неверие ее в будущее их счастье, и насмешливые взгляды лесорубов, которые он иногда ловил на себе, и ехидный шепоток, шелестящий им вслед, когда они появлялись вместе на улице.

Анфиса поняла, что выдала себя, метнулась к вешалке, сорвала с крючка беличью шубку и выбежала из комнаты. Мерзлявый осклабился:

— Не любит критики!

— Пошел вон! — крикнул Дементьев и рванулся к человеку, который походя растоптал недолговечную его радость.

Он схватил Мерзлявого за узкие плечи, тряхнул так, что с парня свалилась жалкая шапчонка, и отбросил его к двери.

— Я жаловаться буду, — с неожиданным достоинством сказал Мерзлявый протрезвевшим голосом. — Один на телеграфный столб кидает, другой о косяк норовит расшибить…

Он разжал свой кулак, посмотрел на смятые дементьевские деньги. Кажется, Мерзлявого сильно подмывало швырнуть эти деньги в лицо инженеру, но он благоразумно переборол гордые свои побуждения и лишь пообещал:

— Привлекут вас за превышение власти!

Дементьев шагнул к нему. Мерзлявый проворно сгреб шапчонку с пола и вьюном выскользнул из комнаты. Слышно было, как он выругался в сенях и проворчал:

— А еще интеллигенция… Учат вас, учат на народные деньги!..

Хлопнула наружная дверь, и тишина — густая, тяжелая, до звона в ушах — навалилась на Дементьева. Похорошевшая комната, убранная Анфисой, затаилась, ждала, что он теперь будет

делать. И опрокинутая набок табуретка все еще лежала на полу возле печки, напоминая Дементьеву о недавнем, навек сгинувшем счастье.

А он еще разоткровенничался насчет потомков, в лесохимию зачем-то залез и даже судьбой козырял, слепой дурак! Дементьев отшвырнул ногой табуретку, сорвал с тумбочки и умывальника бумажные Анфисины занавески с зубчиками для красоты, скомкал их и сунул в прогоревшую печку.

ИЛЬЯ ПРОСИТ ПРОЩЕНИЯ

Многое переменилось на участке мастера Чуркина. Деревья теперь трелевали с кронами, и на делянке остались только вальщики леса и чокеровщики, а все девчата-обрубщицы перешли на верхний склад. Здесь на утрамбованной площадке они без помехи обрубали сучья и не сжигали их больше на кострах, а складывали в поленницы. Вывозили древесину с верхнего склада теперь в хлыстах, и Вера со своими раскряжевщиками перебралась на нижний склад.

И Тосина кухня перекочевала вслед за обрубщицами. Тося разбогатела: ей дали вагончик — на одной половине кухонька, а на другой — маленькая столовая, где лесорубы могли по очереди обедать в тепле. На стенке вагончика красовалась размашистая надпись мелом: «Ресторан „Навались“ имени Т. Кислицыной».

Яркое февральское солнце слепило глаза в вагончике, где хозяйничала Тося. Все вокруг было новое, веселое, блескучее: и чистенькая кухонька, и эмалированные кастрюли, и ножи, и миски, и щеголеватый маленький будильник, уютно тика-

ющий на полке. А вот Тося в перекрахмаленном, жестяном переднике и большом, наползающем на глаза колпаке была пасмурной и хмурой. Думая невеселую думу, она машинально резала хлеб ножом-хлеборезкой.

Равнодушные к Тосиному горю, весело булькали кастрюли. Вкусный пар волнами ходил по маленькой кухоньке. Тося оторвалась от хлеборезки, посолила варево, взглянула на чистенький будильник и заторопилась. Она разложила нарезанный хлеб по тарелкам и поставила тарелки у раздаточного оконца, над которым висела новенькая книга жалоб и привязанный к ней электропроводом неочиненный безработный карандаш.

Тося вошла во вторую половину вагончика, где была столовая. На скамейке в углу кто-то спал, с головой укрывшись полушубком. Из-за чугунной печки торчали валенки в калошах из красной резины. Тося расставила тарелки с хлебом на столах, подкинула в печку дров и неодобрительно покосилась на валенки, но ничуть не удивилась, обнаружив их в вагончике.

На верхнем складе загудел паровозик. Тося заглянула в окошко поверх куцей занавески — завхоз пожалел ситца! — и громко сказала

валенкам:

— Игнат Васильевич приехал!

Валенки живо спрыгнули на пол, полушубок сполз с головы и открыл заспанное лицо мастера Чуркина: он умел по-своему приноровиться к любым преобразованиям.

— Поднажмем, девчатушки! — крикнул Чуркин хриплым спросонья голосом и выбежал из вагончика.

Тося плеснула в рукомойник теплой воды, повесила на катушку чистое полотенце. Потом она открыла большой, чуть ли не амбарный замок, которым был заперт бачок с питьевой водой, вылила туда чайник остуженной кипяченой воды и снова навесила богатырский замок.

Тоненько прозвенел будильник. Тося придирчиво осмотрела столовую и себя, пришпилила к стенке загнувшийся уголок стенгазеты, поправила поварской колпак на голове и толкнула входную дверь. Высунувшись из вагончика, она зазвонила в маленький певучий колокол, примостившийся над дверью. Чистый серебряный звон поплыл над лесом. Тося послушала, подумала, как обрадовалась бы она этому колоколу раньше, и с чувством, что жизнь не удалась, вернулась в вагончик…

По волоку со стороны делянки гуськом двигались на обед вальщики леса. Впереди шел Филя в лихо заломленной кубанке и с крупным синяком под глазом. В углу его рта стыла давно погасшая папироса, а из кармана ватника торчал пухлый газетный сверток. За Филей поспешал Мерзлявый, зябко спрятав кисти рук в рукава и по-бабьи держа их на животе. Нашлепка на подбородке потемнела, и издали казалось, что Мерзлявый отпустил себе испанскую бородку клинышком. А позади них широко шагал Илья в легонькой, не по сезону, летней кепочке.

Филя вынул из кармана зажигалку, и в это время его догнал Илья. Они долго шли бок о бок и молчали. Лишь снег визжал под их ногами да позади сопел испанистый Мерзлявый. Филя невольно стал тянуть ногу, приноравливаясь к широкому шагу бывшего своего дружка.

Илья покосился на зажигалку в Филиной руке, сунул папиросу в рот, демонстративно похлопал себя по карманам в поисках спичек, сплюнул табачинку и сказал угрюмо:

— Дай-ка огоньку.

Филя молча отмерил с пяток шагов и, не глядя на Илью, сердито сунул ему зажигалку. Илья высек огонь, дал прикурить Филе и сам прику-

рил. Они встретились глазами, оба враз пыхнули дымом в лицо друг другу.

— Филь, ты уж того… не сердись, — попросил Илья и виновато кивнул на синяк.

Филя почесал синяк с таким достоинством, будто это был шрам, полученный в славном бою.

— Не то слово… — неуступчиво произнес он, отбирая зажигалку и пряча ее в карман.

— Да брось ты! — миролюбиво сказал Илья.

— Мы благородные, — передразнил Филя. — У нас чистая любовь! А Филя — хулиган, его можно и в рыло… — Он пырнул воздух кулаком. — А ты припомни, кто спор затеял? Кто? Молчишь?.. То-то!

Илья смущенно пробормотал:

— Ну, так получилось… Под горячую руку ты подвернулся. С кем не бывает?

Филя снова почесал синяк — еще горделивей и неприступней прежнего.

— Опять же Мерзлявому бороду нацепил и Длинномера в снег воткнул… Зачем авторитет парням подрываешь? Так нас скоро никто в поселке бояться не станет!

— А зачем надо, чтобы нас боялись?

— Ты меня не агитируй, хватит одного Сашки! — озлился Филя. — Черт с ним, с Длинномером:

сегодня он с нами, а завтра его нету. Но мы-то с тобой вроде дружили, что ж ты боксом? — От обиды у Фили даже голос дрогнул. — Я же не набивался тебе в друзья, припомни…

— Вот чудак! — притворно удивился Илья. — Ну ударь теперь ты меня, сквитаемся… На, бей!

Илья стал боком и подставил Филе свою скулу. Филина рука сжалась было в кулак, но тут же и разжалась.

— Ты что, баптист? — удивился Филя и пояснил с презреньем в голосе: — Влюбленных я не бью, пусть-сами погибают!.. А будешь еще на мне благородство свое показывать — двину. Не посмотрю, что ты сильней!

Филя вытащил из кармана сверток, сорвал с него газету и протянул Илье пыжиковую его шапку:

— Возьми свой головной прибор. Чужого мне не надо.

Илья отодвинулся и потер озябшие уши.

— Ты выиграл, ты и носи.

— Опять благородство? — зло спросил Филя. — Испортила тебя Тоська! — Он обернулся через плечо: — Эй, Мерзлявый, ходи сюда!

Мерзлявый затрусил к Филе, держа сомкнутые руки перед собой.

— И чего ты все мерзнешь? — брезгливо спросил Филя, сорвал с парня паршивую его шапчонку с вытертым искусственным мехом и забросил на верхушку ближнего дерева, а взамен нахлобучил на голову своему соратнику пыжиковую шапку Ильи.

— И чтоб больше не мерз у меня! — пригрозил Филя.

Илья жадно курил и, сам того не замечая, любовался щедрым и сердитым Филей с подбитым глазом. Как ни крути, а мало кто в поселке был способен так запросто отказаться от дорогой шапки. Вот тебе и Филя-хулиган! Хоть Тося и ругает его, а толком в нем не разобралась: не так-то он прост, этот непутевый главарь поселковой ватаги. Кажется, Илья все-таки надеялся помириться с Тосей и все-все рассказать ей о Филе, с которым много у него было всякого — и хорошего и плохого…

— Ты чего это? — подозрительно спросил Филя, перехватив подобревший от тайных мыслей взгляд Ильи. — Сначала… — он ткнул воздух кулаком. — А теперь подлизываешься? Знаю я вас, благородных! Иди к своей, звонила уже… Понавешали тут колоколов… Вот баптисты!..

Филя подтолкнул Илью к вагончику и долго

смотрел ему вслед.

— А ведь был человеком! — подытожил он траурные свои мысли.

— Обабился! — выслуживаясь перед Филей, подхватил Мерзлявый и поправил на голове неожиданную обновку.

— Цыц! — гаркнул Филя, не давая никому ругать Илью, оставляя такое право лишь за собой одним.

Он покосился на Мерзлявого, жалкого и в пыжиковой шапке:

— Только тебе такие шапки и носить!

Филя презрительно махнул рукой и поплелся к вагончику вслед за Ильей.

Тося в вагончике, не щадя своих сил, внедряла гигиену.

— Руки мойте, — поучала она лесорубов. — Для кого я воду грела?

Илья добрых пять минут топтался возле умывальника и подошел наконец к раздаточному оконцу. По долгу службы Тося глянула на его покрасневшие от долгого мытья руки, налила в тарелку пахучего горохового супа и положила большой кусок мяса, чтобы подлый человек не думал, что она сводит с ним счеты и морит его голодом. Илья невесело усмехнулся, но от оконца

не отошел. Пытаясь откупиться от него, Тося, явно обделяя кого-то из припозднившихся лесорубов белками и калориями, положила в Илюхину тарелку еще один кусок мяса — поменьше. Илья усмехнулся мрачней прежнего, но с места не сдвинулся.

Он стоял возле оконца, к которому один за другим подходили лесорубы. Тося наливала им в тарелки суп, и они спешили к столам, с любопытством поглядывая на Илью, примерзшего к своему месту.

Выждав время, когда возле оконца никого не было, Илья придвинулся к Тосе, откашлялся и сказал трудным голосом человека, не привыкшего извиняться:

— Тось, слышь, прости ты меня…

— Я тебя в упор не вижу, — отозвалась Тося, старательно глядя мимо Ильи и машинально помешивая ложкой в его тарелке.

Илья тяжело вздохнул, поняв, что помириться с Тосей будет не так-то просто.

— Да ты пойми, я же теперь совсем не такой!

Тося презрительно хмыкнула, осуждая все его жалкие хитрости.

— Этак ты банк обчистишь или человека укокошишь, а изловят тебя, субчика, запоешь: я тогда

плохой был, а теперь хороший, отпустите меня на волю и дайте премию! Так, что ли, по-твоему?.. Это ящерица, когда ее прищемишь, хвост сбрасывает, а человек… он на всю жизнь один. И совесть у него одна, запасной не полагается.

— Ох и трудно с тобой говорить!.. — пожаловался Илья.

И Тося посоветовала ему:

— А ты не говори, не больно-то нуждаюсь! — и тут же повернулась к Илье спиной и занялась какими-то срочными поварскими делами.

В вагончик вбежала Катя, напилась воды из бачка, запертого амбарным замком, и закашляла, напоминая Тосе о давнем их уговоре. Тося сердито махнула рукой, прося подругу зря не надрывать горло.

К оконцу подошел Филя.

— Руки помой, — накинулась было на него Тося, глянула на синяк и спросила с виноватинкой в голосе: — Филь, больно?

— Не твоя печаль, — с достоинством ответил Филя, — в котел лучше смотри… — Он запустил ложку в тарелку, пошлепал губами. — Опять пересолено. Хуже нет, когда повар влюбленный!

Филя ушел с тарелкой в самый дальний угол вагончика и сел лицом к стене, чтобы не видеть,

как лучшие люди лесопункта унижаются перед воронежской кнопкой. И кто ее просил сюда приезжать? Жили без нее тихо-мирно, — так нет, заявилась и рассорила старинных друзей…

— Не обращай на него вниманья, не в себе человек, — заступился Илья за нелюдимого Филю и снова придвинулся к оконцу. — Тось, забудь ты про этот спор… Мне теперь самому смешно вспомнить.

Тося вся подобралась, как кошка перед прыжком. — Смешно?

— Ну… противно.

— Противно?..

— Ну, совестно… Не придирайся ты к словам. Лучше испытай меня, если не веришь.

— Ты что, трактор, чтобы тебя испытывать? Никогда я тебя не прощу, спорщик ты… Бабник! — припомнила Тося все прежние свои обиды. — Ненавижу тебя, не-на-ви-жу!

— Красивая ты сейчас… — с болью в голосе сказал Илья и отошел от оконца.

— Ну да? — опешила Тося, растерянно посмотрела в спину Илье и перевела глаза на нетронутую тарелку с супом.

Илья толкнул плечом дверь и вышел из вагончика, позабыв про обед. Крупная слеза вы-

катилась из несознательного Тосиного глаза и шлепнулась в Илюхину тарелку — как раз посередине между большим и маленьким кусками мяса. Завидев спешащую к ней Катю, Тося схватила луковицу и стала чистить ее, чтобы оправдать непростительные свои слезы. Катя сунула любопытную голову в оконце и с чувством произнесла:

— Не плачь, Кисличка! Правильно сделала, что прогнала его. Я снова горжусь тобой… За весь женский пол!

— Да ну тебя! — отмахнулась Тося. — Стану я из-за него плакать… Вот еще выдумала! Просто лук сильный попался. Должно быть… из совхоза.

— Из совхоза? — удивилась Катя.

— Ну да, совхозный лук посильней колхозного слезу гонит. Это все повара знают…

Слеза капнула Тосе на руку. Не вынеся горючей ее тяжести, Тося выронила луковицу, ткнулась мокрым лицом Кате в плечо и пожаловалась:

— И чего я плачу? Ведь ничуть мне его, ирода, не жалко-о!..

В столовую ввалилась новая партия лесорубов.

— Скоро там? — недовольно спросил маленький тракторист Семечкин. — Так и обеденный перерыв пройдет!

И как всегда, когда Тося была слабой и не возносилась над другими девчатами, верная Катя поспешила ей на помощь. Она заслонила собой оконце, не давая никому заглянуть в кухоньку.

— Сейчас, сейчас! Минуту терпенья: авария с поваром.

КОЛЕНЧАТЫЙ ВАЛ

Анфиса сдала дежурство и вышла на крыльцо. К ночи подмораживало, в столовой громко, на весь поселок, хлопала вооруженная тугой пружиной дверь, к клубу парами и поодиночке тянулись лесорубы.

Идти в общежитие не хотелось. С недавнего времени Анфисе трудно почему-то стало бывать на людях. Раньше она просто не замечала, есть кто-либо рядом с ней или нет, а теперь любопытные девчата стесняли ее. Из гордости Анфиса и виду не подавала, что на сердце у нее кошки скребут после памятного вечера у Дементьева, и все время чувствовала себя как на сцене, где надо было играть фальшивую и надоевшую до чертиков роль. Вот когда пригодился ей артистический талант!

Еще меньше манил ее клуб с танцевальной своей толкотней. Но и на крыльце торчать, привлекая всеобщее внимание, тоже приятного было мало, и Анфиса, сбежав со ступенек, бесцельно побрела по улице.

Чтоб не встречаться с лесорубами, она свернула

в переулок и лицом к лицу столкнулась с хмурым Ильей, сторонкой пробирающимся к себе в общежитие. Занятые своими мыслями, они молча разминулись и тут же оба враз остановились.

— Здравствуй, Илюша, — невесело окликнула Анфиса. — И ты уже меня не узнаешь?

Илья невольно огляделся по сторонам, поймал себя на том, что боится, как бы Тося не увидела его вместе с Анфисой, и тут же разозлился на себя, а еще больше на Тосю, которая сделала его таким трусом. Он решительно шагнул к Анфисе.

— Не бойся, — снисходительно и лишь самую малость насмешливо сказала Анфиса, разгадав все тайные его опасения. — В школе она сейчас, не увидит… А ты что ж не занимаешься?

Илья махнул рукой, зачеркивая всю свою недавнюю образцово-показательную жизнь.

— Отзанимался я!.. Ты-то чего сумная?[10] Слышал, инженер души в тебе не чает.

— Устарели твои новости, Илюша. Нашлись добрые люди, порассказали ему обо мне.

— Вот оно что…

Илья увидел вдруг в горемычной Анфисе товарища по несчастью. Но ему, несмотря на все его

---

[10] Примечания: 10
Сумный — задумчивый, печальный.

беды, было все-таки легче: он все еще надеялся, что гордая Тося сменит гнев на милость, а Анфиса, кажется, порастеряла уже все свои надежды. Илья подивился тому, что жизнь снова, совсем на другом своем повороте, свела его с Анфисой и перебросила между ними зыбкий мостик.

И, как встарь, Илья опять невольно сравнил Анфису с Тосей, но на этот раз в душе у него шевельнулась неприязнь к пронырливой Тосе. Ловко она устроилась! Ей все помогают наперебой, а неудачливой Анфисе никто не только руки не протянет в трудную минуту жизни, но даже и не посочувствует.

Что же, им с Анфисой пропадать теперь, если в прошлом наломали они по неведенью дров и не сумели вычертить свою жизнь по прямой линейке? Легко Тосе с Дементьевым осуждать их! Один учился чуть ли не до седых волос, высиживал диплом в инженерном инкубаторе, а другая в неполные свои восемнадцать лет просто и нагрешить-то еще не успела. Оба они — и ревнивый Дементьев, и придирчивая Тося — показались Илье самыми настоящими чистоплюями, больше всего озабоченными тем, чтобы пройти по жизни, не запачкав ног…

Наигрывая на гармони, в переулке показался

Сашка. Катя висела у него на руке и пела частушку!

Твои серые глаза

Режут сердце без ножа…

Проходя мимо Анфисы, Катя обернулась через плечо, спросила с ехидцей:

— Старая любовь не забывается?

И Анфиса не осталась в долгу:

— Нужно в школу ходить, раз записалась.

— А нашему классу повезло, — поделилась Катя ученической своей радостью. — Марь Степанна заболела!

— Живут люди!.. — позавидовал Илья чужому счастью. — А мы с тобой как проклятые. Все у нас наоборот получается: не любили — веселились, а полюбили — и хоть плачь… До чего же интересно жизнь закручена: прямо как коленчатый вал!

Анфиса посочувствовала Илье:

— Да, неуклюже у тебя с этим спором вышло.

— И черт меня дернул! — Илья замялся. — Как думаешь, простит она меня когда-нибудь? А кто ж ее знает? Вообще-то она не мелочная.

— Я к ней все приглядываюсь… Знаешь, в ней и в самом деле что-то такое есть.

Наконец-то и Анфиса признала Тосю!

— Вот видишь! — обрадовался Илья, но тут же и осекся, припомнив, что эта самая хваленая немелочная Тося гонит его от себя, как собаку, и никак не хочет понять, что спорил на нее один Илья, а расхлебывать его грехи приходится совсем другому, недавно народившемуся. Любила бы — так небось поняла.

— Ты поговори с ней по-хорошему, — посоветовала Анфиса. — Так, мол, и так… Не узнаю я тебя, будто робеешь ты перед Тоськой.

— Оробеешь тут! Сначала вроде нравился я ей, а теперь — как отрезало… Ледышка у нее вместо сердца!

Анфиса снисходительно усмехнулась:

— Знаем мы эти ледышки! Ты хоть сам-то не замерзай. Докажи, что любишь ее, ничего для нее не пожалеешь. Ну, подари ей что-нибудь.

Она разговаривала с Ильей так терпеливо и покровительственно, словно была старше его лет на двадцать. Илья встрепенулся было, но тут же сник.

— Не возьмет она от меня ничего… Это знаешь что за человек? — и, восхищаясь против воли Тосей, и осуждая ее за жестокий нрав, сказал он.

— А ты все-таки попробуй, — настаивала Анфиса, жалея запутавшегося Илью. — Она хоть и

бойкая на язык, а разум у нее еще детский, да и не баловали ее в жизни подарками… Я знаю, ей часы давно хочется, только не с простым стеклом, а с увеличительным.

— С увеличительным, говоришь? — переспросил Илья.

По улице прошли Дементьев и комендант с чьим-то новым портретом под мышкой. «Кому горе, а кому радость…» — мельком подумал Илья. Дементьев глянул в их сторону, узнал Анфису и резко отвернулся, будто ожегся.

— Вот как теперь у нас! — горько сказала Анфиса. Рука Анфисы метнулась к горлу и затеребила шарфик, словно ей душно стало.

Чужая боль толкнулась Илье в сердце, отозвалась там его собственой натруженной болью. Не умом, а всей своей забракованной, ненужной Тосе любовью он понял вдруг, как плохо сейчас Анфисе. Илья чуть было не кинулся догонять Дементьева, чтобы силой вернуть его, но взглянул на Анфису — и не тронулся с места.

В ней появилось что-то новое, беззащитное, и теперь уж решительно ничего не осталось от первой поселковой красавицы сердцеедки, к которой еще не так давно ходил он по вечерам на коммутатор. Куда подевалась былая ее самоуве-

ренность и беспечность? Анфиса затаилась, как бы прислушиваясь к чему-то, чего никто, кроме нее, не слышал. Илья усомнился даже, с ней ли коротал он вечера на коммутаторе.

Он подумал запоздало, что, в сущности, совсем не знает Анфису, хотя знаком с ней уже больше года и между ними было все, что может быть между мужчиной и женщиной. Раньше он видел в Анфисе всего лишь красивую девчонку, с которой приятно провести время. Ему нравилось танцевать с ней в клубе, перехватывая длинные завистливые взгляды других парней, которым она предпочла его. Илья припомнил недавнее свое житье-бытье и подивился тому, до чего же мало ему раньше надо было, чтобы чувствовать себя счастливым. Жил, как дерево растет, а считал себя человеком.

Похоже было на то, что после всех испытаний, выпавших на его долю, он стал лучше понимать не только себя, но и других людей. И кажется, не в одной Тосе тут было дело, а и в нем самом, в тех силах, которые подспудно дремали в Илье все прежние годы и которые Тося, сама того не ведая, разбудила к жизни.

Его настигло вдруг смутное чувство какой-то своей непоправимой вины перед Анфисой, будто

это он развел ее с Дементьевым. Илье даже почудилось: если Анфиса не помирится со своим инженером, то и ему никогда уже не видать счастья с Тосей.

— Слышь, Анфиска, — тихо сказал Илья, — ты не очень меня ругай, если что у нас не так было…

Рука Анфисы снова метнулась к шарфику, но на этот раз замерла на полпути. Она отступила на шаг, глянула на Илью прежними зло-веселыми глазами, и пропела насмешливо:

— Какие нежности при нашей бедности!

— Да ты хоть от меня не прячься, — упрекнул ее Илья.

Анфиса не выдержала его сочувствующего, все понимающего взгляда и отвернулась. А Илье пришло вдруг в голову, что, если б не было на свете гордой и неприступной Тоси, он смог бы полюбить Анфису — вот эту новую, застенчивую и небойкую, только сейчас открытую им. Стороной, по самой обочине сознания, скользнуло легкое ревнивое сожаленье, что не ему, а другому человеку суждено было сделать Анфису такой.

Все у них теперь было бы по-другому, совсем не так, как прежде, когда он хаживал к Анфисе на коммутатор. Кажется, Илья устал уже от бесконечных Тосиных выкрутасов, и ему захотелось

простого и теплого счастья.

— Видать, одной мы с тобой веревочкой связаны, — сказала Анфиса, и Илье показалось, что она не только угадала все его тайные мысли, но и сама думает так же.

Им бы, чудакам, полюбить друг друга, а они, себе на беду, выискали любовь на стороне и теперь вот оба мучаются…

— Иди, а то еще наскочит на нас твоя зазноба, — спохватилась вдруг Анфиса. — Они ведь с Катериной в одном классе.

— А пусть! — храбро отозвался Илья. — Все равно уж… Да и сколько можно ей потакать?

Ему захотелось вдруг во всем сравняться с Анфисой. Вот Дементьев отворотил от нее нос — пусть и Тося что-нибудь такое же выкинет. Они с Анфисой полюбуются на ее прыть и решат, у кого из этих чистоплюев выходит лучше!..

Бросая вызов и Тосе-недотроге, и всей своей незадавшейся судьбе, Илья взял Анфису под руку и вывел ее из полутемного переулка на освещенную фонарями главную улицу поселка. Он шел с Анфисой посреди улицы, ни от кого не прячась и демонстративно выставляя себя напоказ всем друзьям и недругам.

— А вот теперь, Илюша, узнаю тебя, — похвали-

ла Анфиса. — Люблю, когда люди бунтуют!

— Ничего, — пообещал Илья, — будет и на нашей улице праздник.

Больше всего на свете ему захотелось сейчас, чтобы Тося увидела его с Анфисой. Ведь наткнулась же она на них в конторе в день получки и закатила скандал. Но теперь, когда он сам искал ее, Тося, конечно же, куда-то запропастилась.

Илья проводил Анфису до самого общежития и даже на крыльце с ней постоял. Он нарочно говорил погромче, чтобы Тося, если прячется она сейчас в комнате, услышала его. Но Тося притаилась где-то и не подавала признаков жизни.

И то ли потому, что как-то незаметно поразвеялась его тоска, или дружелюбие Анфисы помогло ему, а может, просто подоспела такая минута в его жизни, — но так или иначе Илья вдруг посмотрел на себя со стороны трезвым взглядом и подивился: и чего ради он так юлит перед несмышленой девчонкой? Сам еще не до конца веря себе, Илья понял вдруг, что освобождается от непрошеной любви, нежданно-негаданно нагрянувшей на него и скрутившей его по рукам и ногам. Похоже, он выздоравливал от той хвори, которую сам же на себя и напустил.

Боясь вспугнуть долгожданную эту минуту,

Илья распрощался с Анфисой и пошел к себе в общежитие. И с каждым шагом слабела та невидимая, но прочная веревка, которой Тося приторочила его к себе. Хватит валять дурака! Всякое еще будет в его жизни, а он вбил себе в голову, что на неказистой Тосе свет клином сошелся.

Ему даже петь захотелось от радости, что он наконец-то скинул затянувшееся Тосино иго. Но петь Илья все-таки постеснялся, а вот любимое свое «Хэ-гэй!» крикнул вполголоса. Во дворе Чуркина в ответ залаяла собака — и Илья прибавил шагу, устыдившись легкомыслия, совсем уж непростительного для человека, который только что так успешно придушил вздорную свою любовь. Он шел не разбирая дороги и не заметил, как ноги сами собой, на свой страх и риск, привели его к школьному окну. В последнее время он частенько наведывался сюда по вечерам, даже выбил в снегу под окном пятачок. Обнаружив обидную свою промашку, Илья повернул было назад, но тут ему захотелось еще разок взглянуть на Тосю — новыми уже, раскрепощенными глазами — и хоть напоследок понять, чем же она взяла

его, как отшибла ему все памороки[11]. Предусмотрительный Илья хотел до конца разгадать недавнюю свою немочь, чтобы на всю жизнь застраховать себя от подобной нелепицы.

Сквозь глазок в морозном стекле Илья увидел свой класс и великовозрастных учеников вечерней школы, упакованных в тесные парты. И Тосю увидел он. Одна-одинешенька сидела она в дальнем углу за их партой и прилежно строчила в знакомой Илье клеенчатой тетради — маленькая, деловитая, начисто его позабывшая и самая родная для Ильи во всем мире.

Все скороспелые бунтарские мысли разом вывалились из головы Ильи, будто их там никогда и не было. Незримая веревка опять натянулась и крепче прежнего взнуздала его. Илья понял с небывалой ясностью, что на веки вечные привязан к Тосе, и как бы ни обманывал он себя и чего бы ни навыдумывал со злости, прячась от горемычной своей любви, а никуда ему от Тоси не уйти, как нельзя уйти от себя самого.

---

[11] Примечания: 11

Отшибло памороки — о человеке, который перестал соображать, понимать что-л.

ВЕРА С ТОСЕЙ ЗАКЛЮЧАЮТ СОЮЗ

Щедрое мартовское солнце всех выманило на улицу. Перед женским общежитием прогуливались принарядившиеся по случаю выходного дня лесорубы. Сашка, окруженный поющими девчатами, пиликал на гармони. Катин голос звенел над поселком.

Стрехи крыш ощетинились зубчатой гребенкой мокрых сосулек. Капли, срываясь с сосулек, вспыхивали на солнце слепящими огоньками.

Тося взбежала на крыльцо общежития, взялась за ручку двери и замерла, щурясь от яркого солнца. Ее поразила какая-то неуловимая перемена, будто в мире что-то стронулось вдруг со своего насиженного места. Тося придирчиво огляделась вокруг. Небо над поселком было еще по-зимнему белесым, но горизонт уже заметно раздался, воздух стал гуще и пахучей, и на солнце уже больно было смотреть. Тосе показалось, что земной шар со всеми своими материками и океанами, с лесами, городами и пустынями, со всеми хорошими и подлыми людьми, которые на нем живут, кру-

жась, как ему и положено, вокруг солнца, только что, сию вот секунду, пересек какую-то невидимую границу и с разбегу вломился в весну.

Значит, северного сияния в этом году ей уже не увидать…

По улице проплыл орсовский грузовик — тот самый, в котором Тося прикатила осенью в поселок. В кузове, среди поселковых модниц, едущих в город делать химическую завивку к знаменитому на весь район дамскому парикмахеру, затерянно сидел угрюмый Илья. На миг они встретились глазами. Илья поспешно отвернулся, а Тося независимо подпрыгнула раз-другой, пытаясь сорвать заманчивую сосульку, не достала и юркнула в общежитие.

Она толкнула дверь своей комнаты и застыла на пороге. Возле печки стояла Вера в расстегнутом пальто и приспущенном платке и держала в руке нераспечатанное целехонькое письмо, не решаясь кинуть его в огонь, Вера испуганно глянула на Тосю, рука ее рванулась к печке, на миг замерла в воздухе, будто уперлась в невидимую стену, и неохотно бросила письмо в топку.

— Ты это что? — встревожилась Тося. — Мам-Вера, ты меня удивляешь!.. Жалко стало мужа? Да не верь ты ему, ироду! Обманывает! По почерку

видно — обманывает!

— О чем ты? — притворилась Вера непонимающей.

— О чем, о чем! — рассердилась Тося. — Терпеть не могу скрытных! Раньше ты письма вон как в печку бросала… — Тося лихо взмахнула рукой. — А нынче… — Тося плавно повела рукой в воздухе и похвасталась: — Меня не проведешь!

Вера смутилась:

— Выдумываешь ты все…

— Выдумываю? Ну, знаешь!.. — оскорбленно сказала Тося. — И как ты по ночам в подушку ревешь — тоже выдумываю?

— Замолчи!

Вера бессильно опустилась на койку. Тося подсела к ней, обняла. Они как бы поменялись на время местами, и роль утешительницы и наставницы перешла от Веры к Тосе.

— Мам-Вера, не надо. Ты держись… вот как я! — Тося выпрямилась, наглядно показывая, как надо держаться под ударами судьбы. — Ну что ты так, в сам-деле?.. Ведь на тебя не спорили!

Кажется, по общечеловеческой слабости Тося немного хвасталась уже теми нелегкими испытаниями, которые выпали на ее долю.

— Эх, Тосенька, есть вещи и похуже спора…

Тося с великим сомненьем посмотрела на Веру.

— Он что… это самое… изменял тебе? — осторожно спросила она, поглаживая Веру по плечу.

— Если бы еще по любви, а то встретил одну вертихвостку вроде нашей Анфисы. Так просто, от нечего делать, как мужики говорят: для счету!.. Всю любовь мою он оплевал. А как я его любила, как ему, дура, верила! Сколько ни проживу — никому уже так не поверю… Сейчас я уже отошла немного, а тогда во всех людях разочаровалась, во всем человечестве…

Тося испуганно глянула на Веру и тихо подсказала:

— Вроде всем людишкам ноги подсекли, и такие они паршивые стали, глаза бы на них не смотрели, да?

— А ты откуда знаешь? — удивилась Вера.

— Да уж знаю… — уклончиво ответила Тося, гордясь тем, что и она переживала такие же взрослые чувства, как замужняя Вера-заочница. — Ну, а ирод твой как? Небось сразу слезу пустил: испытай меня, я хороший?

Вера озадаченно покосилась на Тосю, словно заподозрила вдруг, что та подслушала последний ее разговор с мужем.

— Что-то такое говорил…

— Все они так говорят! — умудренно сказала Тося. — Натворят разных безобразий, а прищемишь им хвост — сразу заюлят: «Ты красивая, ты красивая!» А раньше почему-то одни недостатки видели. Терпеть таких не могу!

Тося сердито глянула на дверь, точно ожидала, что к ним в комнату пожалует сейчас человек, натворивший безобразий и упорно не замечавший прежде ее красоту.

Вера закончила свою исповедь:

— Нарочно подальше уехала, с корнем хотела вырвать его, да вот не получается. И забывать не забываю, и простить не могу…

— Да-а, и тебе нелегко, — великодушно признала Тося — Правильно сделала, что бросила своего ирода. А что ж он пишет и пишет? Ни стыда у человека, ни совести!

— Не знаю, я же ни одного письма не прочла.

Вера украдкой посмотрела на печку. Письмо давно уже сгорело, но пепел не распался и сохранил форму конверта. Тося проследила за Вериным взглядом и ужаснулась:

— О, Верка! Да не поддавайся ты ему!.. — Она помялась и спросила как равная равную: — А во сне ты своего видишь?

— Изредка…

— Редко — это еще ничего… — авторитетно сказала Тося. — А мой взял моду: каждую ночь снится! Вот только вчера у него выходной был, а сегодня опять приснился: будто плывем мы на пароходе… Зима кругом, а ему пароходы подавай, вот ирод! Я уж и подушку второй месяц не переворачиваю, а он все снится и снится… Никакого самолюбия у человека!

— Эк тебя занесло! — изумилась Вера и на миг даже позабыла свои горести. — Ведь ты же сама во сне его видишь!

— Ну да, я ж и говорю… — пробормотала Тося и вдруг догадалась: — А-а… Ты считаешь, раз я во сне его вижу, значит, я и виноватая?

Щадя молодую Тосину любовь, Вера предположила:

— Должно быть, думаешь ты о нем много.

— Вот уж неправда! — рьяно запротестовала Тося. — Нисколечко я о нем не думаю! Встречу — чуть подумаю… — Тося показала кончик мизинца — …И все… Тут другое… — Она зажмурилась и призналась: — Сдается мне, вроде я его… это самое, жалею… — Тося виновато взглянула на Веру и снова машинально показала кончик пальца. — Презираю, ненавижу и… жалею, вот

оно, женское сердце!

В Тосином голосе зазвучало великое презрение к себе самой, к своему непостоянству и позорной слабости.

— И до чего же я нашу бабью породу ненавижу — нет слов-выражения! Медом нас не корми, а дай пожалеть какого-нибудь ирода! Да-а… Много еще в нас пережитков сидит! — Тося выпрямилась и бодро сказала: — Но ничего! Ты, Верка, как хочешь, а я своего никогда не прощу. Ни-ко-гда! Всю свою бабью породу переверну, а не дам жалости ходу! Давай вместе, а? Будем помогать друг дружке: ты дрогнешь — я к тебе на подмогу, а я… слабинку дам — ты ко мне спеши… Коллективно мы с тобой со всеми иродами справимся! А в одиночку трудно… — сокрушенно пожаловалась Тося, шмыгнув носом. — Так и лезут в душу, так и лезут!.. Договорились?

Вера не успела ответить. Весело напевая, в комнату вбежала Катя.

— Носит тебя нелегкая!.. — проворчала Тося. Катя стащила с головы зимний платок.

— Девы, теплынь на улице, прямо весна! Там такое гулянье развернулось… А вы чего тут секретничаете?

— Тебе не понять, — строго сказала Тося.

— Это почему же? — обиделась Катя. — Кажется, не глупей тебя!

Тося пожала плечами:

— Ум тут ни при чем… Счастливая ты, Катька, а счастье глаза застит.

Вера удивленно покосилась на Тосю, недоумевая, когда та успела повзрослеть. А Катя сменила теплый платок на легкую косыночку и пошла было к двери. Тося требовательно окликнула ее:

— А ну подойди!

Катя послушно подошла к подругам. Тося бесцеремонно стащила с Катиной счастливой головы простенькую косынку, открыла шкаф, который после щедрой смазки Ксан Ксаныча больше уже не скрипел, покопалась там, как в собственном бауле, вытащила на свет божий другую косынку, поярче, и повязала ее Кате.

— Глянет Сашка — и наповал! — Тося подтолкнула Катю к двери, повернулась к безучастной Вере и запоздало спросила: — Мам-Вера, можно?

Вера равнодушно кивнула. Катя взялась за ручку двери и оглянулась на горемычных своих подруг. Рядом с черной бедой, витающей над их головами, собственное простое и безоблачное счастье показалось вдруг ей каким-то грубым, почти неприличным.

— Вера, Кислица, хотите, никуда я не пойду? — дрогнувшим голосом самоотверженно предложила она. — Я же не виноватая, что у нас с Сашкой все гладко идет; встретились — полюбили, комнату дадут — поженимся… Мы с ним даже и не поссорились ни разу! — презирая себя за такую неинтересную любовь, призналась Катя. — Остаться?

Катя с готовностью отстегнула верхнюю пуговицу пальто.

— Иди, иди, без счастливых обойдемся! — неподкупно сказала Тося, не разрешая Кате-самозванке примазаться к ним и на даровщинку попользоваться их высокой печалью.

За окном Сашка призывно заиграл на гармони. Катя виновато потупилась, застегнула пуговицу и тихонько выскользнула из комнаты, стыдясь прочного своего счастья.

Тося по-старушечьи покачала головой.

— Как нитка за иголкой! — осудила она Катину покорность. — Вот она, женская судьба… Подумать только, как эти ироды над нами измываются! А ведь сами виноваты, сами!.. Вот мы вчера по истории проходили: было, оказывается, такое времечко, когда женщины всем на свете командовали. Всем-всем! Оч-чень правильное

было время, я только названье позабыла… Вот дырявая башка!

Тося в сердцах шлепнула себя по голове.

— Матриархат, что ли? — подсказала Вера.

— Ты тоже знаешь? — удивилась Тося и хищно сжала руку в кулак. — Вот где они у нас сидели, голубчики! Так нет, пожалели их древние бабы, выпустили… — Великое разочарование прозвучало в Тосином голосе. — Если б сейчас… этот самый матриархат бы, уж я бы кой над кем досыта поиздевалась!

Сначала Вера рассеянно слушала Тосину болтовню. А потом нелепые исторические изыскания Тоси как-то незаметно отвлекли Веру от мрачных ее мыслей, и она невольно посветлела лицом. Все дело было, видимо, в том, что никак нельзя было долго слушать Тосю и предаваться печали: одно исключало другое…

— Любовь, — горько сказала Тося. — Сколько про нее нагородили!.. Я когда маленькая была, все думала: слаще меда эта любовь, а она — горче горчицы!

— Рано еще тебе так говорить, — остановила ее Вера.

— А оно всегда так: сначала все рано и рано, а потом уж и поздно, а в самый раз никогда не

бывает…

— А ты поумнела! — снова удивилась Вера. Тося отмахнулась от такого поклепа.

— Значит, и ты разочаровалась в любви? — с проснувшимся любопытством спросила Вера.

— Угу… разочаровалась! — охотно согласилась Тося в глубине души по-детски гордясь тем, что ее чувства можно обозначить таким солидным книжным словом.

— И Пушкину больше не веришь?

Тося смутилась:

— Что ж Пушкин? Он еще в каком веке жил! А теперь…

Она безнадежно махнула рукой.

— Выходит, переметнулась ты на Анфисину сторону, — осудила Вера.

Сравнение с непутевой Анфисой озадачило Тосю.

— Анфиска вообще… — Тося начертала в воздухе крест, зачеркивая всякую любовь на всем белом свете. — А я… Может, где и есть любовь… — Она дважды взмахнула вытянутой до предела рукой, показывая на далекие загоризонтные края. — А у нас в поселке нету, за это я ручаюсь!

Тося клятвенно ударила себя кулаком в грудь и поведала самую свежую свою тайну:

— Знаешь, я вообще решила не жениться… это самое, замуж не выходить. А ну их! Будем с тобой дружить — и проживем за милую душу. Вот увидишь! И кто это выдумал, что обязательно надо кого-то любить? Чего, в сам-деле! Это все одно воображенье!.. На жизнь себе я всегда заработаю, а то попадется какой-нибудь пропойца — мучайся потом с ним! Одной спокойней, правда, мама-Вера? Хочу халву ем, хочу пряники!

Она живо вскочила с койки, достала из своей тумбочки кулек с одним-единственным мятным пряником, разломила его пополам, одну половинку сунула Вере, а другую принялась жевать сама.

— Я мятные уважаю, можно потом зубы не чистить, — поделилась Тося давним своим открытием.

Сказала она это так же горячо и серьезно, как прежде говорила о любви и матриархате. И впервые за все время их беседы Вера улыбнулась — дивясь Тосе и против воли любуясь ею. Она вдруг подумала, что ей труднее было бы жить на свете и переносить застарелую свою боль, если б рядом не было вот этой безалаберной девчонки. Раньше, до встречи с Тосей, Вера уважала людей умных и образованных и даже мужа своего в общем-то полюбила за то, что он был очень веж-

ливым и знал много иностранных слов. И теперь она не совсем понимала, почему так привязалась к Тосе. Глупой ее, конечно, назвать нельзя, но и умом особенным Тося не блещет. Скорей она умна не так головой, как своим сердцем…

— Ты чего это? — заподозрив неладное, придирчиво спросила Тося, и Вера снова подивилась тому, что Тося так хорошо чувствует ее.

— Как там… Илья поживает?

Тося поперхнулась пряником.

— Что ж Илья? Он сам по себе, а я сама по себе. Разошлись, как в море пароходы… Я думала, он страдать будет, убиваться, — разочарованно сказала Тося. — А он даже и не смотрит на меня. Вот пень! Школу забросил, обедать и то не ходит. Похудел весь, одни глазюки остались… — Тося жалостливо вздохнула и добавила с внезапно заклокотавшей в ней яростью: — Все насолить мне хочет: ты, мол, повариха, так вот, на тебе, назло похудею, пусть тебе стыдно будет… Я его, ирода, насквозь вижу!

— Ох и молодая ты еще! — позавидовала Вера.

— Да уж не старуха… И еще взял моду, как воскресенье — так в город правится. Метель, пурга, все ему нипочем. Это он тоже назло мне: вроде скучно ему здесь!.. Может, и завел там симпатию,

мне-то что? Думает, я тут все глаза по нем выплачу, дудки! Без него тут легче дышится, воздух чище… Жена механика в ювелирном магазине его видела. Другой бы свой позор переживал, а этот на золотые цацки глаза пялит. Вот человек!

— Тебе никак не угодишь, — сказала Вера, глядя на взбудораженную Тосю. — Приходил извиняться — прогнала…

Тося важно наклонила голову, подтверждая, что такой факт имел место.

— …Оставил тебя в покое — ты опять недовольна! Ну чего ты от него хочешь?

— А я почем знаю? Не надо было спорить!

— Теперь уж поздно…

— Нет, не поздно! — заупрямилась Тося. — Я ему до самой смерти этого не прощу. Что я ему… табуретка?

Тося пнула ногой табуретку Ксан Ксаныча.

— Эх, Кислица ты, Кислица! — по-матерински ласково сказала Вера. — Совсем ты запуталась.

— Есть маленько… — призналась Тося, привычно показала кончик пальца и подытожила затянувшийся их разговор: — Значит, договорились?

— Ты о чем это? — не поняла Вера.

— Здравствуй, Марья, где твой Яков! — изуми-

лась Тося. — Я же тебя целый час агитирую, чтобы ты ирода своего не прощала!

— А я и не заметила, — насмешливо сказала Вера.

— Выкинь ты его из головы, вот как я Илюху вытурила!.. А письмо еще придет — давай так сделаем: ты сама не читай, а я, так и быть, прочту и перескажу тебе своими словами. Надо же узнать, чего он там пишет. А то все в печку и в печку — так тоже нельзя: каждый человек у нас… это самое, имеет право на переписку! — убежденно заявила Тося, по-своему трактуя статью Конституции. — Ну, договорились? Союз?

Тося протянула руку ладонью кверху. Вере захотелось приголубить забавную девчонку, чуть ли не с пеленок убежденную в том, что коллективно можно одолеть любую беду. Но она побоялась обидеть строгую свою наставницу и лишь пожала ей руку — серьезно и немного даже торжественно, как и подобает при заключении оборонительно-наступательного союза.

— Теперь я за нас спокойная… Ну, ироды, берегись! — вызвала врагов на бой Тося и нырнула головой под руку Веры.

Обнявшись, они сидели на койке и покачивались в такт песне, которую пели на улице. В

окно было видно, как с сосулек все чаще срывались капли и вспыхивали на солнце. Стараясь не потревожить Тосю, Вера за ее спиной украдкой глянула на печку. Дрова в топке осели, и пепел от письма рассыпался.

НА СТАРОЙ ЛЫЖНЕ

В это же воскресенье Дементьев стал утром на лыжи и пошел посмотреть дальний массив леса, куда вскоре намечено было переносить лесоразработки. Нетронутый массив оказался богат вековыми соснами. Они стояли гонкие[12], ладные, одна к одной, и не подозревали, что дни их уже сочтены. Дементьев поймал себя на мысли, что он одновременно и живыми соснами любуется и как бы видит их уже в штабелях на нижнем складе. И одно не мешало другому. «Инженерное восприятие природы», — решил он, начерно прикинул, где тут лучше разместить погрузочную площадку, и повернул назад в поселок.

Было еще рано, и Дементьев раздумал идти домой, в холостяцкую свою конуру. Он снова успел уже запустить комнату похлестче прежнего — может быть, назло Анфисе, которая так некстати навела в ней однажды порядок. В такой берлоге можно только спать, писать докладные вышестоящему начальству и еще, пожалуй, пить водку. Ничего этого Дементьеву сейчас не хотелось, а

---

[12] Примечания: 12
Гонкий — прямой, высокий (о деревьях, лесе).

сидеть в комнате просто так и делать вид, что ты живешь правильно, не хуже других, ему давно уже надоело.

Он бесцельно побрел по лесу — куда глаза глядят. Лыжи вывели его к реке выше поселка. Дементьев пересек реку по льду, и на другом берегу шаг его сам собой стал четче, а лыжня позади прямее. Кажется, он знал уже, куда идет, хотя и не признавался еще себе в этом. Продираясь сквозь мелколесье, он забирал все левее и левее, пока не вышел к той пади, о которой Анфиса говорила когда-то, что поселковые хозяйки ведрами таскают оттуда рыжики.

Его тянули к себе те места, где он когда-то был счастлив. Припомнилась вычитанная в студенческие годы книжная мудрость, утверждающая, что такое бывает с людьми лишь в преклонных летах, когда хочется оглянуться на всю свою прожитую жизнь. «Значит, старею…» — машинально подумал Дементьев.

Где-то здесь они проходили тогда с Анфисой… Дементьев осмотрелся вокруг и увидел у себя под ногами старую лыжню, еле заметную под толщей выпавшего позже снега. Он уверился вдруг, что это Анфисин след, чудом уцелевший со времени первой их лыжной прогулки. За три месяца, ми-

нувших с тех пор, навалило много снегу, но под пологом леса Анфисин след мог и сохраниться. Он сам шел тогда по открытому косогору, и его след замело, а Анфисин вот остался.

Ведь бывают же чудеса — даже в наш вдоль и поперек расчерченный век? Редко, но бывают. В конце концов, Дементьев просил у судьбы не такого уж сногсшибательного волшебства, затрагивающего основы мироздания, а всего лишь незначительного чуда местного значения.

Он пошел рядом с запорошенной лыжней, не решаясь ступить на нее, словно боялся топтать прежнее свое счастье. След частенько нырял в сугробы и надолго пропадал там, но каждый раз снова выходил на поверхность и четко обозначался на твердом насте. Он как бы боролся с забвением и все время силился о чем-то напомнить Дементьеву.

Поравнявшись с тем памятным ему местом, где Анфиса когда-то знакомила его с круговым эхом, Дементьев негромко крикнул. Эхо незамедлительно ответило ему.

Все эти месяцы оно тихо-мирно жило здесь, притаившись в лесной чащобе. Дементьев подумал благодарно: что бы ни стряслось с ним в жизни, а круговое Анфисино эхо всегда будет

здесь, пока растет тут лес; до самой неблизкой своей старости он может приходить сюда и окликать это доброе эхо. Приятно было убедиться, что есть еще на свете неизменные, прочные вещи, не подвластные сплетням, пересудам и прочим бедам, которыми люди портят себе жизнь.

Свежий лыжный след пересек старую лыжню, убежал было вперед, но тут же вернулся и зазмеился рядом с ней, добросовестно повторяя все ее изгибы и повороты. Дементьев горячо пожалел, что не обучен читать следы, как знаменитые следопыты из Петькиных книжек. Кто прошел здесь, когда? Почему-то он был все-таки уверен, что неизвестный лыжник прошел здесь сегодня и совсем незадолго перед ним. Вот только непонятно было, почему незнакомец тоже не решился стать на старую лыжню, не захотел топтать чужой след. У Дементьева была своя догадка и на этот счет, но он гнал ее от себя, не решаясь поверить такому совпадению.

Дементьев и не заметил, как прибавил ходу. Он скользил все быстрей и быстрей и не очень-то удивился, когда с пригорка увидел вдруг впереди Анфису, медленно бредущую на лыжах по опушке леса. Кажется, и ее манили к себе эти счастливые для них обоих места.

Он догнал Анфису и пошел рядом. Старая лыжня не переходимой границей легла между ними. Было в ней и напоминание о былом их счастье, и память о том, что разлучило их.

Они долго шли молча. Слышался только свист лыж, сухой перестук палок да изредка глухой ватный хлопок, когда ком снега падал с веток в сугроб. Снег на деревьях обмяк, слежался и, срываясь, уже не пылил в воздухе, как во время первой их лыжной прогулки.

Дементьев сбоку жадно смотрел на Анфису истосковавшимися по ней глазами. Она была совсем не такой, как он представлял себе все это время. Все черты ее лица остались прежними, но эти знакомые и дорогие Дементьеву черты складывались теперь как-то по-новому и делали Анфису проще и строже, чем он ее помнил. Ему показалось, что она не такая уж красивая, — и это последнее открытие больше всего порадовало его: в глубине души Дементьев с самого первого дня их знакомства, когда Анфиса назвалась актрисой, побаивался, что он со своей заурядной внешностью совсем ей не пара.

Даже любуясь ею, Дементьев ни на секунду не забывал о том, что разлучило их. Но странное дело, вся эта грязь почему-то не пачкала Анфи-

су, а существовала как-то сама по себе. Все, что сказал тогда Мерзлявый, было не с этой Анфисой, которую Дементьев все еще любил — и любил даже сильней, чем прежде, — а с какой-то другой, незнакомой и совсем не нужной ему.

Он не знал, как объяснить всю эту несуразицу. Или так всегда бывает с красивыми женщинами и красота всегда права — даже тогда, когда совершает недостойное и пачкает себя? Или просто он так любил Анфису, что любовь его невольно очищала ее от всякой грязи и видела лишь такой, какой хотела видеть? Или, наконец, все то, что разлучило их, было неизмеримо мельче, чем ему сгоряча показалось, и не стоило той боли, которую он пережил?

Анфиса все круче отворачивалась от него и все ниже опускала голову. Дементьев спохватился вдруг, что обижает ее молчаливым своим, как бы приценивающимся разглядываньем. И как он мог забыть: ведь ей сейчас гораздо хуже, чем ему.

— А наст хороший сегодня, правда? — поспешно спросил он первое, что взбрело ему в голову, и сам подивился той неуместной беспечности, которая прозвучала в его голосе.

Анфиса сразу остановилась, будто ее ударили, воткнула лыжные палки в сугроб перед собой.

— Вы бы еще про погоду, Вадим Петрович, — угрюмо сказала она.

И Дементьев остановился, воткнул свои палки в снег рядом с Анфисиными. Они стояли, кажется, на той же горушке, где во время первой их прогулки он приглашал Анфису полюбоваться красотой заснеженного леса. Дементьев решительно шагнул к Анфисе, сминая лыжами старый запретный след, и обеими руками бережно взял Анфисину руку в пестрой варежке. И шарфик у нее был такой же пестрый, под цвет варежек: наверно, еще задолго до их размолвки она любовно подобрала все эти наряды. Это давнее ее щегольство, не нужное теперь ни ей, ни ему, показалось вдруг Дементьеву неожиданно милым, беззащитным, почти детским.

— Все эти дни, Анфиса, я только о вас и думал, — сказал он и крепче сдавил ее руку, испугавшись вдруг, что она не дослушает его и убежит. — Я и ругал вас и проклинал, чего скрывать? Все так неожиданно на меня свалилось. Я ведь тоже человек — с ревностью и прочей ерундой… Только человек — в этом иногда обидно убедиться! Простите меня за все мои подлые мысли, за то, что я так легко отпустил вас тогда.

— Я вас ни в чем не виню… — Анфиса стара-

тельно смотрела на ближнюю сосну и не видела ее. — Ни в чем, — повторила она потвердевшим голосом.

— И напрасно! — в порыве самобичевания выпалил Дементьев. — Я старше вас и просто обязан был думать за нас обоих, а не предаваться глупой ревности. Тоже мне, Отелло из лесопункта!.. Если толком разобраться, вы же передо мной ни в чем не виноваты. Ведь все это… — Он покрутил в воздухе рукой и сразу же отдернул ее, боясь обидеть Анфису презрительным своим жестом. — Все это еще тогда было, когда вы обо мне и слыхом не слыхали. Ведь так?

— Так… — с проснувшейся надеждой в голосе ответила Анфиса и впервые открыто посмотрела на Дементьева.

И откуда он взял, что Анфиса подурнела? Вся ее красота была при ней, никуда она не делась, вот только стала взрослее, строже, не так слепила глаза, как прежде. Она как бы обратилась внутрь Анфисы, растворилась в ней и осветила ее новым светом.

— Вот видите! — живо воскликнул Дементьев, будто всеми логическими и хитроумными построениями он не себя хотел убедить, а Анфису. — Мне бы, дураку, пораньше сюда приехать — и

ничего не было бы… Так нет, образования ему высшего захотелось! — со злостью обругал он себя.

— Хороший вы… — глухо сказала Анфиса и отвернулась к спасительной своей сосне.

— Как хотите, Анфиса, а я все-таки верю, что нет таких положений, из которых не было бы выхода. И мы с вами найдем свой выход! Ведь найдем?

— Не спешите, чтоб потом не жалеть.

— Давайте у эха спросим? — азартно предложил Дементьев. — Лес врать не будет!

— Не надо, не надо! — боязливо сказала Анфиса, вырвала руку и шагнула к спуску в лощину. На миг она замерла на вершине спуска, с силой оттолкнулась палками и скользнула вниз. Дементьев стал на ее место и залюбовался Анфисой. Она стремительно летела по крутому склону, конец ее пестрого шарфика призывно трепетал на ветру.

Солнце стояло за спиной Дементьева, и длинные тени деревьев далеко вытянулись по безлесному склону. Анфиса с лету пересекла четкую границу тени и света и вырвалась на лощину. И сразу пустая скучная лощина, залитая ярким мартовским солнцем, обрела в глазах Дементьева какой-то новый и самый главный свой смысл, будто она тысячи лет прозябала здесь в безвестно-

сти для того лишь, чтобы принять сейчас Анфису и покорно лечь у ее ног.

Дементьев испугался вдруг, что Анфиса умчится от него, а он так и не успеет сказать ей главного, без чего дальше ему не жить. Единственно правильное решение это пришло только сейчас, когда он любовался летящей по склону Анфисой, но исподволь зрело в нем уже давно. Он ухнул вниз и догнал Анфису в конце поляны, у нового теневого рубежа.

— Анфиса, я уже все обдумал! — запыхавшись, сказал Дементьев и решительно сбил шапку на затылок. — Уедем отсюда, чтобы ничто не напоминало… За Урал махнем, а? Чем дальше, тем лучше! Поженимся здесь, пусть все сплетники заткнутся, и уедем мужем и женой. На новом месте ни одна душа ничего знать не будет. А я вас никогда ни в чем не упрекну. Обещаю, Анфиса: ни-ко-гда!

Анфиса машинально теребила шарфик у горла. Кажется, она хотела, но никак не могла поверить, что сбываются тайные ее мечты. Глазам Дементьева вдруг больно стало смотреть на нее — благодарную, оттаивающую от того холода, который сковал ее. Он отвернулся, поднял литую еловую шишку и спрятал в карман.

— Петька коллекцию собирает, — пояснил он.

В глазах Анфисы мелькнул непонятный ему испуг. Она придвинулась к Дементьеву, несмело прильнула к нему, словно искала защиты от себя самой.

— Хороший мой, вам другую бы полюбить…

Анфиса закрыла глаза, потерлась щекой о его щеку и тут же отпрянула от Дементьева, зябко вздрогнула, будто ей холодно вдруг стало под высоким лучистым солнцем.

НАДЯ С КСАН КСАНЫЧЕМ РАССТАВЛЯЮТ МЕБЕЛЬ

Предусмотрительный Ксан Ксаныч хотел во всеоружии встретить неблизкий еще день, когда начальство начнет распределять заветную жилплощадь. Темным вечером он уговорил Надю побродить по недостроенному дому и загодя приглядеть себе комнату по душе.

— Все лучше, чем без толку топтать снег на улице, — сказал практичный Ксан Ксаныч.

Они не спеша обошли всю новостройку. В глухой тьме свет электрического фонарика таинственно вспыхивал в одной комнате, пропадал и снова вспыхивал в другой.

На Камчатке вползвука играла гармонь, и время от времени оттуда долетал девичий смех и ломкий настойчивый басок парня. А с нижнего склада у реки доносились бессонные гудки паровозика, раскатистый лязг буферов, стук бревен и возбужденные работой молодые голоса грузчиков.

— Строят, строят, а конца не видать, — рассердился Ксан Ксаныч. — Этак нам, чего доброго, до

самой осени холостяковать!

Луч фонарика в руке Ксан Ксаныча обежал голую клетку комнаты, выхватил из темноты лицо Нади, стоящей рядом с ним в ночном дозоре, кучи строительного мусора на полу, густо припорошенные снегом, залетевшим через незастекленное окно и большую дыру в потолке. Ксан Ксаныч измерил комнату шагами.

— Четырнадцать метров, и окно на юг. Вот если б нам эту комнату дали, Надюша! Очень эта комната располагает меня к семейной жизни.

— Большая… — отозвалась Надя. — Бездетным не дадут.

— А это как рассудить! — запротестовал Ксан Ксаныч. — Нынче бездетный, а завтра совсем наоборот… Ведь так, Надюша?

— Я все забываю спросить… Ксан Ксаныч, ты детей любишь?

— Чужих — не очень, — честно признался Ксан Ксаныч. — А своего парнишку или там девку я полюбил бы… Своя ведь кровинка, Надюша!

С улицы донесся приближающийся сердитый голос Дементьева:

— Строители! За целую неделю крышу не успели накрыть!

Ксан Ксаныч с нашкодившим видом поспешно

погасил фонарик, шагнул в пустой проем двери и потянул за собой Надю. Дементьев с пожилым прорабом подошли к дому и остановились возле приглянувшегося Ксан Ксанычу окна на юг.

— Обижаете вы строителей… — уныло сказал прораб.

Дементьев вспылил:

— Слушайте, вы, обиженный! Если к Первому мая не кончите этот дом, я вам биографию испорчу!

— Биографию? — удивился прораб. — А биография у меня обыкновенная, строительная; сто грамм премий и тонна выговоров.

— На этот раз выговором не отделаетесь. Не сдадите дом к маю — я вас… выгоню к чертовой бабушке! И характеристику такую дам, что строить вам больше не придется. Своей власти не хватит — в райкоме подзайму!

— К Первому мая? — деловито переспросил прораб. — Вадим Петрович, а может, недельку накинете? Видите ли… — попытался он обосновать свою просьбу, — не в традиции тут быстро строить.

— Ни одного дня! Вырабатывайте новую традицию.

— Легко сказать…

Дементьев с прорабом ушли. Ксан Ксаныч выступил на середину комнаты, с молодым задором пнул ногой кучу мусора и спросил повеселевшим голосом:

— Слыхала, Надюша? Скоро заживем с тобой не хуже людей! Вадим Петрович хоть и молодой, а слов на ветер не бросает. — Зыбким лучом фонарика он обежал комнату вдоль и поперек и сказал так уверенно, будто ордер на эти заманчивые четырнадцать квадратных метров лежал уже у него в кармане: — Кровать мы поставим в тот угол, а шкаф вот сюда. Просторней так будет в комнате… Пойдем, Надюша, а то, не ровен час, увидят нас тут, могут нехорошее подумать. Знаешь, какие бывают люди?

Ксан Ксаныч помог Наде вылезть на улицу через незастекленное окно и сам вылез вслед за ней. Но уйти так быстро от дома, где вскоре начнется его долгожданная семейная жизнь, Ксан Ксаныч был просто не в состоянии. Он замешкался у окна и направил луч фонарика в глубь комнаты.

— Стол, Надюша, лучше к окну придвинуть: будем летом чай пить и на улицу смотреть — вроде кино!

— А может, посредине? — предложила Надя, заражаясь уверенностью Ксан Ксаныча. — А то

как-то голо будет в комнате.

— Можно и посредине, — покладисто согласился добрый Ксан Ксаныч. — Мы еще подумаем, Надюша, не завтра ведь переезжать…

Парень на Камчатке громко сказал:

— Не было ее тут, Вадим Петрович.

Дементьев, чем-то расстроенный, поравнялся с Ксан Ксанычем и Надей.

— Добрый вечер… Надя, вы Анфису не видели?

— На дежурстве она, должно быть.

— Нету ее там… И где она от меня прячется?.. Извините.

Дементьев ушел. Ксан Ксаныч осуждающе посмотрел ему в спину:

— И чего он за Анфиской бегает? Подмочит она ему репутацию.

— Да не в репутации тут дело! — с досадой сказала Надя. — Любит он ее…

— Любовь, она, конечно… — виновато пробормотал Ксан Ксаныч, снова зажег фонарик, заглянул в окно и озабоченно покачал головой: — А потолок все-таки низковат!

Надя шагнула вдруг к своему жениху, горячо и неумело обхватила его шею руками и поцеловала.

— Бог с ним, с потолком, Ксан Ксаныч! И чего

мы ждем? Давай поскорей поженимся, а то я чего-то бояться стала… Прямо завтра и поедем в загс, а, Ксан Ксаныч?

Как всегда в минуты волнения, Ксан Ксаныч затоптался на одном месте.

— Ну что это за семейная жизнь у нас будет? Ты в одном общежитии, я в другом… Потерпим еще, Надюша, больше терпели. Теперь уж недолго осталось: сама слышала, что Вадим Петрович говорил.

— Ну смотри, Ксан Ксаныч, смотри…

АНФИСА ПЛАТИТ СПОЛНА

Лихорадочно спеша, Анфиса бросала платья в раскрытый чемодан. Тося безмятежно спала на своей койке среди вороха раскиданных учебников, свернувшись калачиком и заслонившись от яркой лампочки надежной хрестоматией по литературе. Задетое рукой Анфисы, парадное зеркало с грохотом упало с тумбочки и разбилось. Тося села на койке, протерла глаза.

— Девочки, какой я сон видела-а!.. Анфиса, ты чего?

— Отстань!

— Зря ты в другую комнату перебираешься… У нас лучше! — убежденно сказала Тося.

Анфиса сорвала наволочку с подушки, скомкала ее и кинула в чемодан.

— Да ты, никак, совсем уезжаешь! — догадалась вдруг Тося. Мягко ступая по полу ногами в чулках, она подошла к Анфисе, робко дотронулась до ее локтя. — Не уезжай, слышь?

— Пусти… В каждую дырку затычка!

— Это все из-за меня, да? — со страхом спросила Тося и зажмурилась. — Если уж так сильно Илью

любишь, что не жить тебе без него, лучше я уеду, хочешь?

Анфиса удивленно посмотрела на Тосю, будто впервые ее увидела.

— Вот ты какая… — Она вдруг позавидовала зеленой Тосиной молодости. — Ох и глупая ты еще! Не нужен мне твой Илья, владей им на здоровье.

Тося облегченно перевела дух. Анфиса смахнула с тумбочки в чемодан всю свою парфюмерию, протянула Тосе маленький флакончик:

— На, твой любимый… с царапиной!

Тося покорно взяла флакончик, машинально понюхала. Анфиса захлопнула крышку чемодана, щелкнула замком.

— А Вадим Петрович? — ужаснулась Тося. — Если б меня так любили, я бы ни за что не уехала! Разве можно так?

— Добрая ты, Тоська! И он меня любит, и я его больше жизни, а вот…

Анфиса пнула ногой чемодан.

— Но почему, Анфиска? Говорят, он тебе, это самое, все простил?

— Эх, Тоська!

Анфиса бессильно опустилась на развороченную свою кровать. Тося подсела к ней.

— Через гульбу мою он перешагнул, а я ему

новый гостинец приготовила…

— И охота тебе? — пристыдила Тося. — Терпеть не могу, когда люди на себя наговаривают!

Анфиса устало покачала головой:

— Никто не знает, тебе первой откроюсь… В общем, доигралась я: не будет у меня детей. Хоть сто лет проживу — не будет! В прошлом году аборт делала у одной знахарки, и вроде все хорошо обошлось, а вот надо же… Выходит, и не женщина я уже, а так, пустая оболочка… Все одно к одному ложится, здорово кто-то планирует!

Тося с ужасом смотрела на Анфису.

— Что, страшно? — Анфиса горько усмехнулась и запоздало спросила: — И чего мы с тобой все ругались?

Она потрепала Тосю по плечу. Было сейчас в ее отношении к Тосе что-то очень взрослое, ласковое, почти материнское.

— В общем, обманула меня жизнь, Тоська: сначала простой прикинулась, а теперь вот так обернулась… Я, дура, все думала: врут люди про настоящую любовь, сказочку красивую сочинили, чтоб скотство свое прикрыть. А теперь вижу: есть она, есть! Другим — в радость, а для меня — мука горькая… Знаю, смешно это и против науки, а в последние дни мне все мерещится: измыва-

лась я над любовью — вот она и подкараулила меня, за все прежние штуки мои отомстила… Если б мне кто раньше сказал, что я Вадим Петровича встречу, — я бы совсем по-другому жила, его дожидалась… Нет, не сказали!

— А если… это самое, без детей? — тихо спросила Тося. — Ведь живут же люди?

— Не понять тебе, Тоська, молодая ты еще… Сгоряча он, может, и согласится, а потом, знаю, жалеть будет. Ведь он, как назло, детей любит, прямо души в них не чает. Даже странно: такой молодой — и так сильно любит их. У него это с потомками как-то там связано. Все против меня, и потомки даже!.. Нет, видно, не судьба нам. Не хватало еще, чтоб я и его жизнь заела… Уж лучше бы совсем его не встречала: так и жила бы как заведенная. А то показали мне кусочек настоящей жизни, поманили — и тут же цыкнули: куда прешь, такая-сякая!..

Анфиса ткнулась лицом в Тосины колени. Злые мелкие слезы бежали по ее щекам. Тося в одной руке забыто вертела дареный флакончик, а другой тихонько гладила красивые Анфисины волосы. Нечего было ей сказать Анфисе, нечем ее утешить. Тося вдруг припомнила, как еще совсем недавно ненавидела Анфису и боялась ее, и

подивилась, до чего же она была слепая. Анфиса рывком вскинула голову:

— А все красота моя, будь она проклята! Еще девчонкой была, в школу бегала, а мужики липли уже. Пойми, я себя не оправдываю, но и они ведь… А теперь все в стороне остались, одна я в ответе. Это как, справедливо?..

Приближающийся железный гром заглушил голос Анфисы. Стекла в окнах забились в испуганной дрожи. По улице мимо общежития тяжело прогрохотал трактор — спокойный, работящий, уверенный в своем праве глушить жалкую исповедь Анфисы.

Анфиса встала, вытерла кулаком слезы, потуже затянула платок на голове.

— Нагнала я на тебя тоску… А в общем, все идет правильно: за ошибки свои надо платить сполна. На этом мир держится.

Она взяла чемодан, пошла к двери. На пороге остановилась:

— А Илья тебя любит, верь. Меня он никогда так не любил. Если дорог он тебе, не мучь ты его понапрасну… Ну, бывай, Тоська. Желаю тебе…

Анфиса чемоданом распахнула дверь и вышла. Тося отбросила флакон, запрыгала на одной ноге, натягивая резиновые сапожки, и выбежала вслед

за ней.

Непогожий мартовский вечер встретил Тосю на крыльце, Анфиса на миг мелькнула в свете дальнего фонаря и пропала во тьме. Тося обогнала прогуливающихся возле недостроенного дома Ксан Ксаныча с Надей и помчалась к конторе.

Она вихрем ворвалась в тихую ночную контору, миновала слепое окошко кассы, взлетела по ступенькам на второй этаж, подергала дверную ручку запертого кабинета Дементьева, прогрохотала вниз по ступенькам, упала, чертыхнулась и рванула на себя дверь коммутатора. Девица с серьгами, позевывая, дежурила у телефона.

— Вадим Петрович где?

— Дома, наверно… А что, крушение?

— Хуже! Анфиса… — начала было объяснять Тося, нетерпеливо махнула рукой и выскочила из коммутатора.

Она подбежала к дому Дементьева, забарабанила в окно, не жалея стекол.

— Кто там? — спросил Дементьев, высовываясь в форточку.

— Скорей! Чего вы спите? Анфиса…

Хлопнула дверь — Дементьев вырос на крыльце, на ходу напяливая пальто.

— Анфиса убежала!

— Как убежала? — опешил Дементьев.

— Ну, чего вы стоите? Догоняйте, если любите!

Дементьев ринулся к перекрестку дороги, где все уезжающие из поселка дожидались попутных машин. Тося еле поспевала за ним.

— Верните ее, Вадим Петрович… Вы же начальник! И любит она вас… Больше жизни, сама говорила!

Тося остановилась, запыхавшись, перевела дух и крикнула вдогонку Дементьеву:

— Без Анфисы не возвращайтесь! Силу… это самое, примените. Силу!

На перекрестке дороги Анфисы уже не было. Сырой мартовский ветер раскачивал деревья и гудел в дорожной просеке, как в трубе. Нетерпеливо вглядываясь в ночную тьму, Дементьев прождал долгих полчаса. Машины все шли со стороны железной дороги, а к станции — ни одной. Наконец показался попутный грузовик. Дементьев вскинул руку, но грузовик промчался мимо, обдав его ошметками мокрого снега и гремя пустым разболтанным кузовом.

Это было так неожиданно, так нелепо, что Дементьев не поверил своим глазам. Сгоряча ему почудилась какая-то промашка во всей жизни, какой-то существенный просчет — на меньшее

Дементьев сейчас не мог согласиться. Поступку шофера нельзя было подыскать никакого оправдания, а беспричинная жестокость всегда почему-то угнетающе действовала на Дементьева. Все дело было, видимо, в том, что она унижала в нем человека.

Дементьев не мог больше ждать, надеясь лишь на слепой случай, бегом вернулся в поселок и поднял с постели заведующего гаражом. Тот долго не понимал, зачем технору среди ночи понадобился разъездной «газик».

— Личное дело, личное! — твердил Дементьев. — За бензин я заплачу!

Он помчался на станцию в неказистом «газике». Все таки хорошо, что в институте он увлекался автоделом и научился водить машину. После всех сегодняшних невзгод это была первая удача, и Дементьев увидел в ней счастливое предзнаменование.

Всю дорогу до станции Дементьев просил у судьбы лишь одного: чтобы Анфиса не уехала прежде, чем он увидит ее. Он был убежден, что после того, как они встретятся, Анфиса уже не сможет уехать. Ведь стоит лишь им взглянуть друг на друга, и Анфиса сразу поймет, как нужна ему, — и тут же сама собой сгинет та непонят-

ная причина, которая заставила ее бежать из поселка.

Как и предупреждал заведующий гаражом, в дороге сдал правый задний баллон, и Дементьеву пришлось менять его. Потом он застрял в снежном месиве, объезжая вагончик передвижной электростанции, брошенный кем-то посреди дороги. И напоследок, уже на окраине города, «газик» долго держали у закрытого переезда через железную дорогу.

На запасных путях топтался и пыхтел маневровый паровоз, у будки стрелочника скулил щенок, за переездом в маленьком доме с большой вывеской беспечно горланило радио. После недавней бешеной езды и тряски у Дементьева было сейчас такое чувство, будто на крутом развороте он выпал вдруг из жизни: нетерпеливое желание догнать Анфису умчалось вперед, а его с «газиком» как бы выбросило на какой-то немыслимый остров, где время навсегда остановилось.

За полосатым шлагбаумом мокро блестели рельсы. По сравнению с лесовозной узкоколейкой, к которой успел привыкнуть Дементьев, здешний железнодорожный путь казался неправдоподобно широким. Дементьев ждал, когда откроют шлагбаум, а проснувшийся в нем инже-

нер совсем уж ненужно припомнил вдруг, что наша отечественная колея на восемьдесят девять миллиметров шире западноевропейской. Он злился на себя, что в такую минуту думает о всякой ерунде, но ничего не мог с собой поделать.

На привокзальной площади Дементьев выскочил из «газика», густо заляпанного грязным снегом, вбежал в зал ожидания и лицом к лицу столкнулся с Анфисой, отходящей от кассы с билетом в руке.

— Анфиса! — крикнул он и схватил ее за руку.

На ней были пестрые варежки — те самые, что запали ему в душу во время последней их лыжной прогулки. И шарфик был тот же. Дементьев уверился вдруг, что все у них будет хорошо.

— Что случилось? — шепотом спросил он. — Мы же обо всем договорились…

Они стояли в проходе. Снующие взад и вперед пассажиры толкали их, заглядывали в лица, прислушивались к словам Дементьева. Мужчины, как водится, добросовестно пялили на Анфису глаза, а молодые женщины старательно обегали взглядами то место, где она стояла. Казалось, они даже и не подозревали о ее присутствии, вот только вид у них почему-то был уязвленный и такой кислострадающий, какой бывает у женщин,

когда нещадно жмет обувь.

Красота Анфисы впервые не порадовала Дементьева, показалась ему на этот раз тяжким крестом, нести который через всю жизнь суждено не только ей самой, но и тому, кто ее полюбит. Ему вдруг захотелось, чтобы Анфиса была не такой красивой, чтобы она стала как все и с ней можно было спокойно появляться в самом многолюдном месте.

Шагах в трех от них прочно обосновался какой-то верзила в помятом пальто и в упор уставился на Анфису. Дементьев с ненавистью покосился на него и заслонил Анфису от липкого взгляда.

— Спокойней, Вадим Петрович, — сказала Анфиса и пошла к выходу на перрон.

Дементьев на ходу отобрал у нее чемодан. Несколько пассажиров потянулись было за ними, думая, что поезд уже прибыл и началась посадка. Анфиса остановилась у заколоченного на зиму киоска «Пиво — воды».

Верзила в помятом пальто опять подошел было к ним, словно его магнитом притягивало. Дементьев со сжатыми кулаками шагнул к нему, и верзила благоразумно удалился, шаркая ногами и оглядываясь через плечо.

— Да бросьте вы этого дурака, — устало сказала

Анфиса.

Дементьев устыдился своего мальчишества и оставил верзилу в покое. Он с тревогой посмотрел на Анфису, не узнавая ее. Кажется, она не очень-то ему обрадовалась! Было в ней сейчас что-то новое, незнакомое, почти враждебное ему, Анфиса как бы уехала от него навсегда, а он заставил ее снова вернуться к тому, с чем она успела уже распрощаться.

— Все-таки что случилось? Я ничего не понимаю… Уж не обидел ли я вас чем-нибудь?

Анфиса покачала головой, избегая встречаться с Дементьевым глазами.

— Ведь мы же договорились: поженимся и уедем вместе. Нет таких положений…

— Не бывать этому, Вадим Петрович. Есть, видно, и такие положения, из которых выхода уже не найти.

— Но почему же, почему?

— Слишком вы для меня хороший, пора и честь знать.

— Глупости вы говорите, глупости! — разозлился Дементьев. — Я люблю вас и никому не отдам!

— А я вас… не люблю, — тихо, но твердо сказала Анфиса, чтоб поскорей окончить весь этот ненужный разговор, который ничего не в силах

был изменить в ее жизни.

— Ка-ак? — опешил Дементьев.

Все доводы, заготовленные им в пути и убедительно, с неопровержимой логикой доказывающие Анфисе, что она не должна, никак не может, просто даже не имеет права уезжать от него, разом вылетели у Дементьева из головы.

— А так: не люблю — и все… Думаете, если вы инженер и… диплом с отличием — так все должны вам на шею кидаться?

— При чем тут диплом? Какую ерунду вы говорите, Анфиса? Я вас не узнаю, мне казалось, что и вы…

— Ах, вам казалось!.. — насмешливо пропела Анфиса, легко входя в привычную для нее роль девчонки-сердцеедки, какой была она до знакомства с Дементьевым. — А я… шутила! Я ведь вообще легкомысленная, сами знаете!

Дементьев пристально смотрел на нее: такой Анфисы он не знал.

— Не верю, вы что-то скрываете от меня… Почему вы глаза прячете?

— Глаза? Пожалуйста! — с готовностью выпалила Анфиса, кляня судьбу за то, что ей приходится не только бежать от своей любви, но еще и оплевывать ее на прощанье.

Не в лад с бойкими своими словами она с трудом подняла голову, глянула на Дементьева сухими запавшими глазами и даже усмехнулась ему в лицо — чтобы самой себе больней было. Вконец сбитый с толку, Дементьев ухватился за последний довод:

— Как же так? А Тося говорила, вы меня любите…

Анфиса фыркнула:

— Тоже мне авторитет! Ничего Тоська в этих делах не понимает. Вы бы еще… Петьку своего спросили!..

К перрону, шипя, подкатил поезд дальнего следования. Негромко звякнул станционный колокол. Из окна мягкого вагона высунулся сонный пассажир в полосатой пижаме, сладко зевнул и спросил с праздным дорожным любопытством:

— Какая станция?

Анфиса с Дементьевым не услышали его. Они молча брели по перрону. Вокруг, не задевая их, своим чередом шла шумная вокзальная жизнь. Сновали носильщики, в хвост поезда промчались здоровенные благополучные лыжники в детских шапочках, проводники ведрами таскали кипяток, отъезжающие прощались с родными и близкими, в буфет рысью бежали легконогие

транзитники с пустыми бутылками в руках.

Неуклюжая бабища, непробиваемо укутанная для мороза градусов в шестьдесят, квочкой распласталась над корзиной с семечками и зазывно горланила, перекрывая весь разноголосый вокзальный шум:

— Кому семечек? Тыквенные, сладкие! С-под Полтавы! Два рубля стакан! Сама бы грызла, да зубов нету! А вот семечки…

Дементьев с Анфисой подошли к вагону. Дважды ударил колокол. Анфиса взяла чемодан, сказала почти весело:

— Ну, Вадим Петрович…

— Анфиса! — отчаянным голосом позвал Дементьев, поверив наконец, что она уезжает.

И Анфиса испугалась вдруг того, что она делает. На миг ей захотелось, чтобы Дементьев удержал ее силой, навязал ей свою волю и не дал уехать. Но она тут же переборола себя и поспешно сунула проводнице билет.

— Вы еще будете счастливы, — быстрым шепотом предсказала Анфиса. — А я свое разменяла… Не поминайте, Вадим Петрович…

Она в последний раз взглянула на Дементьева, запоминая его на всю жизнь и чувствуя, что против воли опрометчиво выдает себя этим взглядом.

Дементьев с проснувшейся вдруг надеждой шагнул к ней. Анфиса рывком повернулась к вагону. С подножки навстречу ей свесился франтоватый морячок.

— К нам в купе давайте, нижняя полка свободная! — бойко пригласил он, беззастенчиво рассматривая Анфису. — Чемоданчик пожалуйте!

Он коснулся чемодана вытянутой рукой. Анфиса рванула к себе чемодан и, надвигаясь на морячка, выпалила с жгучей ненавистью:

— Я тебе пожалую, я т-тебе пожалую!

Морячок испуганно отпрянул, освобождая Анфисе дорогу.

Поезд тронулся. Все ускоряя шаг, Дементьев шел рядом с вагоном Анфисы.

— Напишите!.. Адрес!.. Я приеду!..

Поезд набрал скорость — и Дементьев побежал, чтобы не отстать. Паровоз еще наддал — и мимо Дементьева, обгоняя его, поплыли вагоны, беспечно щелкая колесами. Равнодушные к его горю проводницы стояли на ступеньках, охраняя покой пассажиров.

— Адрес, Анфиса-а!..

Заглох перестук колес. Фонарь на заднем вагоне мигнул в последний раз и косо завалился в

ночную тьму.

Дементьев побрел к вокзалу. Вдогонку ему кричала-заливалась торговка семечками:

— А вот семечки! С-под Полтавы! Тыквенные, калорийные! Три рубля пара, разбирайте остаточек. Кто купит — спасибо скажет, кто мимо пройдет — век жалеть будет!

ТОСЕ ДАРЯТ ЧАСЫ

Тося сидела за столом над распахнутым учебником географии и крепко держалась обеими руками за концы платка, накинутого на волосы. Вера читала, лежа на своей койке. Катя вышивала кисет для Сашки и с любопытством посматривала на притихшую Тосю.

— Да скинь ты платок, — сердобольно посоветовала она. — Жарко ведь!

— Голова болит…

— Где-то теперь наша Анфиска? — вслух подумала Катя.

Тося покосилась на осиротевший Анфисин угол. Голый матрас немым укором распластался на койке; в распахнутой настежь бесхозной тумбочке были видны старая пуховка, начатая банка клюквенного варенья и лежащий плашмя пустой флакон из-под одеколона — все, что осталось от Анфисы.

Буквы запрыгали перед глазами Тоси. Она развернула карту в конце учебника и склонилась над Тихим океаном, который спокойно синел себе на бумаге, знать ничего не зная об Анфисе,

Тосе и всех их горестях.

Опрокинутое ведро загремело в коридоре. В дверь робко постучали. Ленивая Катя вопросительно глянула на Тосю, ожидая, что та, по давней своей привычке, первая откликнется на стук. Но Тося солидно молчала, уставившись в тихоокеанскую синь, и Катя недовольно крикнула:

— Стучи веселей! Не обедал, что ли?

Вошел Илья — такой же торжественный и праздничный, как и в тот вечер, когда приглашал Тосю в кино. Вот только шапка на нем была другая, попроще, да самоуверенности заметно поубавилось.

Тося потуже натянула платок на голове и прижала ладони к ушам, чтобы посторонние люди пустыми своими разговорами не мешали ей заниматься. Глаз от карты она не отрывала, боясь и на секунду оставить Тихий океан без присмотра.

— Девчата, — напряженным голосом попросил Илья, — пошли бы вы погуляли, мне надо с Тосей покалякать.

— Новое дело! — осуждающе сказала Катя и пристально посмотрела на Тосю, ожидая от нее знака, уходить им или не надо.

Тося слегка раздвинула пальцы, прижатые к ушам, и еще ниже склонилась над картой.

Захватив книгу, Вера вышла в коридор, а Катя приостановилась на пороге и громко объявила:

— Тось, мы тут поблизости будем. В случае чего…

Илья нетерпеливо глянул на нее — и Катю точно ветром сдуло.

Тося уткнулась в карту и стала водить по ней пальцем, прокладывая новые океанские маршруты. Илья подошел к столу, постоял, разглядывая платок на Тосиной голове, и осторожно потянул к себе учебник географии. Тося вцепилась в книгу за другой конец и не пускала.

— Порвешь… — прошептала она, всматриваясь в мелкую крупу Океании.

Илья потянул сильнее — и Тося, боясь за сохранность учебного имущества, выпустила книгу. Лишенная спасительного занятия, она медленно подняла голову. Не теряя даром времени, Илья запустил руку в карман, замялся вдруг и попросил:

— Закрой глаза.

— Вот еще!

— Закрой, не бойся.

— Никто тебя тут не боится…

Тося заинтересованно зажмурилась, на всякий случай оборонительно выставив локоть вперед, как учила когда-то опытная Анфиса. Илья живо

вытащил из кармана маленькую коробочку, вынул из нее часики и положил их на Новую Зеландию. Тося открыла глаза:

— Ой, чьи такие малюсенькие?

— Твои… Чтоб вовремя обеды готовила, — пробормотал Илья, смущенно переступая с ноги на ногу.

Он и не подозревал раньше, что не такое это простое дело — дарить часы любимой девчонке!

Тося залюбовалась красивыми часиками. Стекло было толстое, увеличительное — мечты сбывались! Она поднесла часы к уху, послушала. Вся ее непримиримость куда-то запропала. Бесхитростная радость затопила Тосю и хлынула из ее глаз на Илью.

— Тикают!

Повеселевший Илья облегченно вздохнул и вытащил из кармана папиросы. У него сейчас был такой вид, будто он наконец-то перевалил труднейший в своей жизни перевал и вышел на прямую дорогу, ведущую к счастью.

А Тося с былой доверчивостью приспустила с головы платок — и открылась тайна, которую она с таким старанием прятала от девчат: чтобы потягаться красотой с Анфисой, Тося сотворила себе модную прическу и стала непохожа сама на себя.

— Ну как? — с надеждой в голосе спросила она. Илья замялся, не в силах сразу привыкнуть к необычному Тосиному виду.

Тося похвасталась:

— Тридцать четыре с полтиной отвалила!

— По-моему… ничего… — неуверенно выговорил Илья и пальцем нарисовал в воздухе восьмерку.

— Я так и думала: тебе понравится!

Тося надела часы на правую руку и торжественно прошлась по комнате, упиваясь модной своей прической и первым в жизни ценным подарком. Снисходя к Тосиному малолетству, Илья поощрительно заулыбался, а Катя, подсматривающая в замочную скважину, прыснула в коридоре.

— На левую руку надо, — подсказал Илья.

— Я знала, да вот позабыла… — оправдалась Тося в непростительном своем невежестве и стала отстегивать ремешок.

Гулко, как в пустую бочку, закашляла за дверью Катя. Тосина рука испуганно дрогнула и накрыла часики, словно защитить их хотела от надвигающейся опасности.

Чтобы не мешать павлиньему Тосиному параду, Илья отошел в сторонку, присел на разоренную койку Анфисы и закурил. Тень набежала

на лицо Тоси.

— Ты чего это расселся?

— Да брось ты, — миролюбиво сказал Илья и подмигнул Тосе, думая, что она его разыгрывает.

— А ну, встань! — приказала Тося и захлопнула дверцу Анфисиной тумбочки, чтобы не видеть пустого уже флакона.

Илья медленно поднялся. Тося затеребила ремешок на запястье.

— То-ось?! — с отчаяньем в голосе крикнул Илья и, опережая события, отвел свою руку за спину.

— Слишком они… дорогие, — попробовала схитрить Тося, протягивая Илье часы.

— Да для тебя…

— Для тебя, для меня… Не возьму — и точка! — выпалила Тося, отрезая себе все пути назад.

Она злилась сейчас не так на Илью, как на себя — за то, что успела уже всем сердцем привязаться к красивым часикам. «Ох и жадюга ты! — осудила себя Тося. — Показали тебе цацку — ты уже все готова простить…»

Что-то новое росло в ее груди, но Тося и на этот раз переборола несознательную свою женскую природу. Она широко замахнулась, чтобы швырнуть часы на стол, но в последнюю секунду пожалела ни в чем не повинную ценную вещь и

бережно положила часы на раскрытый учебник географии.

— Значит, не возьмешь? — угрожающе спросил Илья.

Тося неподкупно замотала головой, и не глядя на часы, чтобы зря не соблазняться, придвинула их к Илье вместе с учебником.

— Анфиску выжил, теперь ко мне подбираешься?

Илья насупился:

— Что же, она всю жизнь меж нами стоять будет?.. Да и не я тут виноват.

— Все вы теперь невиноватые, а человека загубили… Молчишь? Иди-ка ты, парень!

Тося помахала рукой, выпроваживая Илью из комнаты.

— Ах, та-ак?!

Илья схватил со стола часы, шмякнул их об пол и изо всей силы ударил по ним кованым каблуком сапога. Завороженными глазами Тося смотрела на Илью, не подозревая, что вся его боль, как в зеркале, отражалась на ее лице. Опрокидывая стулья, Илья ринулся к выходу, хлопнул дверью, загремел в коридоре ведром.

Встревоженные девчата вбежали в комнату. Тося сидела на полу и подбирала осколки часов.

Непрошеные слезы текли по ее щекам.

— Он тебя ударил, да? — выпытывала Вера. — Да кто тебя так обкорнал? — изумилась Катя, разглядывая нелепую Тосину прическу.

— Тридцать четыре с полтиной… — прошептала Тося, поднялась с пола, роняя мелкие колесики и стекляшки, и спросила потерянно: — Да что же это такое, девочки? Ведь я его, ирода, полюбила-а!..

Она привалилась к столу, окунула опозоренную модной прической голову в равнодушную синь Тихого океана и заревела в голос.

КСАН КСАНЫЧ ПОЛУЧАЕТ КВАРТИРУ. ТОСЯ НА КАМЧАТКЕ

Апрель хозяйничал в поселке. Он заметно поубавил сугробы, оголил землю на буграх и солнцепеках, по-летнему подсинил небо и приподнял его над поселком. Тропки, стиснутые зимой высоченными сугробами, теперь, когда рыхлый снег вокруг наполовину стаял и осел, выперли наверх и высились грязными насыпными дамбами.

Возбужденный Ксан Ксаныч топтался на крыльце нового дома, врезая замок в наружную дверь. Вид у него был торжественный, счастливый и чуть-чуть виноватый, будто он немного стыдился, что такое большущее счастье привалило наконец к нему.

А вокруг Ксан Ксаныча шумел субботник. Десятка три лесорубов пожертвовали своим воскресным отдыхом и вышли на работу, чтобы наконец-то завершить затянувшуюся постройку многострадального дома, в котором Ксан Ксанычу с Надей обещали комнату. Они настилали полы, навешивали двери, вставляли стекла, тя-

нули электропроводку от ближнего столба. На новостройке кипела дружная, празднично-шумная и малость бестолковая работа, какая бывает, когда за дело берется больше людей, чем надо, и не все из них знают, что и как им делать. Охрипший прораб метался по всему дому, безуспешно пытаясь навести порядок.

И поверх разноголосицы шума и гама, давая тон всему, над стройкой раздавался неторопливый и размеренный стук топора, падающий сверху:

— Бум… Бум… Бум…

Это хмурый и нелюдимый Илья один-одинешенек трудился на крыше, закрывая последний просвет. Филя с Длинномером подносили ему доски.

Тосе и на субботнике досталась почти поварская работа: она разогревала в котле воду, готовила в корыте глиняный раствор, а в свободные минуты помогала Вере сортировать кирпич.

Надя с Катей носили кирпич на носилках. Ксан Ксаныч встретился глазами с Надей и многозначительно показал ей замок — этот наглядный символ их близкой уже семейной жизни. Надя поспешно закивала головой, радуясь, кажется, не так за себя, как за своего жениха, дожившего наконец до счастливого дня.

Больше всего народу набилось в той комнате, которую Ксан Ксаныч когда-то вечером облюбовал себе с Надей. Маленький тракторист Семечкин вместе со своей тихой невестой возились у окна, вставляя стекла. Чуркин с видом заправского печника возводил печь. Подручным у него был комендант, повязавший себе мешок вместо фартука. Чернорабочую силу Чуркин держал в ежовых рукавицах и, помахивая кельмой, строго покрикивал на коменданта:

— На кой ляд вы мне битый кирпич суете? Соображать надо, это вам не тумбочки учитывать!

Катя прыснула. Завидев на улице Дементьева, Чуркин высунул голову в пустую незастекленную фрамугу и привычно крикнул:

— Поднажмем, ребятушки! — Покосился на придирчивую Катю и добавил: — И девчатушки…

— Да не кричите вы, — с досадой остановил его Дементьев. — Люди и так на совесть работают.

— Кашу маслом не испортишь, — убежденно сказал Чуркин.

Тося принесла в ведре глиняный раствор и стала возле коменданта. Она удивлялась, откуда Чуркин знает, какой кирпич куда класть, и все норовила подсунуть мастеру приглянувшуюся ей четвертушку кирпича.

— Вот этот положите, — умоляла она. — А этот когда же? Гляньте, какой симпатичный!

По соображениям высшего порядка, недоступным Тосе, Чуркин терпеливо отводил ее руку и брал совсем другие кирпичи.

— Всему свой черед, — солидно говорил он, чувствуя себя на своем месте и наслаждаясь тем уважением, какое испытывали к нему сегодня все лесорубы и от которого он давненько уже отвык в лесу. — Погуще раствор разводи, это тебе не щи варить!

Тося обиженно вздохнула и поплелась к своему грязному корыту.

А Илья на верхотуре без передышки стучал топором. Он так старался заколотить все гвозди, которые выпускала наша железная промышленность, что Тося даже усомнилась: клялся он когда-нибудь в любви или это только приснилось ей в те далекие и счастливые времена, когда она еще ничего не знала о споре, всему на свете верила и, чтобы увидеть Илью во сне, колесом вертела по ночам подушку?

К Дементьеву подбежал запыхавшийся прораб.

— Вадиму Петровичу, — хрипло сказал он, пожимая руку.

— Ну как, успеете теперь к маю?

— Кто ж знал, что столько народу откликнется? — удивился прораб. — Не удавались у нас прежде такие мероприятия. Помаленьку растут люди: коммунистическая форма труда и все такое прочее... — Он заметил непорядок в дальнем конце дома и сорвался с места. — Куда ты, куда? Эта дверь с другого подъезда. И кто эти субботники выдумал!..

Нагружая очередные носилки кирпичом, Катя глянула на верхушку телеграфного столба, где с монтерскими кошками на ногах висел Сашка, подключая электропроводку к новому дому.

— Смотри не сорвись! — боязливо крикнула Катя.

И Тося машинально покосилась на Илью. Он уже закрыл последний просвет в крыше и начал зашивать досками фронтон дома. Нашел себе работенку! Ему и горюшка мало, что топор его стучался прямехонько Тосе в сердце, тревожа ее и заставляя все время думать о нескладной своей любви.

Сашка на столбе помахал Кате рукавицей и крикнул в ответ:

— Кирпича поменьше накладывай, сколько тебе говорить? Ты себя с Надей не равняй!

— Вот феодал! — нежно сказала Катя. — Еще не

поженились, а уже командует.

Тося проворно схватила большой ком мерзлой глины, замерла с ним над корытом и выжидающе посмотрела на Илью. Почувствовав на себе отчаянный Тосин взгляд, Илья недовольно оторвался от работы, притормозил свой громкозвучный топор. Равнодушно, будто по пустому месту, скользнул он по Тосе глазами, буркнул кислым голосом:

— Эй, кто там? Гвозди кончаются… — И громче прежнего застучал топором.

О гвоздях он заботился… Тося бухнула в корыто тяжелый ком глины. Ей вдруг до слез жалко стало, что так уныло, за здорово живешь проходят лучшие ее годы. Тоже мне, жизнь! Хоть поскорей бы, что ли, состариться и выйти на пенсию. Тося позавидовала пенсионерам: вся любовь у них засыхает от старости, никаких тебе забот и мучений. Живи и радуйся!

Ксан Ксаныч привинтил замок, пощелкай туда-сюда ключом и остался доволен. Он внес в свою комнату охапку сухих дров, заранее припасенную им, вытащил из чехольчика складной нож собственной добротной конструкции и стал тесать лучину для растопки.

— Торопишься ты, Саня! — предостерег Чур-

кин.

— А ждал сколько? — Ксан Ксаныч кивнул на печку. — Алексей Прокофьич, ты уж того… За мной не пропадет! Сам знаешь: печь для семейной жизни…

Не находя нужных слов, он помахал зажатыми в кулаке лучинами. Все на свете умел делать Ксан Ксаныч, а вот с важнейшим печным ремеслом как-то разминулся в своей жизни.

Чуркин покосился на коменданта.

— Рассчитываешь на эту комнату? А если не тебе дадут?

— Игнат Васильевич обещал…

— Обещают одному — дадут другому, — умудренно сказал комендант.

— Ты думаешь? — испугался Ксан Ксаныч.

— Бывает…

Чуркин почесал в затылке оттопыренным мизинцем — единственным своим чистым пальцем — и пояснил наивному Ксан Ксанычу:

— Администрация!

Ксан Ксаныч поспешно спрятал ножик в чехол и выскользнул из комнаты.

Дементьев скинул с себя пальто и стал расчищать подступ к крыльцу от строительного мусора.

Привычно помешивая палкой в котле, будто там варились щи, Тося тихонько сказала Вере:

— Тоскует человек… На месте Анфиски я ему написала бы. Хоть открыточку!

По грязному затоптанному снегу с частыми прогалинами первых луж промчался юркий солнечный зайчик от оконной рамы, которую Сашка тащил к дому. Сашка так спешил, что даже не успел снять монтерские кошки и бренчал ими, как кавалерист шпорами.

Илюхин топор вдруг замолк. И хотя, пока топор стучал, никто, кроме Тоси, его вроде и не слышал, но как только стук оборвался, все разом вскинули головы. И Тосе просто грех было не воспользоваться таким удобным случаем, и она добросовестно запрокинула голову кверху.

— Гвоздей давай! — требовательно закричал Илья с чердака.

— И чего разорался? — проворчала Тося: она хоть и не забывала про свою любовь к Илье, но видела насквозь все его недостатки и совсем не собиралась прощать ему барских замашек.

Сашка остановился, озираясь вокруг и прикидывая, кому поручить отнести гвозди Илье. Солнечный зайчик заплясал на Тосином сердитом лице.

— Вера Ивановна, отнеси Илье вон тот ящик, — распорядился Сашка. — Тось, помоги!

— А сам он не может? Руки у него отсохли? — озлилась Тося, закрываясь рукой от въедливого зайчика.

Пока она воевала с солнечным зайчиком, Вера взялась за один конец ящика, приподняла его и вопросительно глянула на замешкавшуюся Тосю. Чтобы подруга не надрывалась, Тося подошла к ящику и неохотно взялась за другой конец.

Они втащили ящик с гвоздями по шатким сходням на чердак. Вера тут же сбежала вниз. И Тося заторопилась было за ней, но хлястик ее ватника зацепился вдруг за конец толстой проволоки, свисающей с крыши. Тося замерла на месте, думая, что это Илья держит ее.

— Пусти… — тихо сказала Тося. — И чего вытворяешь?

Она шагнула вперед, но хлястик натянулся и не пускал.

— Пусти, кому говорят! — прошипела Тося, все еще не оборачиваясь к Илье, чтобы не видеть подлого человека, который ловко заманил ее на чердак, а теперь издевается над ней.

Она опять рванулась вперед, но ее крепко держали за хлястик и не давали сойти с места.

— Пусти, ирод! — выпалила Тося, схватила обрезок горбыля и гневно обернулась.

Илья стоял спиной к ней и возился с досками, прилаживая их к поперечинам. Тося разочарованно отбросила свой горбыль, медленно отцепила хлястик от проволоки. Она шагнула уже к сходням, собираясь сбежать вниз вслед за Верой, но как раз в эту секунду Илья наконец-то приладил доску и, не глядя на Тосю, требовательно протянул руку в ее сторону.

Тося сначала не поняла, чего он от нее хочет, и отшатнулась, но тут же догадалась, немного помедлила, вытащила из ящика гвоздь и подала Илье — для пользы дела, чтобы поскорей закончить постройку дома, в котором Наде с Ксан Ксанычем обещали комнату. Илья забил гвоздь и снова протянул руку. Тося снова подала ему гвоздь, стала поудобней и заблаговременно приготовила следующий: растяпой она не была и работать умела.

Над стройкой опять поплыл неторопливый размеренный стук:

— Бум… Бум… Бум…

Повернувшись спиной к Тосе, Илья работал как автомат: одним ударом топора заколачивал гвоздь, протягивал назад руку, в которую Тося

совала новый гвоздь, и тут же заколачивал его. Нельзя было даже понять, знает он, кто подает ему гвозди, или нет. Тося насупилась и самолюбиво закусила губу.

Илья протянул руку за очередным гвоздем и, не находя его, нетерпеливо пошевелил пальцами.

— Ну где ты там?

— Нашел себе подсобницу! Вот тебе, держи! — с ненавистью выпалила Тося, схватила ящик с гвоздями, понатужилась, подняла его и швырнула к ногам Ильи.

Ящик всей своей тяжестью пришелся на носок Илюхиного сапога. Илья охнул и запрыгал на одной ноге, морщась от боли.

Неведомая Тосе властная сила сорвала ее с места и кинула к Илье. Снизу вверх заглядывая ему в лицо и страдая больше его самого, она спросила виновато и покаянно:

— Илюшка, больно тебе?

Илья попытался улыбнуться Тосе, но тут же скривился от боли.

— Ничего… — выдавил он из себя. — Терпеть… можно!

От конторы лесопункта к новостройке, разбрызгивая первые весенние лужи, бежал не разбирая дороги счастливый Ксан Ксаныч.

— Дали, Надюша, дали!.. — кричал он, размахивая узенькой бумажкой. — Ту самую, окно на юг!..

Лесорубы шумной гурьбой окружили Ксан Ксаныча с Надей.

— Ксан Ксаныч, с тебя приходится! — Новоселье не зажимать!

— Ребятки! — растроганно пообещал Ксан Ксаныч, весь какой-то взъерошенный от счастья. — Все будет, дайте только нам с Надюшей на квартиру перебраться. И свадьба будет, и новоселье!

— Горько! — дурашливо крикнул Филя.

— Ну, а это уж ни к чему… — обиделся Ксан Ксаныч. Все вокруг разом вскинули головы. Над стройкой и поселком несся радостный и ликующий стук топора:

— Бум!.. Бум!.. Бум!..

И лесное эхо отвечало вдали — старательно и прирученно, как верная домашняя собачонка:

— Пуф!.. Пуф!.. Пуф!..

Вера понимающе улыбнулась. А Филя с Длинномером тревожно переглянулись и бегом потащили доски на чердак.

Чуркин вмазал чугунную плиту в кладку.

— Шабаш!

Комендант горделиво обошел вокруг первой в

жизни печки, сложенной при помощи и его рук.

— Ну как, будет она греть?

— А кто ж его знает? — осторожно отозвался Чуркин. Распахнулась дверь — и Ксан Ксаныч торжественно ввел Надю в комнату. Он снисходительно показал коменданту узкий листок бумажки, непостижимым образом вместивший в себя все радости будущей его семейной жизни.

— Бывает, — сказал комендант.

А Чуркин почесал мизинцем в затылке, развел руками и повторил свое любимое:

— Администрация!..

Они помыли руки и ушли. Напоследок Чуркин многозначительно подмигнул Ксан Ксанычу, напоминая ему о недавнем его обещании.

— Дождались, Надюша! — сказал Ксан Ксаныч. Ему вдруг показалось, что комната их стала меньше, чем была три недели назад, когда они с Надей ночной порой держали совет, как получше расставить мебель. Ксан Ксаныч озабоченно перемерил комнату шагами и убедился, что все отвоеванные им у судьбы четырнадцать квадратных метров жилплощади остались в целости и сохранности и терпеливо ждут, чтобы принять их с Надей на свои просторы.

Ксан Ксаныч кинулся растапливать печь, а

Надя стала мыть пол. В комнате запахло распаренной глиной. Печь пошла сухими пятнами и поначалу отчаянно дымила.

— Ничего! — бодро сказал Ксан Ксаныч. — Свой дым глаза не выест!

Он обследовал все свои владения, подергал ручку двери, повертел шпингалеты на окне и пообещал:

— Все метизы[13], Надюша, мы сменим!

Надя не узнала его голоса и удивленно посмотрела на жениха. В Ксан Ксаныче появилось что-то новое, незнакомое ей. Он будто вырос на целую голову, и во всех повадках стало проступать что-то самоуверенное, немного даже кичливое. Поистине, долгожданная собственная комната творила с Ксан Ксанычем чудеса и вытащила на божий свет все спрятанное до времени. Надя вдруг подумала, что она не так уж хорошо знает своего жениха.

Он приложил ухо к печной трубе и пригласил Надю:

— Иди послушай!

С тряпкой в руке Надя подошла к трубе и стала рядом с Ксан Ксанычем. Касаясь друг друга

---

[13] Примечания: 13

Метизы — металлические изделия (гвозди, болты).

плечами, они слушали, как гудит в трубе теплый воздух.

— Строго гудит! — одобрительно сказал счастливый Ксан Ксаныч. — Видать, с характером печка… А в общежитии, Надюша, совсем не тот коленкор. Там у печки одна забота: температуру давай. А тут она уют создает. Хоть и бессловесный предмет, а понимает, что требуется для семейной жизни!

Надя закивала головой, соглашаясь с Ксан Ксанычем, и ушла домывать пол.

Стало смеркаться. Сашка постучал топорами, обух по обуху, возвещая конец субботника. И когда все лесорубы покинули уже новостройку и шум вокруг затих, мимо по жилому у запотевшего окна в комнате Ксан Ксаныча прошествовали Илья с Тосей.

Тося шагала чуть впереди, а Илья по-адъютантски почтительно сопровождал ее.

— Тось? — робко окликнул он нетвердым голосом человека, до конца еще не уверенного в том, что все беды его миновали.

— Молчи! — суеверно шикнула Тося. — А то опять поругаемся…

Илья послушно замолк. Они шли рядышком, искоса поглядывая друг на друга. По стародавней

своей привычке Тося вскоре вырвалась вперед. Илья набрался смелости и попридержал ее за локоток. Тося виновато глянула на Илью и укоротила свою прыть. Они ступали теперь нога в ногу и дружно молчали…

Печь нагрелась и перестала дымить. Ксан Ксаныч принес с улицы чурбан и уселся посреди комнаты.

— Иди посиди со мной, — позвал он Надю. — Успеется!

— Вот домою, тогда уж… — отозвалась Надя.

Ей стало почему-то неловко оставаться с Ксан Ксанычем наедине, словно что-то недосказанное выросло вдруг между ними.

— Игнат Васильич сразу согласился эту комнату дать, — припомнил Ксан Ксаныч. — Он тебя очень уважает, Надюша!

— И тебя… — отозвалась из темного угла Надя. Кажется, она пыталась хоть такой малостью отплатить Ксан Ксанычу за все его добрые чувства к ней.

— Тебя больше, — правдолюбиво сказал Ксан Ксаныч. — И ребятки тоже молодцы, гуртом навалились, досрочно дом закончили. Все не везло нам, не везло, а под конец подул ветер и в нашу сторону…

В дверь постучали.

— Входи, открыто! — по-хозяйски крикнул Ксан Ксаныч.

Дверь распахнулась, и на пороге показались маленький тракторист Семечкин и его невеста — тихая девушка, работающая на шпалорезке.

— Значит, вы тут? — спросил Семечкин, ревнивыми глазами оглядывая жилище Ксан Ксаныча и Нади.

— Тут… — счастливо ответил Ксан Ксаныч и пошлепал рукой по подсыхающему боку печки.

— А мы рядом… — Семечкин повел головой в сторону.

— Что ж, соседями будем. Добро пожаловать! — гостеприимно сказал Ксан Ксаныч и торжественно пожал руку маленькому трактористу.

Надя вымыла пол, долго и тщательно вытирала его чистой тряпкой. Кажется, она больше всего боялась сейчас остаться без дела. А Ксан Ксаныч вдруг не на шутку встревожился:

— Кончай, Надюша… Перебраться надо сегодня же, верней так-то будет! А то мало ли чего: начальство ненароком передумает или вселится нахрапом какой-нибудь проныра, попробуй потом его выселить…

Он набил печь дровами, запер комнату и спря-

тал ключ в самый дальний и надежный карман.

— Я побегу за раскладушкой, а ты иди собирай вещи. Сама не надрывайся, я зайду… Сегодня как-нибудь переночуем, а завтра в загс!

Помолодевший от счастья Ксан Ксаныч сорвался с места и пропал в сизых апрельских сумерках. Зараженная его нетерпеньем, Надя быстро пошла по пустынной улице. Но чем ближе к общежитию подходила она, тем короче и нерешительней становился ее шаг, точно сильный встречный ветер мешал ей идти.

Спрямляя дорогу, Надя пересекла пустырь позади Камчатки и вдруг отпрянула назад, спряталась за поленницу дров.

— А северного сияния я так и не видела… — пожаловался голос Тоси.

— Ничего, — пообещал голос Ильи, — на будущий год увидишь!

Ветер раскачивал фонарь на углу улицы, и зыбкое пятно света бежало по грязному апрельскому снегу, выискивая что-то среди осевших сугробов. Вот любопытный пятачок вскарабкался на глухую стену общежития, скользнул вдоль старых почерневших бревен, беспощадным прожекторным лучом выхватил на миг из темноты Илью с Тосей, тесно сидящих на заветной зава-

линке. Тося зажмурилась от яркого света, стала совсем некрасивой и показалась Наде самозванкой, захватившей чье-то чужое место. А Илья смирно сидел рядом с Тосей и так преданно любовался сморщенным ее лицом, будто она была бог весть какой красавицей.

Пятачок побежал вспять — и темнота спрятала от Надиных глаз счастливую парочку.

В этот день в поселке переломилась весна: вечерний морозец попробовал было потягаться с теплым юго-западным ветром, но не совладал с ним и отступил. С крыши общежития падали последние сосульки, апрель бессонно точил сугробы, и если прислушаться, можно было разобрать, как оседал снег — с шорохом и стариковским кряхтеньем. А редкая капель еще не умела тенькать. Капли пулями впивались в ноздреватые сугробы и шуршали там юркими мышатами, разыскивая и пока еще не находя друг дружку.

Тося поймала на лету мокрую сосульку, откусила кончик и протянула Илье:

— Попробуй, сладкая!

Илья послушно захрустел пресной льдинкой.

— Сидим прямо как взрослые! — со смехом сказала Тося.

Ей было так непривычно хорошо сейчас, что невольно хотелось как-то снизить свою радость, чтобы та не слепила ее.

— А мы и есть взрослые, — немного обиженно отозвался Илья. — Хочешь, пойдем завтра и поженимся — и никто нам слова поперек не скажет.

— Ну и семейка получится: Илюшка — муж, Тоська — жена… Умереть со смеху можно!

— Глупая ты еще… — нежно сказал Илья.

— Вот моду взяли: как что не по-ихнему — так дурочкой обзывают. И мама-Вера, и ты… Поищи себе умную!

— Да я ж любя… С тобой все время как на экзамене. Ох и трудная ты!

— Пойди легкую поищи!

— А мне как раз такая, как ты, и нужна.

— Тогда терпи! — посоветовала Тося.

Илья попытался обнять ее. Она ужом выскользнула из его рук.

— Ишь моду взял! Руки!

— То-ось?..

— Сиди смирно и любуйся моей красотой!

Тося хмыкнула, торжествуя полную свою победу. Илья вновь попробовал поцеловать ее.

— Ох и агрессор ты, Илюшка! — сказала Тося, высвобождаясь из его объятий.

— Ну хоть так-то можно? — с великой надеждой в голосе спросил Илья и неуверенно положил руку на Тосино плечо.

Тося подумала-подумала и милостиво разрешила:

— Так можно…

Затаив дыхание, слушала Надя их горячий шепот и веселую возню.

Ближний сугроб напитался полой водой, и капли стали тенькать. Сначала каждая капля звенела в свой колокольчик и не догадывалась слиться с соседней каплей. А потом в толще сугроба чисто и певуче пропела струйка, и в соседнем сугробе ей сейчас же отозвалась другая. Они послушали друг дружку, примолкли, и вдруг под спудом снега, пробуя голос, на милом детском языке несмело залопотал первый ручеек. Он тут же замер, придавленный осевшим сугробом, но через минуту зажурчал уже чуть погромче. И снова затих.

Казалось, молодая, только что рожденная из талого снега вода все силилась и никак не могла припомнить, как вела она себя в прежних жидких своих существованиях, еще до того, как стать снегом, когда она низвергалась с заоблачной выси в ливнях, кипела в родниках, пересчитывала камни на перекатах, лениво струилась в степных

реках, клокотала в турбинах электростанций, сонно плескалась в озерах, поила потрескавшуюся от засухи землю в оросительных каналах, ревела в морских ураганах, винтом вздымалась к нему в смерчах и тайфунах, тяжко била в далекий коралловый берег крутой океанской волной…

— Тоже мне, любовь называется! — разочарованно сказал Илья. — Ребята уже невесть что про нас болтают, а я тебя и не целовал ни разу… Узнают — засмеют!

— Чихала я на твоих ребят, — отозвалась Тося.

— И на меня?

— Снова начинаешь, да? — пристыдила Тося. — Ох уж эти мне мужики! Неужели ты без этого самого поцелуя никак не можешь обойтись? Так-таки не можешь? Ты только не притворяйся!

— Чудачка ты! — удивился Илья. — А зачем обходиться?

Тося замялась:

— Все вокруг целуются — так и мы давай наперегонки! Так, что ли, по-твоему?

— Ну конечно! — обрадовался Илья. — А как же иначе? Что-то я тебя не пойму…

— А мы вот давай… не будем, — нетвердо предложила Тося, сама не зная, чего она хочет.

— Придумала!.. — разочарованно буркнул

Илья.

— Так ведь страшно же! — доверчиво призналась Тося. — Были чужие, а теперь ни с того ни с сего…

Илья молча снял руку с Тосиного плеча и отодвинулся от нее.

— Уже обиделся? Ох и личность ты!.. Ну ладно, так и быть…

Тося повернулась боком к Илье, зажмурилась и ткнула себя пальцем в щеку, показывая, куда целовать. Илья осторожно коснулся губами ее щеки и вопросительно посмотрел на Тосю. Она все еще сидела с закрытыми глазами: то ли переживала первый свой поцелуй, то ли ждала еще чего-то. Илья решительно обнял Тосю, крепко поцеловал ее в губы и тут же предусмотрительно отшатнулся, предвидя неминуемый нагоняй.

А Тося вдруг засмеялась. Всего ожидал от нее Илья, но лишь не этого смеха, обидного для мужского его самолюбия.

— Чего ты? — хмуро спросил он. Тося замотала головой.

— Не скажу… Никогда не скажу! И не упрашивай.

Илья придвинулся к ней:

— Ну, Тось?

— Да стыдно про такое говорить…

— Так ведь мне же, не кому-нибудь.

— Знаешь… я раньше все думала: и как это люди целуются, ведь носы должны мешать… А теперь вижу: ничуть они не мешают!

— Вот детсад! — изумился Илья.

Ему и смешно было немного, что Тося, при всей своей бойкости, на проверку оказалась такой зеленой, и мужскому самолюбию его льстило, что он у нее самый первый, первей некуда, и в то же время Илья как бы укор себе почувствовал в этом Тосином признании. Его кольнула вдруг непривычная, совсем еще не обжитая им зависть к Тосе, к тому, что она только-только начинает взрослую свою жизнь, а он уже поколесил, поколобродил в этой жизни больше, чем надо. Собственная опытность, которой раньше он всегда гордился, обернулась теперь для Ильи грязной своей стороной.

Илья вдруг остро пожалел, что ничего в прошлом нельзя переделать и никогда уже не вычеркнуть ему из своей жизни ни горемычной Анфисы, ни других девчат — лишних, случайных, ничуть ему, если толком разобраться, не нужных. И с Тосей все было бы у него совсем по-другому, если б встретился он с ней в позапрошлом году,

когда только что вернулся из армии и местные девчата еще не вешались ему на шею.

Но долго горевать о чем-либо, а тем более о том, чего нельзя уже было исправить, Илья не умел.

— Иди сюда, замерзла небось? — позвал он Тосю строже, чем сам хотел, невольно пряча от нее покаянные мысли.

Он расстегнул свое пальто, полой прикрыл Тосю и снова поцеловал ее, чтобы она поскорей к нему привыкла.

— Ну как, не мешают носы?

— Не мешают!.. Ты только не задавайся. А то ребята как добьются своего от девчонки, так прямо петухами ходят. А нам это обидно, понимаешь?

— Я тебя больше никогда не обижу… — пообещал Илья.

Его подмывало сейчас сказать Тосе что-нибудь красивое и торжественное, на всю жизнь успокоить ее, но нужные слова, как водится, куда-то запропастились. И тогда, чтобы хоть как-то возместить эти несказанные сильные слова, Илья еще раз поцеловал Тосю — некрепко, нежно, в беззащитный уголок губ.

Видит бог, он совсем не хотел обидеть ее братским своим поцелуем, а Тося вдруг заплакала.

— А теперь что? — встревожился Илья.

— Батю вспомнила… — Тося всхлипнула. — Как мне хорошо — я всегда почему-то его вспоминаю. Все думаю: вот не дожил он до этого дня, не радуется сейчас вместе со мной… Он ведь знал только, что у мамы ребенок будет, а кто — мальчик или девочка, — так и не успел узнать: погиб на фронте… Не узнал даже, что я родилась, и погиб, обидно-о!..

Илья крепко и бережно обнял Тосю, бессознательно пытаясь оградить ее от всех бед этого древнего, но все еще не до конца правильно устроенного мира. Не умом, а всем существом своим Илья вдруг понял, что он теперь не один, и впервые в жизни к нему пришло сладкое и тревожное чувство своей ответственности за чужую судьбу. Он был теперь в ответе за все, что случится в жизни с Тосей — и сегодня, и завтра, и послезавтра, и через десять лет; дальше заглядывать Илья пока не решался… Ему вдруг горячо захотелось, чтобы Тося никогда не пожалела, что доверилась ему. И для начала, как первый шаг в новой для него жизни, Илья ослабил кольцо своих рук, забоявшись вдруг, что Тосе больно сейчас, но она молчит из глупого девчоночьего упрямства.

И в ответ Тося доверчиво положила голову ему

на плечо, немного поелозила, устраиваясь поудобнее, и надолго затихла. Иголки покалывали затекающую руку Ильи, но он сидел неподвижно, как вкопанный, боясь пошевелиться, чтобы не потревожить Тосин покой. Если он о чем-либо и жалел сейчас — так только о том, что на его долю выпало поначалу такое легкое испытание. Ради Тоси он готов был вытерпеть и не такие муки.

Молодая вода припомнила уже прежнее свое житье-бытье, вошла во вкус и журчала теперь под толщей сугроба все громче и уверенней, час от часу набирая силу и бессонно трудясь для победы весны, наступающей по всему фронту.

Надя осторожно отошла от поленницы, чтобы не вспугнуть чужое счастье.

Никогда не было ничего такого в Надиной жизни! Еще никто так настойчиво не добивался от нее поцелуя, никому он не потребовался на всем белом свете, и сама она никому не была так сильно нужна, как Тося понадобилась Илье. Заплуталось на дальних дорогах женское ее счастье, а теперь, после скорой свадьбы с добрым, но нелюбимым Ксан Ксанычем, и никогда уж не найдет к ней пути.

Угрюмая, нехорошо спокойная, вошла Надя в общежитие, вытащила из-под койки чемодан и

стала укладывать вещи.

— Счастливые вы с Ксан Ксанычем! — позавидовала девица с серьгами.

Она переселилась к нашим девчатам, заняла бывшую Анфисину койку и сейчас сидела на ней и, позевывая, накручивала на ночь бигуди.

— Теперь и мы с Сашкой будем требовать квартиру! — объявила Катя, отрываясь от рукоделия. — Есть надежда, осенью дадут…

В комнату быстро вошла Вера. Еще с порога она нетерпеливо глянула на свою койку. Не раздеваясь, шагнула к ней, приподняла подушку, но и там ничего не нашла.

— Кто знает, почта была сегодня? — быстро спросила Вера.

Катя с проказливым любопытством посмотрела на смутившуюся под ее взглядом Веру, но пожалела старшую подругу и ничего не сказала.

Надя вынула из шкафа свое лучшее, давно уже приготовленное для свадьбы платье и вдруг замерла с ним посреди комнаты, будто забыла дорогу к чемодану.

— Что с тобой? — забеспокоилась Вера.

Угрюмая, еще более некрасивая, чем обычно, Надя подошла к раскрытому чемодану, помедлила и опустилась на койку, держа платье на

вытянутых руках.

— Надежда, не дури! — попробовала предостеречь ее Вера: кажется, она догадалась уже, что происходит с Надей.

Вбежал Ксан Ксаныч с новенькой, только что купленной сковородкой. Он был все такой же возбужденный и впервые за время своего жениховства позабыл постучать в дверь.

— Надюша, ты еще не готова? — Он подскочил к Наде и бодро помахал сковородкой. — Без очереди достал, алюминиевая, пригодится в семейной жизни.

Ксан Ксаныч пожал Наде руку выше локтя, шепнул: «Раскладушку я уже забросил!» — и вытащил чемодан на середину прохода между койками. Надя невольно подчинилась бурному его натиску и положила свадебное платье в чемодан. Они стали укладывать вещи. Сильные Надины руки двигались все тяжелей и непослушней, словно воздух на их пути густел и становился вязким. Ксан Ксаныч искоса присматривался к своей невесте. Он заметил перемену в ней, и эта новая непонятная Надя настораживала и даже пугала его.

Руки их сталкивались над чемоданом, но в глаза друг другу они не смотрели. Надино смятение

передалось и Ксан Ксанычу. Он начал было заворачивать сковородку в полотенце с выцветшим петухом, и вдруг пальцы его приостановили свой бег, точно примерзли к семейному алюминию. Надя испуганно глянула на него, глаза их на секунду встретились. Ксан Ксаныч тут же воровато шмыгнул взглядом в сторону и пуще прежнего засуетился со своей сковородкой. А Наде показалось вдруг, что они обманывают не только себя, а и всех людей вокруг. Похоже, они собирались сделать что-то нехорошее и постыдное: нарушить какой-то неписаный, но всем на свете известный человеческий закон.

Надя подурнела еще больше и выпрямилась над чемоданом.

— Девчата… Вера, Катерина и ты, как тебя? — обратилась она к девице с серьгами. — Выйдите на минуту в коридор. Нам с Ксан Ксанычем потолковать надо.

— Всего на одну минуту, — виновато подхватил Ксан Ксаныч. — Мы быстро…

— Вот жизнь пошла! — пожаловалась Катя, направляясь к двери. — Больше в коридоре живем, чем в комнате!

Вслед за Катей двинулась недовольная девица с серьгами. Патроны бигуди воинственно бле-

стели на ее голове, и, по всему видать, ей очень не хотелось выходить в холодный коридор, но она только вчера перебралась в эту комнату, не успела еще прижиться на новом месте и боялась спорить с Тосиными подругами.

Вера заглянула Наде в глаза:

— Ты подумай хорошенько, чтоб потом не жалеть… Хорошенько все обдумай, Надежда!

Надя кивнула, благодаря Веру за дельный совет. Девчата вышли в коридор, и Надя с Ксан Ксанычем остались в комнате вдвоем.

— Ксан Ксаныч, — тихо, но твердо сказала Надя, — обо всем с тобой мы переговорили: куда стол поставить, куда шкаф, а вот про любовь как-то не успели…

— Это точно! — сразу же покаялся в своем упущении Ксан Ксаныч. — Все как-то минуты подходящей не выпадало… Хорошо, что ты напомнила: перед женитьбой всегда про любовь говорят, так уж принято… Как ты, Надюша, насчет любви?

Надя никак не ожидала, что трудный их разговор сразу же обернется против нее, и теперь затравленно глянула на Ксан Ксаныча:

— Я тебя очень уважаю, Ксан Ксаныч… Хороший ты и добрый и… все на свете умеешь делать.

Все-все…

Она запнулась и надолго замолчала. Кажется, Надя жалела уже, что затеяла весь этот разговор.

— Значит, не любишь… — догадался Ксан Ксаныч, и руки его сами собой стали снимать Надино полотенце со своей сковородки.

Надя с испугом посмотрела на работящие руки Ксан Ксаныча.

— Постой! Я же привыкла к тебе, и никого на свете больше у меня нету…

— Успокойся, Надюша… — проговорил Ксан Ксаныч таким тоном, точно все, что произошло сейчас, ничуть его не касалось и утешать надо было только одну Надю. Сдается, он не так уж удивился нынешнему внезапному повороту событий, будто все время ожидал этого и в глубине души не очень-то верил в прочность своего счастья. — Ты кого-нибудь полюбила, Надюша?

— Никого я не полюбила, но и с тобой… Уважаю я тебя и привыкла, а вот…

Надя виновато развела руками.

— Что ж, сердцу не прикажешь… Зла на тебя я не держу, это я один во всем виноват, старый дурень. Ишь, чего удумал!..

Он бережно повесил на спинку кровати Надино полотенце с петухом и даже складку расправил.

Надя завороженно следила за каждым его движением.

— А ты, Ксан Ксаныч? — с робкой надеждой в голосе спросила она. — Ты сам-то как?.. Любишь меня?.. Хоть немного?

— Я? — переспросил Ксан Ксаныч, выгадывая время.

— Ты, Ксан Ксаныч…

— А как же? — бойко начал было Ксан Ксаныч, но встретился глазами с Надей и прикусил язык. — Как тебе сказать…

Он съежился, втянул голову в плечи, как бы говоря: «А кто ж его знает?»

— Я думала: хоть ты… — разочарованно сказала Надя. — Как же мы жить будем? Другие любят, а мы… так?.. Просто так?

— Успокойся, Надюша… Вообще-то живут и без любви, но с любовью, кто ж спорит, лучше. Для семейной жизни, я так понимаю, любовь вроде цемента: крепче как-то получается!.. Но я тебя и так не брошу, ты не сомневайся… Опять же: комната… Может быть, попробуем, Надюша? Живут же люди… — Ксан Ксаныч оглянулся на дверь. — Еще не поздно, Надюша, как ты скажешь — так и будет. Решай, а то девочкам в коридоре холодно…

Надю до слез тронуло, что даже в такую минуту добрый Ксан Ксаныч подумал о других.

— А может, ты бы решил? — попыталась она переложить ответственность за будущее на своего жениха.

Ксан Ксаныч строго покачал головой.

— Нет, — с неожиданной твердостью сказал он, — ты должна решать: в семейной жизни женщина — председатель… Ну, Надюша?

Надя отвернулась к слепому темному окну. Тишина затопила комнату. На нижнем складе коротко вскрикнул паровоз и тут же замолк. Лишь ходики, отремонтированные Ксан Ксанычем, громко и беспечно стучали на стене.

Сразу постаревший и вроде даже ставший меньше ростом, Ксан Ксаныч побрел к двери, забыто держа сковородку в вытянутой руке.

— Ксан Ксаныч, прости, что опозорила перед людьми, — тихо сказала Надя ему в спину. — Я и сама не знала, что так получится…

— Ничего, Надюша, как-нибудь переживу, — отозвался, не оборачиваясь, Ксан Ксаныч.

У порога он остановился, в остатний раз обежал глазами комнату, прощаясь со всей своей несостоявшейся семейной жизнью.

— Не отстают? — совсем некстати спросил Ксан

Ксаныч, покосившись на ходики. — А табуретку, Надюша, возьми себе… На память… Понадобится — я еще сделаю.

Ксан Ксаныч скованно взмахнул рукой в сторону знаменитой своей табуретки с дырочкой, заметил сковородку в руке и сунул ее на угол плиты.

— Интересно, кому теперь наша комната достанется? — вслух подумал он напоследок и вышел, тихонько, прикрыв за собой дверь.

Вбежали озябшие девчата, окружили Надю.

— Вот всегда она так! — возмутилась Катя. — Целый год тянула — и нате… Как подруга подруге: и на что ты, Надька, со своими данными надеешься?

— Ведь теперь тебе мужика не найти! — подхватила девица с серьгами.

— Ну, один-то мужик всегда со мной…

Надя невесело усмехнулась и кивнула на топор, стоящий в углу возле печки.

По тихой ночной улице поселка шла поредевшая ватага во главе с Филей. Длинномер сорвал с крыши сосульку и бросил ее в раскрытую форточку чуркинского дома. А Мерзлявый схватил с крыльца забытые детские саночки и швырнул их в колодец.

Филя досадливо поморщился и с тоской подумал: «И чего бы такое сотворить?»

Они подошли к Камчатке и заметили в укромной тени парочку.

— Шуганем? — предложил Мерзлявый. Длинномер рванулся было к завалинке, узнал Илью, поспешно ретировался и сказал умудренно:

— Не стоит…

И Филя разглядел, кто сидит на Камчатке.

— Так держать! — приказал он ватаге, махнул рукой вдоль улицы, а сам решительно шагнул к завалинке.

Он вплотную подошел к Илье и Тосе, всмотрелся в их счастливые и отрешенные лица, ненужно спросил:

— Сидите?

Илья недовольно снял руку с Тосиного плеча.

— Сидим! — храбро отозвалась Тося.

— Ну и как оно? Не скучаете? — заинтересованно спросил Филя тоном исследователя, столкнувшегося с новым и непонятным ему явлением природы.

— Ничего, — ответил Илья. — Терпеть можно!

— Значит, привел-таки на Камчатку?

Тося отодвинулась от Ильи и выжидательно посмотрела на него.

— Это она меня привела, — признался Илья.

Тося наклонила голову, подтверждая, что так оно, в сущности, все и было, и снова придвинулась к Илье.

— Э-эх, жалко мне вас! — философски сказал Филя. — И на что вы лучшие годы тратите!.. Курнуть не найдется?

Илья протянул Филе пачку папирос и захлопал себя по карманам в поисках спичек.

— Огонек имеется... — с достоинством сказал Филя и щелкнул зажигалкой.

Он прикурил и не сразу потушил зажигалку, с почтительным любопытством разглядывая Тосю, разлучившую его с Ильей. Филя никак не мог понять, чем же в конце-то концов эта невзрачная девчонка приворожила к себе такого бравого парня, как Илья. А Филю, при всей его беспечности, всегда почему-то задевало, когда он сталкивался с чем-нибудь в жизни, чего не понимал. В такие минуты он начинал вдруг чувствовать себя дураком, а в дураках Филя ходить не любил, считая себя не хуже тех, кто все понимает. Он скорее готов был прослыть подлецом и хулиганом, лишь бы не заделаться дураком.

Так и не докопавшись и на этот раз до коренной Тосиной тайны, Филя щелкнул зажигалкой, и

темнота отобрала у него счастливую парочку.

— Ну-ну, так держать… — машинально пробормотал Филя, яснее, чем когда-либо раньше, чувствуя, что есть в жизни что-то недоступное ему, и неохотно отошел от Камчатки.

Пока Филя проводил исследовательскую свою работу, ватага его совсем разбрелась. На улице остался лишь Филин «актив»: Длинномер и Мерзлявый. Они лепили снежки из последнего грязного снега и пытались сшибить фонарь.

— Лучшие люди женятся, а на вас и погибели нету! — осудил приятелей Филя.

По улице пробежала бездомная дворняга — из тех, что вечно шныряют возле помоек. Срывая на ней злость за все свои неудачи, Филя затопал ногами, заулюлюкал. Дворняга поджала хвост и умчалась во тьму. Филя смущенно кашлянул и покосился на свой «актив».

Длинномера уже нигде не было видно, а Мерзлявый — жалкий и в пыжиковой шапке — все еще кидал снежками в фонарь.

— Эх ты, мазила! — сказал Филя.

Он слепил из мокрого снега литой снежок, тщательно прицелился в фонарь, боясь опозориться перед последним и самым верным своим соратником, и с силой швырнул ледышку. Лампочка

звякнула в вышине, вокруг сразу потемнело, будто ночь надвинулась на Филю, осколки стекла посыпались на землю.

— Вот так и держать! — горделиво распорядился Филя, радуясь первой сегодняшней удаче.

В свете соседнего фонаря мелькнула длинная фигура коменданта, спешащего к месту происшествия. Мерзлявый трусливо нырнул в темный переулок, даже не предупредив своего атамана об опасности.

— Кадры… — проворчал Филя.

Зоркий комендант приметил беглеца, ястребом налетел на него и сорвал с головы пыжиковую шапку.

— Не отдам, пока новый фонарь не повесишь! — крикнул он вдогонку простоволосому Мерзлявому, улепетывающему со всех ног.

А гордый Филя и не думал убегать. Он демонстративно стоял посреди осколков фонаря и терпеливо поджидал грозного коменданта. Ему хотелось ругаться, скандалить. И от драки Филя сейчас не отказался бы. Он согласен был даже пострадать — лишь бы заглушить того непонятного прожорливого червяка, который ворочался в нем и грыз его душу.

Поравнявшись с темным фонарем, комендант

открыл было рот, но взглянул на воинственного Филю, готового постоять за себя, молча козырнул и прошел мимо. Филя никак не мог решить: то ли комендант не захотел наказывать двух людей за одно преступление, то ли просто побоялся связываться с ним.

— Начальство! — горько сказал Филя, поняв, что даже пострадать сегодня ему не удастся, и в сердцах плюнул себе под ноги.

…Обходя дозором поселок, комендант заглянул и на Камчатку, где все еще сидели Тося с Ильей.

— Зря сидите, — припугнул он легкомысленную парочку. — До осени отдельных комнат не предвидится!

— Проваливай, товарищ начальник! — прогнал его Илья и шепнул Тосе: — Завтра весь поселок узнает, что мы с тобой на Камчатке сидели.

— Ну и пусть! — расхрабрилась Тося.

— Ишь ты! — удивился Илья и попросил: — А теперь ты меня поцелуй, а то я тебя вон сколько, а ты ни разу… Ведь равноправие!

— Что ты, Илюшка, страшно! — заробела Тося. — Я лучше потом как-нибудь, ладно? А то сегодня мы все переделаем — и на завтра ничего не останется…

— Останется! — убежденно сказал Илья.

— Ты не обижайся, Илюшка, а я пойду: все коленки замерзли.

Они встали с завалинки и подошли к крыльцу общежития.

Тося тайком от Ильи приоткрыла за спиной дверь, обеспечивая себе беспрепятственное отступление, и вскинула голову.

В небе гулял молодой месяц — родной брат того месяца, в которого Тося когда-то осенью пуляла космической ракетой. «Есть все-таки справедливость на свете!..» — решила Тося, припомнив стародавние свои обиды.

— Глянь, спутник летит!

— Не должен бы сегодня… — засомневался Илья, задирая голову. — Сашка ничего не говорил… Да где ты видишь?

— Вот где!

Тося приподнялась на цыпочки, чмокнула Илью в щеку и захлопнула за собой дверь.

От полноты чувств Илья погладил шершавую доску, крикнул, будоража ночную тишину:

— Хе-гэ-эй!.. — и, не разбирая дороги, напрямик зашагал по жидкому хлюпающему под ногами снегу.

Эхо подхватило крик Ильи и понесло его над спящим поселком, над окрестными лесами и

всем притихшим под тонким месяцем миром.